

Грегори Фримонт-Барнс

ВОЙНА НА ПИРЕНЕЙСКОМ ПОЛУОСТРОВЕ

1807-1814

ГРЕГОРИ ФРИМОНТ-БАРНС

ВОЙНА НА ПИРЕНЕЙСКОМ ПОЛУОСТРОВЕ
1807-1814

СЕРИЯ "НАПОЛЕОНОВСКИЕ ВОЙНЫ"

Введение

В 1807 году Наполеон находился на вершине своего могущества, разгромив все ведущие державы Европы, за исключением Британии, решительно отказывавшейся прекратить борьбу с неуступчивым и казавшимся неодолимым врагом. Впрочем, ситуации предстояло вскоре перемениться. Решение Наполеона оккупировать Пиренейский полуостров привело к затяжной и дорогостоящей войне, позволившей в итоге Британии прочно закрепиться на материке. Наполеон образно называл войну на Полуострове «испанской язвой». Эта ожесточенная битва, начавшаяся в Португалии, охватившая затем Испанию и закончившаяся на юге Франции, беспрестанно требовала огромного количества людей, равно как военного снаряжения и денег. Полуостров, давший название войне — Пиренейский — являлся изолированным театром военных действий, но факт, что борьба разворачивалась на территории Португалии и Испании, не должен занижать значение конфликта в широком контексте Наполеоновских войн. Напротив, военные кампании, развернувшиеся на просторах полуострова, сыграли весомую роль в окончательном падении Наполеона, по праву образуя одну из ключевых фаз в многочисленных войнах против него.

Будучи лишен имеющегося у нас преимущества ретроспективного взгляда на прошлое, Наполеон, при всей его мудрости, не в состоянии был в 1807 году оценить значение этой войны. Так же как нельзя было предвидеть, что вторжение в Португалию, которое французы рассматривали как рядовую операцию по закрытию портов этой страны для английской торговли, вскоре перерастет в масштабный конфликт с вовлечением сил не только Франции и Португалии, но также Великобритании и Испании.

Молниеносные кампании Наполеона в 1805–1807 гг. основывались на системе, включавшей стремительные переходы и концентрацию сил. Армия снабжалась по преимуществу за счет покоренной территории, избегая зависимости от протяженных путей сообщения, громоздких обозов и стационарных магазинов. Короче говоря, войска императора обеспечивали себя по мере продвижения, с помощью чего появлялась возможность сосредоточить большие силы в желаемом пункте. В то же время, опыт военных действий в Восточной Пруссии и Польше в первой половине 1807 г. выявил, насколько затруднено проведение операций при наличии двух негативных факторов: бедной страны и плохих дорог. На Пиренейском полуострове наличествовали оба эти фактора. «Великая армия» могла просуществовать в таких условиях какое-то время, но уж никак не годы. Крайняя бедность, примитивные пути сообщения — часто не более чем жалкие тропы — несудоходные реки, непроходимые горные массивы — все это создавало серьезные проблемы для большой массы людей и лошадей. Они еще более усугублялись тем, что французам противостояли не только регулярные армии союзников, но и собственно народ, населяющий полуостров. Как напишет позднее Клаузевиц, «война в Испании стала делом по существу народным». Простой французский солдат, ветеран многих кампаний Альбер де Рока, сумел ухватить суть того фанатичного сопротивления, с которым пришлось столкнуться ему и его товарищам:

«Нам пришлось сражаться не против [профессиональных] войск... но против народа, резко отличающегося от других народов континента своими обычаями, предрассудками, и даже против самой природы страны. Испанцы сопротивлялись тем более отчаянно, что верили, будто

Герильясы убивают француза. Невидимый враг постоянно таился в непроходимых дебрях. Французские часовые, отставшие, солдаты, действующие в небольших отрядах оказывался в его власти. Деятельность герильи стоила французам более 100 тысяч погибших – хотя точные цифры невозможно подсчитать – и оказывала постоянно угнетающее воздействие на тех, кто не пострадал от этого неуловимого и зачастую жестокого противника (Бакле д'Альбе, Военный музей Франции)

целью французского правительства является создать на Полуострове зависимое государство, безоговорочно подчиненное господству Франции».

И действительно, вскоре французы обнаружили, что и географические условия, и население крайне враждебны по отношению к ним. Ни один военный конфликт вплоть до двадцатого века не характеризовался таким ужасным сочетанием национального сопротивления с негостепреимством природы. Географические условия на Полуострове видоизменяются от заснеженных Пиренеев до опаленных солнцем пустынь Сьерра-Морены. Если география и климат оказывались

недостаточно губительными, им на помощь приходили заразные болезни, включая тиф, дизентерию и малярию.

Принимая решение оккупировать Испанию, Наполеон допустил громадный просчет. Препятствием к этому был опыт оккупаций в Центральной и Западной Европе свидетельствовал, за рядом некоторых примечательных исключений, что население в целом спокойно воспринимало власть французов, а иногда даже и сам бонапартизм. Испания оказалась единственной страной, которую Наполеон не смог до конца покорить. Ведение войн против регулярных армий сделало имя Наполеона легендарным для своего времени. На Полуострове же

Пиренейский полуостров в 1807 году

Обширные пространства, поразительное многообразие географических условий, меняющийся климат, а также примитивные дороги на Полуострове затрудняли сообщение между частями страны, делая его в определенные времена года практически невозможным. Одна только Испания насчитывала около 12 миллионов жителей, занимая территорию в почти 193 тысячи квадратных миль (500 тыс. кв. км.), включая центральное нагорье. Помимо того, она знаменита горными хребтами, вздымающимися на несколько тысяч футов. На полуострове очень разнообразный климат, весьма затрудняющий ведение кампаний: там есть все, от умеренных зон на северо-западе до полупустынь на юге. В некоторых районах бывают грозовые ливни, в других на полусожженную землю месяцами не проливается ни капли дождя. Некоторые территории подвержены огромным колебаниям температуры в течение суток, палящее лето там сменяется морозной зимой. Юг страдает как от наводнений, так и от засух, а на восточном и южном побережье как правило тепло или очень жарко – температура в летние месяцы достигает 100 градусов по Фаренгейту.

общенародное движение, весьма отличное по своей природе от того, что воодушевляло французов в девяностые годы восемнадцатого века, но почти такое же мощное,

стремительно разлилось пожаром восстания по всем провинциям. По всем пространным сельским округам Испании, где бросается в глаза отсутствие многочисленного среднего

класса, играющего роль сдерживающей силы, распространяется страшная зараза национализма. Далекое от идей политических и социальных реформ по образцу французской революции, оно вдохновляется диаметрально противоположными целями, включая такие пережитки, как слепая вера в короля и церковь. В обществе почти целиком сельском, грубое, необразованное крестьянство рассматривало бурбонских монархов как защитников истинной веры, потомков тех, кто освободил средневековую Испанию от ига мавров. Проще говоря, война приняла характер некоего крестового похода, но скорее освободительного, чем завоевательного, и духовенство с энтузиазмом взывало к помощи небес в деле изгнания оккупантов, которых оно изображало в качестве пособников сатаны. Такая одержимость не наблюдалась в Европе со времен религиозных войн шестнадцатого и семнадцатого веков. Это чувство оказалось настолько сильным, что даже британские солдаты-протестанты рассматривались как еретики: были случаи, когда испанцы не позволяли хоронить тела погибших – своих союзников! – в святой католической земле. Атеистические, либеральные принципы Французской революции воспринимались реакционно настроенными испанскими знатью и духовенством как прямая угроза их власти и собственности, социальной гармонии и духовной чистоте религии. Французы стали средоточием всех проблем испанского общества, включая его гнетущую бедность.

Различие между поведением регулярных, профессиональных войск и герильясов было разительным. Разница в способах ведения войны – согласно принципам и нарушающем их – проявилась сразу же. Англичане и французы сходились в «правильных» сражениях и стычках, и вне поля боя обходились друг с другом со всей галантностью. На деле братания наблюдались сплошь и рядом, вопреки строжайшему запрету Веллингтона. Пользуясь расположением впереди остальных войск, фуражирские партии как правило, при встрече расходились миром, а часовые на удаленных постах

частенько обменивались продуктами, курили и болтали друг с другом. Неформальные перемирия между пикетами иногда помогали сторонам обмениваться тяжелоранеными пленными.

Герилья, напротив, ознаменовалась крайними проявлениями варварства и с той, и с другой стороны. Партизаны, рост числа которых невозможно было сдержать, безжалостно вырезали маленькие отдельные группы солдат, оставших, раненых. Французские войска регулярно творили зверства в деревнях, включая грабежи, убийства, поджоги. Жестокость, принятая обеими сторонами, вскоре достигла невероятных пределов и приняла отвратительные формы; репрессии порождали репрессии, продолжая тем самым череду обид и умножая ряды партизан. Война на Полуострове, сочетая в себе столкновение профессиональных армий и борьбу простого народа, войну по правилам и без, во многих аспектах стала, таким образом, прообразом конфликтов двадцатого столетия.

Война на Полуострове охватила большую часть лет существования Наполеоновской империи. Когда она началась, император Франции с триумфом правил почти всем европейским континентом. Репутация британской армии еще не восстановилась после поражения в Американской войне за независимость и неудачного участия во французских революционных войнах, а сэр Артур Уэлсли, будущий герцог Веллингтон, был всего лишь одним из младших генералов, и ничто не предвещало его грядущей судьбы. Но в ходе войны Веллингтон одерживал победу за победой. К концу войны, в 1814 году, английская армия, невзирая на частые отступления, прошла маршем от берегов Португалии до южной Франции, превратившись в одно из самых профессиональных, хорошо мотивированных и эффективных боевых соединений, когда-либо покидавших берега Британии, ведомое величайшим солдатом нации. Были ли французы изначально обречены на поражение – по-прежнему открытый вопрос, но то, что

война на Полуострове безусловно сыграла одну из решающих ролей в поражении Франции — общепризнанный факт.

Сам Наполеон признавал это годы спустя на острове Святой Елены, когда писал: «... это злосчастное «испанское дело» восстановило мнение против меня и пробудило

Англию. Оно подтолкнуло их продолжать войну. Рынки Южной Америки остались открытыми для них, они высадили на Полуострове армию... [которая] стала проводником победы, узловой точкой всех интриг, что плелись на континенте... [«Испанское дело»] — вот что погубило меня.

Хронология

1807 год.

18 октября. Французы входят в Испанию по пути в Португалию.

27 октября. Франция и Испания заключают мир в Фонтенбло.

30 ноября. Жюно занимает Лиссабон.

1808 год.

16 февраля. Французские войска вторгаются в Испанию.

17 марта. Испанский король Карл IV отрекается от трона.

23 марта. Французы оккупируют Мадрид.

16 апреля. Открывается конференция в Байонне.

2 мая. «Второе мая» - восстание в Мадриде, жестоко подавленное Мюратом.

6 июня. Жозеф Бонапарт провозглашен королем Испании.

8 июня. Астурийская хунта обращается за помощью к Британии.

15 июня — 13 августа. Первая осада Сарагосы.

14 июля. Бесьер разбивает испанцев под командованием Куэсты и Блейка при Мединадель-Рио-Секо.

21 июля. Войска генерала Дюпона капитулируют при Байлене.

1 августа. Армия Уэлсли высаживается в бухте Мондегу, в Португалии. Жозеф оставляет Мадрид.

17 августа. Уэлсли разбивает французов при Ролисе.

21 августа. Уэлсли наносит поражение Жюно при Вимьере.

30 августа. Конвенция в Синтре. Французские войска должны вернуться на родину.

Сентябрь. Представители хунт провинций образуют Центральную хунту в Аранхуэсе.

30 октября. Французы оставляют Португалию.

4 ноября. Наполеон прибывает в Испанию во главе 125-ти тысячной армии чтобы атаковать испанские войска на линии реки Эбро.

10 ноября. Сражения при Эспиносе и Гамонале.

23 ноября. Битва при Туделе. Французы разбивают испанцев.

29-30 ноября. Сражение при Сомосьерре.

4 декабря. Наполеон входит в Мадрид.

10 декабря. Сэр Джон Мур выходит из Саламанки.

20 декабря. Начинается вторая осада Сарагосы.

25 декабря — 14 января. Отступление к Корунье.

1809 год.

13 января. Виктор разбивает Венегаса при Уклесе.

16 января. Битва при Корунье. Мур одерживает победу, но погибает. Двумя днями позже его войска без помех грузятся на суда.

20 февраля. Падение Сарагосы после трехмесячной жестокой осады, при которой погибло около 50 тыс. человек.

22 марта. Французы берут Порту. Центральная хунта образует реформированный Кортес.

28 марта. Битва при Медельине. Виктор разбивает Куэсту.

22 апреля. Уэлсли вновь прибывает в Португалию.

12 мая. Перейдя через Дору, Уэлсли наносит Сульту поражение при Порту.

24 мая. Начинается осада Хероны.

27-28 мая. Уэлсли разбивает французов под Талаверой.

18 октября. Испанцы одерживают победу при Тамамесе.

20 октября. Начинается строительство Линий у Торриш-Ведраш.

19 ноября. Мортье разбивает испанцев при Оканье и Альба-де-Тормес.

11 декабря. Падение Хероны.

1810 год.

Январь. Французы захватывают Андалусию. Роспуск Центральной хунты.

5 февраля. Французские войска входят в Кадис. Установление нового регентства, которое продлится два года.

Апрель-май. Несколько хунт в Испанской Америке провозглашают независимость.

10 июля. Массена занимает Сьюдад-Родриго.

24 июля. Ней разбивает Кроуфорда при реке Коа.

28 июля. Капитуляция Алмейды.

16 сентября. Переворот в Мексике.

24 сентября. Под Кадисом собираются новые Кортесы, которые вскоре размещаются в городе.

27 сентября. Сражение при Бусако. Веллингтон разбивает Массену.

10 октября. Веллингтон занимает оборонительные позиции за линиями Торриш-Ведраш.

14 октября. Массена наталкивается на оборонительные линии и вынужден остановиться.

16 ноября. Отступление французских войск из под линий у Торриш-Ведраш.

1811 год.

26 января. Французы осаждают Бадахос.

19 февраля. Сулыт разбивает испанцев при реке Хебора.

5 марта. Грэхем одерживает победу при Барросе. Французы оставляют Португалию.

9 марта. Бадахос сдается французам.

15 марта. Массена отступает в Испанию.

1 мая. Веллингтон занимает Алмейду.

3-5 мая. Битва при Фуэнтес-де-Оноро. Веллингтон разбивает Массену.

6-15 мая. Первая осада Бадахоса англичанами.

16 мая. Битва при Альбуэре. Бересфорд наносит поражение Сулыту, но сам несет жестокие потери.

19 мая – 17 июня. Вторая осада Бадахоса англичанами. Снова неудача.

5 июля. Венесуэла провозглашает независимость от Испании.

25 сентября. Битва при Эль-Бодоне.

1812 год.

8 января. Начинается осада Сьюдад-Родриго.

19 января. Британцы штурмом берут Сьюдад-Родриго.

16 марта. Веллингтон начинает третью осаду Бадахоса.

19 марта. Кортесы в Кадисе принимают либеральную конституцию, провозглашающую свободу прессы, но не свободу вероисповедания. Одновременно принимается свод законов, распространяющихся на всю страну.

6-7 апреля. Веллингтон штурмом берет Бадахос.

22 июля. Битва при Саламанке. Разгром Мармона.

12 августа. Веллингтон входит в Мадрид.

24 августа. Французы снимают осаду с Кадиса.

19 сентября – 22 октября. Веллингтон безуспешно осаждает Бургос.

2 октября. Веллингтон назначается главнокомандующим испанской армией.

22 октября – 19 ноября. Союзники отступают от Бургоса к Сьюдад-Родриго, оставив 30 октября Мадрид.

2 ноября. Французы снова входят в Мадрид.

1813 год.

22 мая. Веллингтон переходит в наступление.

27 мая. Французы оставляют Мадрид.

2 июня. Союзники осаждают Таррагону.

3 июня. Союзные войска переходят через Дуро.

13 июня. Французы оставляют Бургос. Союзники снимают осаду с Таррагоны.

17 июня. Веллингтон форсирует Эбро.

21 июня. Битва при Витории. Веллингтон

одерживает решительную победу над королем Жозефом.

28 июня. Начинается осада Сан-Себастьяна.

30 июня. Осаждена Памплона.

11 июля. Сулыт принимает командование французскими войсками в Пиренеях.

25 июля. Сулыт атакует союзников в Пиренеях при Майя и Ронсевале.

28-30 июля. Веллингтон разбивает Сульта при Сораурене.

31 августа. Грэхем берет Сан-Себастьян. Битва при Вере. Веллингтон отбрасывает Сульта при Сан-Марсиале.

8 сентября. Капитулирует цитадель Сан-Себастьяна.

7 октября. Союзники форсируют реку Бидассоа и входят на территорию Франции.

31 октября. Французы сдают Памплону.

10 ноября. Веллингтон одерживает победу над Сультом при реке Нивей.

9-12 декабря. Веллингтон разбивает Сульта в сражение на реке Нив.

11 декабря. Договор в Валансэ.

Наполеон освобождает из заточения короля Фердинанда в обмен на обещание заключить мир. Обещание не будет выполнено.

13 декабря. Стычка при Сент-Пьерре. Хилл отбрасывает Сульта. Фердинанд восстановлен на испанском троне.

1814 год.

26 февраля. Союзники осаждают Байонну.

27 февраля. Веллингтон разбивает Сульта при Ортезе.

20 марта. Схватка при Тарбе.

24 марта. Фердинанд VII возвращается в Испанию.

6 апреля. В Париже Наполеон отрекается от трона.

10 апреля. Веллингтон наносит поражение Сульту при Тулузе.

14 апреля. Вылазка французов из Байонны.

17 апреля. Капитуляция Сульта.

27 апреля. Сдача Байонны.

30 апреля. Парижский мир.

Извечные враги: Британия, Франция и Испания

Столетия, предшествовавшие войне на Полуострове, были отмечены регулярными периодами конфронтаций между Британией, Францией и Испанией, характерных постоянной перетасовкой союзов и альянсов. Впрочем, англо-французское соперничество было постоянным. Современники с полным основанием называли эти державы «наследственными» врагами. Таблица внизу обобщает историю войн между тремя старейшими унитарными державами Европы за столетие до начала войны на Полуострове.

Вплоть до 1792 года эти войны, были, разумеется, спорами между королями, и велись в соответствии с правилами военного искусства восемнадцатого века: суверены стремились добиться решения каких-то

определенных задач, и отнюдь не вынашивали желания сокрушить правящую династию (как правило, действительно древнюю) своего противника. Французская революция 1789 года навсегда разрушила прежнюю систему, вызвав радикальные изменения в отношениях между государствами.

В области высокой политики восемнадцатый век был периодом почти беспрестанного противостояния между Францией и Британией, подпитываемого борьбой за колонии соперничеством в торговой сфере. основополагающий догмат британской внешней политики гласил, что на континенте нельзя допустить возникновения чьей-либо гегемонии. Проще говоря, Британия не потерпела бы изменений,

Войны между Испанией, Францией и Британией. 1702-1808 гг.

1702-1714	Британия против Франции и Испании	Война за Испанское наследство
1718-20	Британия и Франция против Испании	Война Четверного союза
1739-48	Британия против Испании	«Война за ухо Дженкинса»
1740-48	Британия против Франции	Война за Австрийское наследство
1756-63	Британия против Франции	Семилетняя война
1778-83	Британия против Франции	Война за независимость в Америке
1779-93	Британия против Испании	Война за независимость в Америке
1793-1802	Британия против Франции	Французские революционные войны
1793-95	Испания против Франции	Французские революционные войны
1796-1802	Британия против Испании	Французские революционные войны
1803-14/15	Британия против Франции	Наполеоновские войны
1804-1808	Британия против Испании	Наполеоновские войны

ведущих к чрезмерному усилению любой из других великих держав: Франции, Австрии, России или Пруссии. А поскольку Франция постоянно стремилась нарушить этот баланс, особенно с вступлением на престол Людовика XIV, то вражда между Англией и Францией являлась естественным результатом амбиций династии Бурбонов.

Многие англичане того времени придерживались мнения, что изменение природы международных отношений, вызванное Французской революцией, устранил причины для вражды между двумя извечными соперниками. Но они, напротив, стали еще более ожесточенными противниками, чем когда-либо до этого, вдохновляемые кардинальными различиями в политическом строе, прежними спорами за колонии и рынки, а также, самое главное, стремлением революционной Франции к территориальной экспансии. Все эти факторы

Гибель генерала Вольфа при Квебеке, 13 сентября 1759 г. В восемнадцатом веке англо-французское соперничество разворачивалось по всему миру, особенно в Северной Америке, где территория Французской Канады и тринадцати британских колоний представляли собой оживленный театр военных действий. По завершении в 1763 г. Семилетней войны Северная Америка, Индия, и все океаны стали зоной господства Англии, отобравшей у Франции Канаду и индийские земли. (Художественная библиотека Энн Роунан)

образовали более взрывоопасную смесь, чем прежние компоненты англо-французского противостояния. Оккупация Нидерландов во время Французских революционных войн сразу же создала непреодолимый барьер в установлении добрососедских отношений между двумя странами. Британия рассматривала любую державу, имеющую сильный флот и контролирующую Нидерланды, как прямую угрозу своему существованию.

После почти десяти лет войны (1793–1802 гг.) Британия и Франция заключили очень шаткий Амьенский мир, однако Наполеон продолжал вмешиваться в дела Швейцарии, Голландии, Германии и Италии, а Британия отказалась покинуть Мальту, служившую защитой от французской экспансии на Средиземноморье, так что возобновление военных действий (май 1803 г.) было неизбежным.

Новая фаза Наполеоновских войн, продлившаяся до 1805 года включительно, характеризовалась, в силу особенностей военных сил держав, по преимуществу противостоянием на море. Война на Полуострове драматическим образом меняет ситуацию, дав Британии возможность противостоять Франции на земле дружественной державы, легко достижимой с моря.

В то же время исторически сложившееся между Британией и Испанией отношения были тоже далеки от идеальных. В 1790 году между ними едва не разразилась война за Нутка-Саунд — территорию, расположенную на побережье современной Британской Колумбии. Франция и Испания

Англичане капитулируют при Йорктауне в 1781 году. Американская война за независимость (1775-1783 гг.) дала возможность Франции взять реванш за потери в Семилетней войне (1756-1763 гг.), оказав помощь мятежным американским колонистам. Действительно, французская военно-морская и финансовая помощь сыграли решающую роль, в частности, при Йорктауне, где генерал Корнуоллис капитулировал во главе семи тысяч солдат не столько перед американцами, сколько перед тысячами французских солдат, сумевших при мощной поддержке эскадры адмирала де Грассе окружить на Виргинском побережье английскую армию. (Художественная библиотека Энн Роунан)

состояли в союзе, но Национальное Собрание отказалось признать договор, подписанный до революции. Безвольная позиция Людовика XVI, все еще короля, хотя и с урезанной властью, характеризовалась симпатией к правящему дому Испании, ведь это были такие же Бурбоны, как и он сам. Но логика революции диктовала, что суверены Франции и Испании не смогут впредь полагаться на «семейное согласие», существовавшее между ними. Усиливающиеся притеснения Людовика, мощный поток эмигрантов из Франции, пересекающих Пиренеи, неизбежно настраивали Испанию против революционных властей. Испания предложила предоставить убежище королевской семье, но революционеры дважды отвергли

предложение, пока 7 марта 1793 года не объявили, наконец, войну Испании.

Испанию обнадежил первоначальный успех этой кампании. Одна армия защищала западные Пиренеи от французов, а другая тем временем вторглась в Руссильон и западный Прованс. Тем не менее действия Испании при осаде Тулона в конце года не принесли ей славы, а в 1794 году умерли два лучших испанских командующих. Некоторое время спустя Франция контратаковала превосходящими силами, захватив пограничные крепости, и продвинувшись почти до линии реки Эбро. Военные неудачи и расстройство экономики заставили Испанию выйти из войны и подписать мир в Базеле 22 июля 1795 года. Она отдавала Франции Санто-Доминго (ныне

Доминиканская республика) в обмен на вывод французских войск со своей территории. Подписанный в следующем, 1796 году, договор в Сан-Ильдефонсо сделал Испанию союзником Франции в войне против Англии. Поскольку согласно договору Испания обязалась выставить 25 военных кораблей, начался период повсеместного морского противостояния Испании и Британии, продлившийся с 1796 года до заключения Амьенского мира в 1802 году.

Связи между Испанией и Францией укрепились после того, как обе державы подписали 7 октября 1800 г. конвенцию в Сан-Ильдефонсо, позднее подтвержденную договором в Аранхуэсе от 21 марта 1801 года. Британские интересы потерпели еще больший ущерб, когда по заключенному между Францией и Испанией договору в Бадахосе, последняя обязалась объявить войну давнему союзнику Англии — Португалии. Так называемая «Апельсиновая война» была короткой (май-июнь 1801 г.), но согласно мирному договору, подписанному 6 июня, Испания получала небольшой пограничный округ Оливенса, а Португалия обязывалась закрыть свои порты для британских судов и выплатить Франции контрибуцию в 20 миллионов франков.

В период англо-испанского противостояния 1796-1802 гг. военные операции были почти исключительно морскими. Как минимум на бумаге Испания выглядела серьезным оппонентом. В 1793 году Испанская империя распространяла свое влияние на огромные территории в обеих Америках, включая миллион квадратных миль (2,6 млн. кв. км.) к западу от Миссисипи, владела землями на Карибах (прежде всего Кубой), и в Тихом океане (в первую очередь — Филиппинские острова). Она являлась третьей морской державой мира, располагая 76 линейными кораблями (из которых реально оснащены были 56) и 105 меньшими судами.

Но на деле испанский флот не мог составить конкуренции британскому. Практически в каждом столкновении, от десантных операции до абордажных

схваток и битв флотов, как в домашних, так и в колониальных водах, испанцы терпели поражения. Значимыми исключениями являются только неудачные атаки британцами Сан-Хуана и Пуэрто-Рико в 1797 году и набег Нельсона в том же году на Санта-Крус-де-Тенерифе, расположенный на Канарских островах. Несмотря на это, победа при мысе Сент-Винсент, одержанная в феврале 1797 года, стала огромным триумфом англичан. Поражение при Сент-Винсенте вынудило испанский флот укрыться в Кадисе до конца войны, и если не брать в расчет кровавое поражение Нельсона при Тенерифе, флот этот оказался совершенно нейтрализован. Такая ситуация не только нарушила торговлю Испании и управление ее заморскими колониями, но и вызвала паралич военного кораблестроения — последний линейный корабль сошел с испанских верфей в 1798 году, а фрегат — двумя годами позже. В довершение всех бед, английские войска в 1798 году без труда завладели островом Минорка.

Хотя договор в Амьене установил в марте 1802 г. пусть краткий, но мир между Британией и Испанией, англо-французское противостояние, возобновившееся всего 14 месяцев спустя, означало, что и Испании не удастся долго оставаться в стороне. 9 октября 1803 года Франции удалось вовлечь Испанию в союз, по условиям которого последняя обязалась выплачивать ежемесячную субсидию в 6 миллионов франков в целях поддержания нейтралитета Португалии, и предоставить Франции от 25 до 29 линейных кораблей. Наполеон рассчитывал использовать их для прикрытия операции по переброске войск через Ла-Манш.

Поскольку такое соглашение не обязывало Испанию открыто выступить против Британии, само существование подобного договора оставалось тайной для британского Адмиралтейства. Но, хотя в последующие месяцы Испания постоянно заявляла о своем нейтралитете, недоверие к ней росло, и Британия не могла смириться с тем, что Испания дает Наполеону деньги на войну с ней, так что открытый разрыв становился лишь

делом времени. Детонатором его послужило приближение к Кадису флота, груженого сокровищами из Перу. 5 октября 1804 года, без объявления войны флот был атакован британской эскадрой. Разъяренная Испания официально вступила в войну 12 декабря, дав, таким образом, Наполеону возможность использовать ее многочисленный, хотя и слабый, флот. Объединив его со своим, император планировал выманить флот Пролива в открытое море, выиграв тем самым небольшой промежуток времени, необходимый сосредоточенной в Булони, на северном побережье Франции, армии вторжения, чтобы пересечь узкую полосу воды, в течение многих столетий спасавшую его врага. Как известно, вице-адмирал Горацио Нельсон (1758-1805) похоронил этот план при Трафальгаре 21 октября 1805 г., когда франко-испанский флот был буквально уничтожен в одной из крупнейших битв военно-морской истории.

Это, тем не менее, не положило конец противостоянию Англии и Испании, и в следующем году британская экспедиция захватила Буэнос-Айрес и Монтевидео. Оба города оказались в руках англичан, но вскоре их гарнизоны обнаружили, что им противостоят подавляющие по численности отряды колониальной милиции и испанской регулярной армии, и вынуждены были капитулировать. В январе 1807 года прибывшие подкрепления отбили Монтевидео, но потерпели поражение при Буэнос-Айресе, в результате в следующем месяце все британские войска эвакуировались из Южной Америки. Таким образом, в 1807 году, накануне войны на Полуострове, Испания и Англия продолжали оставаться в состоянии войны друг с другом. О том, каким образом отношения между Британией и Испанией в течение всего лишь года пережили такую радикальную перемену, речь пойдет позже.

Противоборствующие силы

Британская армия

В течение как восемнадцатого века, так и эпоху Наполеоновских войн Британия, по преимуществу, оставалась самоизолированной нацией, чья мощь заключалась прежде всего в королевском флоте — бесспорно крупнейшей морской силе своего времени. Географические условия и гегемония на море подразумевали, что для обороны страны достаточно лишь небольшой постоянной армии. В любом случае размеры армии ограничивались финансовыми, а в еще большей степени политическими

Генерал-лейтенант сэр Джон Мур (1761-1809 гг.). Обожаемый подчиненными, Мур, прежде чем возглавить британскую армию на Полуострове в 1808 году, добился больших успехов в подготовке легкой пехоты. Выдвигаясь вглубь Испании навстречу превосходящим силам французов, он обнаружил, что практически брошен испанцами, и вынужден был предпринять отчаянное отступление к Корунье, где и погиб. Однако одержанная там победа позволила его армии безопасно эвакуироваться. (Художественная библиотека Энн Роунан).

соображениями. Со времен Кромвеля, использовавшего армию как инструмент для установления своего деспотического правления, недоверие к военным стало традицией и у парламента и среди народа. Эта подозрительность сохранилась и после Реставрации, армию боялись и презирали как врага свободы. Регулярная армия жила на задворках общества, пополняя колониальные гарнизоны и контингент в Ирландии. Новые части формировались с началом военных действий и распускались по их завершении. Ответственность за безопасность страны возлагалась на флот как первую линию обороны, и на милицию — как на вторую.

Методы рекрутирования и социальная структура британской армии осталась практически неизменной со времен восемнадцатого века, так что представители трудовых и торговых классов почти не имели возможности попасть в офицерский корпус. Армия имела жесткое сословное деление. Служба в офицерском корпусе являлась привилегией аристократии (избиравшей, как правило, гвардию или кавалерию), и в еще большей степени, джентри. Эта ситуация подкреплялась системой покупки чинов — джентльмен, претендующий на звание офицера, обязан был располагать достаточной суммой для покупки соответствующего чина в полку. Монополия на богатство и общественные связи — все это гарантировало сохранение высших офицерских должностей в руках правящих классов. В этом отношении организация английской армии была совершенно не сопоставима с организацией армии Франции. Революция отменяла подобные формы привилегий. Как говорилось, каждый солдат носит в своем ранце маршальский жезл — намек на возможность продвижения согласно заслугам, а не происхождению. Британские офицеры в большинстве своем были храбрыми и обладали социальным

Сэр Артур Уэлсли, первый герцог Веллингтон (1769-1852 гг.). Рожденный в аристократической англо-ирландской семье, Веллингтон считается самым выдающимся командиром британской армии, включая знаменитого Мальборо. Умный и работоспособный, Веллингтон, прежде чем возглавить англо-португальские, а затем и испанские войска, впервые зарекомендовал себя в индийских войнах. Он с блеском справился с обороной линий у Торриш-Ведраш, и хотя не являлся адептом осадной войны, выиграл все битвы, в которых принимал участие (Портрет маслом сэра Т. Лоуренса).

и подчинение подчиненных. Офицерам полагалось быть всегда впереди, чем предопределялись высокие потери среди командирского состава. Рядовые солдаты, в отличие от французов, были добровольцами, вставшими под знамена за плату, и являлись

отбросами общества, не имевшими ничего общего со своими офицерами. И действительно, единственным связующим звеном между ними служили сержанты и юнкера.

Будучи официально добровольной, британская армия все же включала в себя тех, кто попал туда против воли: преступники и бродяги, убийцы и мошенники шли служить только с целью избежать тюремного заключения. Однако крайне важно избегать в этом отношении поверхностных суждений — когда Веллингтон писал о «грязной пене», он имел в виду не армию в целом, а ту ее

Веллингтон со своими генералами, 1813 г. Очень немного в действиях герцога на Полуострове может быть подвергнуто критике, за исключением той неохоты, с которой он предоставлял своим подчиненным возможность самостоятельного командования. Как главнокомандующий, Веллингтон отказался назначить себе заместителя, и вплоть до конца войны только в редких случаях передавал кому-либо командование соединениями крупнее дивизии. Возможно, это стало последствием едва не приведших к краху действий Бересфорда при Альбуэре. (Национальный военный музей)

Генерал-майор сэр Эдвард Пэкенхем (1778-1815). Зять (муж сестры) Веллингтона, Пэкенхем сыграл выдающуюся роль в победе при Саламанке, атаковав голову французской колонны на марше. Главнокомандующий впоследствии говорил о нем: «Возможно, Пэкенхем не был гениальным полководцем, но мое пристрастие к нему не заставит меня солгать, если я скажу, что он был одним из лучших среди нас». Генерал погиб в 1815 году, во время войны против Соединенных Штатов (Национальный военный музей).

часть, которая занималась мародерством в ночь битвы при Витории. Наверное было бы более честно сказать, что простые солдаты скорее стремились избежать бедности или искали приключений. Каковы бы не были их мотивы, со временем Веллингтон выковал из них первоклассную военную силу. И сам был удивлен переменой. «Это поистине невероятно, - писал он во время войны, - что нам удалось сделать из них то, чем они сейчас являются».

У английской армии были свои реформаторы в лице таких генералов, как сэр Рольф Аберкромби (1734-1801) и сэр Джон Мур (1761-1809), но никто не оставил в своей эпохе такого следа, как Веллингтон. Он не стремился разрушать установившийся в восемнадцатом веке порядок, и не вносил существенных поправок в систему, казавшуюся эффективной. Глядя с высоты

прошедших лет, легко прийти к заключению, что победа британской армии, высадившейся в Португалии в 1808 году, являлась только делом времени. Это далеко не факт, ведь армейские хроники, начиная с 1793 года, выглядят отнюдь не блестяще. За исключением кампаний в Египте в 1801 году и в Копенгагене в 1807, большинство военных предприятий закончилось лишь ограниченным успехом, а иногда даже, как при Буэнос-Айресе и Розетте в 1807 году, настоящим провалом. Несмотря на реформы и вдохновляющий пример таких людей как Аберкромби и Мур, запятнанная в Американской войне за независимость репутация армии еще не была восстановлена.

Так или иначе, Веллингтон выжал все возможное из системы, доставшейся ему в наследство. Как главнокомандующий войсками на Полуострове, Веллингтон предпочел содержать малочисленный штаб и отказался от заместителя, сосредоточив все в своих руках и руках немногих ключевых офицеров: генерал-квартирмейстера, генерал-адъютанта, главы комиссариата, начальника артиллерии и начальника инженерной службы. Он делал серьезную ставку на разведывательную сеть, добывавшую полезную информацию о силах французов, их планах и диспозиции, используя для этого собственных офицеров, «корреспондентов» и наблюдателей на Полуострове, а также гражданских лиц и герильясов, доставлявших важные данные, полученные путем наблюдений или с помощью перехвата французской почты.

Веллингтон очень заботился, чтобы комиссариат справлялся с обеспечением армии продовольствием, боеприпасами, амуницией. В этом плане у него было серьезное преимущество над французскими войсками, испытывавшими хронический недостаток снабжения и неспособными содержать себя, не прибегая к грабежу. На Полуострове нет плодородных долин Германии и Италии, но Веллингтон мог компенсировать это, используя свободный доступ с моря для подвоза припасов, так что при всей бедности здешнего населения оно хотя бы было дружелюбно настроено. Ему

удалось создать эффективно работающую сеть магазинов, способных снабжать всем необходимым десятки тысяч людей лошадей, а также крупного рогатого скота, который в свою очередь шел на пропитание армии.

Результатом личного внимания Веллингтона к управлению, снабжению и подготовке армии стало возникновение одной из величайших боевых сил нового времени. Сам он заявил в 1813 году, что «возможно, с учетом численности, это самый слаженный механизм, существующий на сегодня в Европе». Поведение войск на поле боя является лучшим доказательством заслуг Веллингтона, поскольку они ни разу не терпели поражения. Главнокомандующий с гордостью констатировал: «Я с удовольствием отмечаю, что часто подвергал их испытанию, и они ни разу не подвели меня».

Французская армия

Французская армия на Полуострове в первые годы войны была многочисленной, но большинство солдат составляли неопытные рекруты, лишь треть была призвана раньше наборов 1808 и 1809 годов. В ее составе были представители многих национальностей, вобранных в себя Империей. Поляки, швейцарцы, немцы из государств Рейнской Конфедерации, добровольцы-ирландцы, итальянцы, неаполитанцы — все служили на Полуострове с разной степенью доброй воли и умения. В качестве союзников там сражались более 50 тыс. одних только итальянцев. Многие немцы при удобном случае дезертировали, присоединяясь к Королевскому Германскому легиону — отборному соединению, созданному в 1803 году из жителей Ганновера после оккупации этой германской отчины Георга III французами.

Французы использовали ту же тактику, которую с неизменным успехом применяли на полях сражений в западной и центральной

Европе: концентрация артиллерии и массированные атаки в колоннах. Их армия привыкла жить «на подножном корме», и поэтому не создавала сети провиантских магазинов, как предусмотрительно делал Веллингтон. Когда обнаружилось, что в стране ощущается недостаток всего необходимого, а народ уже живет за гранью нищеты, французы оказались в ситуации, когда их свобода маневра была серьезно скована, и вынуждены были еще в большей степени полагаться на грабеж и реквизиции среди местного населения. Поскольку на Полуострове не было единого командующего, часто наблюдалась разобщенность в действиях различных армий, рассеянных по всей Испании и сражающихся за сохранение сообщения по примитивным

Жозеф Бонапарт (1768-1844), король Испании. В 1808 году старший брат Наполеона с сожалением оставил трон Неаполитанского королевства, чтобы возглавить одно из недавних завоеваний Империи. В стране, так никогда и не подчинившийся ему, он не имел народной поддержки; постоянно терпел выволочки и вмешательство в свои дела со стороны Наполеона, и не пользовался авторитетом среди командующих войсками генералов. Вследствие этого Жозеф неоднократно просил разрешения отречься, на что Наполеон отвечал отказом вплоть до катастрофы и у Витории в 1813 году. (Художественная библиотека Энн Роунан).

Маршал Андре Массена (1758-1817). Прославив свое имя в ходе многочисленных кампаний 1790-х годов, он не подтвердил своей репутации на Полуострове. Разбитый при Бусако в 1810 году, Массена не сумел преодолеть линии Торриш-Ведраш и потерпел еще одно поражение, при Фуэнтеш-де-Оньюру в 1811 году, после чего был отозван. Тем не менее, Веллингтон оценивал его как опасного противника: «Когда мне противостоял Массена, я не мог ни есть, ни пить, ни спать. Я не мог найти себе места от беспокойства и постоянно был начеку». (Художественная библиотека Энн Роунан).

или вообще отсутствующим дорогам. Французские генералы беззастенчиво подвергали разграблению захваченные города, воруя предметы искусства и вывозя драгоценности. Неудивительно, что алчность вождей вызывала ропот среди простых солдат, которым приходилось сражаться буквально за кусок хлеба. «Эта война в Испании, - бытовало

расхожее среди солдат мнение, - означает смерть для рядовых, крах для офицеров и состояние для генералов».

Маршал Николя Султ (1769-1851). Командуя войсками в период преследования Мура к Корунье, Султ позднее потерпел поражение при Порту в 1809 году. Хотя впоследствии он постоянно одерживал победы над испанцами, в частности, при Оканье, его сильно потрепали в битве при Альбуэре в 1811 г. Будучи переведен в 1813 году на службу в Германии, он вернулся в Испанию после битвы при Витории и был назначен главнокомандующим, в каком качестве проявил все свои лучшие качества, противодействуя продвижению Веллингтона. (Художественная библиотека Энн Роунан).

Испанская армия

В 1808 году испанская армия насчитывала около 100 тыс. солдат, еще 30 тыс. было мобилизовано из милиции. Испанская регулярная армия являлась на момент начала войны на Полуострове одной из худших в Европе, но к ее завершению вписала в свою историю несколько славных страниц. Управляемая коррумпированными и некомпетентными чиновниками, пехота испытывала жестокий недостаток офицеров, имеющиеся же не могли похвастаться своей подготовкой. Сюрте, солдат 95-го стрелкового полка, называл их «самыми презренными тварями, которых я когда-либо видел... совершенно негодными и неспособными командовать своими людьми». Другой англичанин, Лейт Хей, описывает испанскую армию как «... плохо управляемую, скудно

экипированную, плохо дисциплинированную и во многих смыслах небоеспособную...». Комплектование производилось за счет добровольцев и рекрутов, принадлежавших к низшим классам. В системе, где выходец из низов мог на деле подняться не выше капитана, продвижение по службе было почти невозможным. Более высокие ранги занимали аристократы и землевладельцы, не имеющие

Испанские герильясы. Как видно, герильясы были вооружены и экипированы самым разным образом, что зависело от возможности раздобыть испанское, британское или трофейное французское оружие и снаряжение, а также от пристрастий самих партизан. Человек слева одет в гражданское платье и вооружен старинным мушкетером с раструбом, в то время как другие облачены на военный манер, особенно кавалерист справа. (Роже-Виоле)

не соответствующих знаний, ни интереса к военной службе. Проблемы с мотивацией и обучением испытывали не только офицеры — в армии не существовало официальной системы подготовки, каждый командир части составлял уставы и инструкции, исходя из своих представлений. Боеспособность частей падала от некомплекта, недостатка амуниции и продовольствия, а в кавалерии — от нехватки конского состава: иногда лошадьми обеспечивалось менее трети солдат.

Самыми лучшими частями испанской армии были полки маркиза де ла Романы. Его дивизия была отправлена на север Германии, чтобы служить под началом Наполеона. Получив слухи о восстании в Мадриде, люди Романы взбунтовались, были эвакуированы британскими кораблями, и вернулись в

Испанию. Даже эти относительно хорошо управляемые и обеспеченные войска один британский солдат охарактеризовал как «... не более чем скопище крестьян. Это все что угодно, только не регулярная армия». Во время отступления к Корунье Сюрте нашел, что они «...[даже] в лучшие дни представляли собой скорее вооруженную толпу, чем правильно организованных солдат».

Если солдаты были плохи, то их командиры вообще не выдерживали никакой критики. За рядом исключений они являлись обузой не только для своих войск, ни и для британских. Они сообщили Муру недостоверную информацию, повлекшую гибельный отход к Корунье, они не обеспечили поддержку и снабжение войск Веллингтона после Талаверы. Известно было их пристрастие к взяточничеству. Только приняв на себя командование испанской армией, Веллингтон смог полагаться на нее.

Кавалерия была столь плоха, что любой ее успех вызывал удивление. Пехота была склонна впадать в панику и обращаться в бегство, бросая по пути оружие. Неудивительно, что британские солдаты презирали таких союзников, но не стоит забывать, что все это являлось результатом скверного руководства, плохой оплаты и продовольствования, а также хроническим недостатком снаряжения и амуниции. С хорошими командирами и снабжением испанцы действовали неплохо, например, в конце войны, при Витории и в Пиренейских сражениях их уровень поднялся настолько, что некоторое количество испанцев было принято в ряды английских полков.

Если регулярные силы были из рук вон плохи, то бывшие мирные жители, защищавшие Сарагосу или Херону совсем напротив, неизменно выказывали перед лицом врага отвагу, твердо терпя лишения и тяготы осады. Церковь и землевладельцы оказывали поддержку любым формам сопротивления, таким как герилья, печально известная своей жестокостью, за которую французы старались отплатить сторицей. Но об этом будет рассказано ниже.

Португальская армия:

Генерал Андош Жюно (1771-1813) в период оккупации страны распустил португальскую армию, и ее не существовало до тех пор, пока Веллингтон не поручил генералу Уильяму Бересфорду (1764-1854) заняться формированием новых подразделений, которые затем включались в состав английских бригад. Как и в Испании, португальские офицеры получали скудное жалование и были лишены перспективы роста. Капитаном можно было оставаться буквально десятилетия. Уильям Уорр, британский офицер – уроженец Португалии, писал в 1808 году, что португальцы были «... трусами, боявшимися сразиться даже с одной шестнадцатой вооруженного француза, зато грабившими и добивавшими раненых...» В следующем году он нашел своих соотечественников «...довольно сносными, исполнительными, терпеливыми, но как обычно грязными и не заботящимися о личной гигиене. Офицеры... отвратительны, жалки и неспособны...»

Бересфорд обнаружил, что численность армии составляет лишь половину от установленной – 30 тыс. вместо 60 тыс. человек. В ходе широких и действенных реформ Бересфорду удалось переломить ситуацию, прибегнув к рекрутированию, отставке негодных командиров, а также внедрению в полковые и высшие структуры английских офицеров. Последних назначали так, чтобы над ними и под ними были португальские офицеры, так же как и наоборот, у португальцев имелись и начальники и подчиненные из британцев. Таким образом португальским полком мог командовать британский полковник, но майорами у него были португальцы. Унтер-офицеры и рядовые стали получать лучшую плату, подготовку, питание и амуницию, что в свою очередь сказалось на их моральных качествах и поведении на поле боя. Весной 1809 года Уорр отметил, что «португальцы под непосредственным руководством британских офицеров выказывают себя весьма хорошо...

Солдаты исполняют все, что мы требуем, с должным рвением...» В других свидетельствах этого времени указывается, что португальцы переносят тяготы и трудности кампании без жалоб, а на поле сражения проявляют себя весьма храбрыми бойцами.

К 1812 году относится ряд английских свидетельств, где португальцы отмечаются как отличные солдаты, зачастую не уступающие своим британским союзникам, а Веллингтон называет их «бойцовскими петухами своей армии». Уже после битвы при Бусако в 1810 году Шауманн говорит, что «португальцы сражались с невероятной отвагой... Они не уступали английским

войскам». Помимо солдат регулярной армии были еще погонщики мулов и обозники, о которых шла страшная слава как о мародерах и убийцах раненых французов на поле боя. В отличие от пехоты, португальская кавалерия и инженерные войска так и зарекомендовали себя. Первую подводил недостаток лошадей, а вторые — полное отсутствие снаряжения.

Вклад португальцев в войну был значителен, и хотя принято считать армию Веллингтона британской, нужно отметить, что в 1810 году она была почти наполовину португальской. Бересфорд хорошо справился с поставленной задачей, и его солдаты внесли весомый вклад в победу союзников.

Истоки конфликта

Июнь 1807 года стал высшей точкой успехов Наполеона. 14-го числа он разгромил русскую армию под Фридрихсборгом, а 25-го состоялась его встреча с царем Александром на плоту на реке Неман при Тильзите. Император добился не просто заключения мира с Россией и Пруссией, он сумел вовлечь их в альянс, направленный против Британии, сделавшись тем самым повелителем Европы. Наполеон победил три великие континентальные державы – Австрию, Пруссию и Россию в трех последовательных блестящих кампаниях, и теперь ему противостояли только Англия, Швеция и Португалия. Битва при Трафальгаре, состоявшаяся за два года до этого, не только уничтожила угрозу вторжения в Англию, она сделала ее повелительницей морей, не оставив Франции иного шанса уязвить противника иначе, как только перекрыв его торговые связи с континентом. Этим и занялся Бонапарт, когда сразу после победы над Пруссией в 1806 году издал Берлинский декрет, согласно которому со всей территории, находящейся под французским контролем изгонялись собственно английские товары и товары английских колоний. Так было положено начало «Континентальной системе», призванной поначалу изолировать, а затем истощить Британию. Англия предприняла ответный шаг: не в силах уничтожить французскую торговлю, она постаралась затруднить ее. Все суда, несущие триколор или суда сателлитов Франции объявлялись законными призами для британских военных кораблей, суда нейтральных стран, желающих торговать с Францией, могли делать это только соблюдая ряд серьезных ограничений.

Британская морская политика вызвала серьезные осложнения в отношениях между Англией и Америкой, что в конечном счете привело к войне 1812 года. Поскольку английские и колониальные товары пользовались большим спросом на

континенте, «континентальная система» делалась с течением времени все более непопулярной во всей Империи (в том числе и в самой Франции), и вела к почти повсеместному разгулу контрабандной торговли. Это, в свою очередь, побуждало Наполеона «закручивать гайки» и, самое главное, распространять свою власть на территории, не находящиеся пока под его контролем. Ему не составило труда завоевать в 1806 году Южную Италию, но оставалась еще нейтральная Португалия, как последнее государство, нарушающее его планы. Контроль над Португалией означал также контроль над ее колониальной торговлей, прежде всего с Бразилией. Доступ к испанским колониям был еще более заманчив, учитывая что большинство из них расположено в Южной и Центральной Америке.

Возможность заткнуть эту дыру к Континентальной системе появилась после Тильзита, когда Наполеон и Александр договорились об объединении усилий по закрытию континентальных портов для британской торговли. Действие этого соглашения распространялось на запад вплоть до Португалии, и возможно именно здесь следует искать истоки войны на Полуострове. За единственным исключением Португалии, Франция держала под контролем все побережье Европы от Немана до Адриатики, и Наполеон не сомневался в согласии Испании предоставить проход французским войскам через Пиренеи. Только таким образом он мог заставить Португалию присоединиться к Континентальной системе.

Издавна находясь не в лучших отношениях со своим более сильным соседом – Испанией, Португалия, с ее протяженной линией атлантического побережья, со времен Средневековья зависела от морской торговли с Британией, чья доля в ее торговле в 1807 году приближалась к половине

общего оборота. В течение многих столетий Португалия оставалась связанной с Англией прочными узами, и отклоняла все попытки Франции разорвать эти отношения. С начала конфликта в 1803 году Португалия хранила нейтралитет, но раздражала французского императора своим согласием на использование британскими кораблями эстуария Тагу в качестве укрытия и базы снабжения. Этот факт в увязке с решительным отказом Португалии присоединиться к Континентальной системе превратил страну в естественную мишень для французской оккупации, не в последнюю очередь благодаря тому, что Тильзит, положив конец войне, высвободил французские войска для операции против слабой страны,

Карл IV, король Испании (1748-1819), и его семья. Его правление, начавшееся в 1788 г., ознаменовало конец периода просвещенного абсолютизма, связанного с его отцом. Политическое ничтожество, Карл совершенно не занимался государственными делами, перепоручив их князю Годю и своей полусумасшедшей королеве, Марии-Луизе, а сам проводил большую часть времени на охоте. После конференции в Байонне Карл жил изгнанником во Франции и умер в забвении. (Гойя, музей Прадо)

имеющей, помимо прочего, протяженную границу с союзником Франции.

Португалией управлял принц-регент Жуан (1767-1826) из дома Браганца. Его родители, король Педро III и королева Мария I вступили на португальский трон как соправители в феврале 1777 года, но король умер в 1786 г. С 1792 года его сын правил страной в качестве регента при больной королеве-матери, состояние здоровья которой не улучшилось и ко времени французского вторжения. На Тильзитском договоре не успели еще просохнуть чернила, как Жуан уже получил ряд угроз и ультиматумов, настаивающих на выполнении французских требований по закрытию португальских портов для английских кораблей, как торговых, так и военных. Жуан не намеревался выполнять их, и предпринял несколько робких попыток задобрить французов мелкими уступками. Наполеон остался непреклонен, и отдал Жюно приказ перейти через Пиренеи и вторгнуться в Португалию. Нет необходимости говорить, что это требовало объединения усилий с Испанией, что будет достигнуто заключением 27 октября договора в Фонтенбло, и

разрешения на проход французских войск через территорию этой страны.

Покорение Португалии не потребовало много времени. Испания без колебаний дала разрешение на проход через свою территорию, и 17 октября — за десять дней до подписания договора в Фонтенбло — Жюно двинулся с армией из 24 тыс. человек через Пиренеи. 19 ноября через Алькантару они вошли на территорию Португалии. Страна смогла оказать лишь слабое сопротивление, но марш по ужасным дорогам и негостеприимной местности заставил захватчиков заплатить немалую цену. Когда Жюно 30 ноября наконец вошел в сдавшийся без боя Лиссабон, он вел за собой не более 2 тыс. солдат — остальные вереницей растянулись примитивным путем сообщения. Победа оказалась бесплодной. За день до этого регент, королевская фамилия и многочисленная свита покинули столицу и укрылись на борту кораблей британского флота, стоявших в гавани. Затем они отправились в португальскую колонию — Бразилию, прихватив с собой португальский

Мануэль Годой, князь Мира (1767-1851). Взятчик, развратник и интриган, Годой сделался любовником королевы Марии-Луизы и доверенным советником ее недалекого мужа, короля Карла IV. В качестве премьер-министра Годой в 1795 г. заключил договор в Базеле, положивший конец войне с Францией. В ходе придворных интриг в 1807-1808 гг. он настраивал короля против его сына Фердинанда, способствуя таким образом вмешательству Франции во внутренние дела Испании. Здесь показано, как Годоя обнаружили в его укрытии после мятежа в Аранхуэсе в марте 1808 г. (Художественная библиотека Энн Роунан)

флот и большую часть государственной казны.

Если в результате Наполеон и не достиг всех своих целей, то мог утешаться хотя бы быстрым и почти бескровным завоеванием Португалии. Армия этой страны была распущена, а территория поделена между Францией и Испанией согласно договору при Фонтенбло. Наполеон сумел закрыть британским королям доступ в Тагу, и прекратить торговлю между Англией и Португалией (хотя, конечно, это не распространялось на колониальные владения последней).

Вторжение в Португалию, как мы могли видеть, было невозможно без содействия Испании, приманкой для которой послужило участие в разделе страны. Договор в Фонтенбло также позволил Наполеону замаскировать свои истинные намерения в отношении Испании, к которой он испытывал все нарастающее раздражение. Как говорилось ранее, Испания воевала с революционной Францией с 1793 по 1795 год, но после неудач на пиренейском фронте вышла из Первой коалиции, и в следующем году присоединилась к Франции в борьбе против Британии, что продолжалось до заключения перемирия в 1802 г. В 1801 г. Испания вторглась в Португалию и аннексировала ее территорию. Но помимо выгод, союз с Францией стоил ей потери Тринидада, захваченного Британией, и фактического уничтожения военного флота. Последний был жестоко разбит при Сент-Винсенте в 1797 г. и при Трафальгаре в 1805 г. Поэтому испанская политика была непоследовательной: в феврале 1806 г. первый министр Годой предложил Наполеону расчленить Португалию. Предложение осталось без ответа. После этого франко-испанские отношения начали портиться, и когда осенью Наполеон оказался втянутым в войну с Пруссией (на победу которой Годой делал ставку), Испания стала вынашивать секретные планы разорвать непопулярный союз с Францией. Отчасти чтобы гарантировать лояльность Испании, Наполеон потребовал направить ее лучшую дивизию под командованием маркиза де

Романа на службу в корпус Бернадотта, расквартированный на баlearийском побережье. Это ослабило Испанию, Наполеон же во время марша к Португалии разместил свои гарнизоны в ключевых испанских городах между Байонной и португальской границей. Предлогом служила необходимость защиты коммуникаций, на деле же он готовился к оккупации Испании.

Король Карл IV занял испанский трон после смерти своего отца в декабре 1788 г. Карл III, хотя и был деспотичным, вел политику просвещенного абсолютизма — Иллюстрасьон. В этот период процветали науки и искусства, развивалась экономика. За два десятилетия, предшествовавшие войне на Полуострове, Карл выказал себя добрым, но недалеким правителем, совершенно неспособным управлять великой нацией. Его манией была охота, а в управлении Испанией он играл лишь номинальную роль, находясь под сильным влиянием своей супруги, Марии-Луизы Пармской. Бразды правления находились в руках Мануэля де Годоя — любимца (и любовника) королевы, ставшего премьер-министром в 1792 г. Годой, человек без чести и способностей, завел страну в дебри финансового кризиса, развала армии и расцвета коррумпированной бюрократии. С течением времени он упрочил свои позиции при дворе, продвигая своих сторонников и арестовывая или изгоняя противников. Его богатства прирастали за счет взяток и злоупотребления деньгами казны. Как премьер-министр он убедил Карла подписать договор в Базеле в 1795 году, прекративший войну с Францией (за что получил титул «князь Мира») и установивший союз между двумя государствами. Три главные политические фигуры: король и Годой с одной стороны, и наследник короны принц Фердинанд (1784–1833) с другой — ненавидели друг друга. Каждый опирался на поддержку своей партии, создавая тем самым политический вакуум, не только препятствующий выступить единым фронтом против Наполеона, но и дающий ему возможность вмешиваться во внутренние дела Испании.

В течение зимы 1807 г. французские агенты в Испании проявляли невероятную активность, разжигая вражду между королем, Годоем и Фердинандом, и всеми средствами создавая атмосферу хаоса, чем Франция могла воспользоваться для вмешательства под предлогом осуществления посредничества между сторонами. Испания, попавшая под французский контроль, стала бы важной частью Империи, поскольку это означало закрытие ее протяженной атлантической и средиземноморской береговой линии для английской торговли, и передачу остатков военного флота в распоряжение Франции. Обострение испанского политического кризиса произошло 29 октября, когда Годой убедил короля арестовать Фердинанда, который, как он заявлял, стоит за заговором, имеющим целью свергнуть короля и убить королеву. Позже, 17 декабря, Наполеон издает Миланский декрет, подтверждающий его прежние постановления о континентальной блокаде и запрещающий торговлю между Англией и остальной Европой. Как союзник Франции, Испания де-юре присоединилась к блокаде, но де-факто, при попустительстве или тайном содействии местных и провинциальных властей, через ее порты и берега шел мощный поток контрабанды. Это не оставалось незамеченным в Париже.

Формально план Наполеона начал действовать 16 февраля 1808 г, когда он провозгласил, что как союзник Испании, Франция обязана вмешаться в наведение порядка во внутренних делах страны, выступив в качестве посредника между противоборствующими фракциями. В качестве первого шага французские войска получили задание оккупировать ключевые пункты и крепости в северных провинциях, включая такие города как Памплона, Сан-Себастьян, Барселона и Фигуэрас в целях обеспечения прохода через Пиренеи. Затем маршал Иоахим Мюрат (1767–1815) вошел в Испанию во главе 118-ти тысячной армии под предлогом усиления войск Жюно в Португалии. Проходя через испанские города, французские солдаты встречали

теплый прием. Тем временем, 17 марта в Аранхуэсе вспыхнул мятеж против короля и Годоя. Его подняла королевская гвардия. Это был первый пронунсиаменто, то есть солдатский переворот, в истории страны. Поощряемая Фердинандом, огромная толпа разграбила и сожгла дворец Годоя. Последний, чудом спасшись, был арестован, лишен всех постов и отправлен в изгнание. Связь короля с Годоем сделала его позиции крайне уязвимыми, и 20 марта Карл отрекся от престола в пользу сына, ставшего Фердинандом VII.

Фердинанд VII, король Испании (1784-1833). Постоянно испытывая трения в отношениях с отцом, Карлом IV, стремился бороться с влиянием первого министра Годоя, которого безуспешно пытался сместить в 1807 г. Продолжающиеся заговоры, свары и подозрительность между отцом и сыном дали возможность Наполеону навязать им свое посредничество. Фердинанд на короткое время стал королем в марте 1808 г., но Наполеон заставил его отречься, и в Испании было установлено наконец французское владычество. (Гойя, Роже-Виоле)

Несколько дней спустя, 24 марта, Мюрат вошел в Мадрид. Карл перед этим пытался бежать в Кадис, но разъяренная толпа помешала ему сделать это. Продолжая свою игру, Наполеон пригласил всех членов королевской фамилии в Байонну, расположенную прямо на франко-испанской границе, под предлогом проведения конференции по урегулированию вопроса. Несмотря на антифранцузские выступления, начавшиеся 1 апреля в Мадриде, Фердинанд покинул столицу и 10 апреля встретился с Наполеоном. Конференция была созвана 5 мая. В ее ходе Наполеон вынудил и Карла и Фердинанда отказаться от притязаний на испанский престол в пользу своего собственного брата, Жозефа (1768-1844), который при поддержке профранцузских сил в Испании был провозглашен 6 июня королем. После коронации 7 июля в Байонне, он 20 июля въехал в Мадрид. Тем временем Карл уехал в Рим, а Фердинанда поместили под домашним арестом в Валансе, где он и пробыл до 1814 г. Так, отстранив Бурбонов, Жозеф прибыл в Мадрид, чтобы занять трон, который, как понимала вся Испания, не принадлежит ему по праву.

Война контрастов

Военные действия в 1808 г.

Решение Наполеона низложить испанских Бурбонов вызвало большое недовольство в Испании. Открытое сопротивление против предательской оккупации страны, усиленное попыткой французских войск под конвоем отправить во Францию младшего сына короля, дона Франсиско, вылилось в мадридское восстание 2 мая 1808 г. Разъяренная толпа *мадрильенос*, вооруженных ножами, дубинками и тем, что попало под руку, убила 130 французских солдат, прежде чем получившая приказ восстановить

Народное восстание 2 мая 1808 г. в Мадриде. Когда столицы достигли слухи об отречении Фердинанда и намерениях отправить остальных членов королевской семьи во Францию, у ворот Пуэрта-дель-Соль собралась разъяренная толпа, начавшая нападать на солдат французского гарнизона. Восстание быстро распространилось по всему городу, но в итоге было подавлено кавалерией Мюрата. Здесь показано, как горожане, вооруженные мушкетами, дробовиками и ножами, сражаются с подразделением драгун. (Литография Раффе, Роже-Виоле)

порядок кавалерия Мюрата не врезалась безжалостно в их массы. На следующий день начались репрессии: заподозренных в участии в бунте выводили за город и расстреливали.

Тем временем франкофилам была дана команда приветствовать брата Наполеона Жозефа как «избранного» короля. Во всех провинциях испанцы, возмущенные навязыванием чужеродного монарха, подняли знамя восстания. Оно началось 9 мая в Овьедо, столице Астурии. Фердинанда провозгласили жертвой французских политических махинаций и приняли решение о формировании при провинциальных хунтах — законодательных собраниях — военных отрядов. Таковые возникли: в Овьедо — 24 мая, в Сарагосе — 25 мая, в Галисии — 30 мая, в Каталонии — 7 июня, а затем и в других местах. Они формировались стремительно, но хунты не в состоянии были координировать их действия или договориться о чем-то кроме общей цели изгнания французов с испанской земли. Возмущение было велико, и конфликт скоро достиг высочайшего эмоционального уровня, по праву получив имя *La Guerra de*

la Independencia — Война за независимость. В течение нескольких дней возникло несколько настоящих армий. В одной только Андалусии по командой генерала Франсиско Кастаньоса (1756-1852) состояло 30 тысяч человек.

Попытка французов запугать повстанцев разграблением нескольких крупных городов привела только к увеличению числа желающих записаться в новую армию. Новый оборот война приняла, когда хунты повстанцев приняли решение воззвать к помощи Англии, направив туда делегацию во главе с графом де Тореньо. Делегация прибыла в Лондон 8 июня и была встречена с распростертыми объятьями. Джордж Каннинг (1770-1827), министро иностранных дел, обещал дать оружие, снаряжение и деньги. За первыми последовали другие эмиссары, и настало время действовать. 14 июня сэр Артур Уэлсли был назначен командующим экспедиционным корпусом из 9,5 тыс. человек. По иронии, эти силы первоначально предназначались для операций против испанских колоний в Южной Америке, с целью взять реванш за полное поражение генерала Уайтлока при Буэнос-Айресе в предыдущем году.

Как было сказано выше, с 1793 г. Британия с переменным успехом вела на континенте десантные операции, оказывавшие незначительное влияние на ход главных кампаний, ведомых ее союзниками. Французское вторжение в Португалию и Испанию наконец предоставило для английских военных сил европейский плацдарм, где они могли быть задействованы, и во многих аспектах этот плацдарм был идеальным. Во-первых, Британия могла воспользоваться полным господством на море для беспрепятственной доставки войск и военного снаряжения. Во-вторых, полуостров открыт с трех сторон для доступа с моря, в то время как практически все необходимое для французской армии нужно было доставлять через Пиренеи. И наконец, британскому экспедиционному корпусу предстояло действовать в дружественной стране, что особенно важно, когда местные условия не благоприятствуют проведению крупномасштабных военных операций.

Этот фактор обещал сыграть важную роль в облегчении снабжения армии, осуществлении сообщения и сборе разведывательной информации.

Несмотря на эти важные для Британии преимущества, в военном отношении Испания не представляла из себя никакой силы. Ее лучшие силы — 15 тыс. солдат под командой Ла Романы оставались в Дании, а остальные войска, как указывалось раньше, представляли собой полуголодную, оборванную, почти не получающую денег толпу, возглавляемую некомпетентными офицерами и коррумпированными генералами. Кроме того, многие из тех, кто обладал харизмой и лидерскими качествами, следовали в русле либеральной политики Жозефа, и стремились во что бы то ни стало снизить накал народного сопротивления.

Но если французам вряд ли стоило опасаться регулярной испанской армии, то существовали еще значительные естественные препятствия, которые необходимо было преодолеть. И действительно, редко где найдешь географические и климатические условия менее благоприятные для вторжения, чем на Полуострове. Высокие горы с узкими ущельями между ними являлись прекрасным местом для засады; примитивные грунтовые дороги летом покрывались облаками пыли, зимой превращавшейся в грязь; пронизывающий холод ночью и страшная жара днем изматывали войска как на марше, так и в лагере; заснеженные горные перевалы серьезно затрудняли продвижение и людей, и лошадей. Во многих областях страны почва была столь бедна, что едва позволяла выжить местным жителям, не говоря уж о продовольствовании сотен тысяч солдат иностранной армии. Французам не оставалось ничего иного, как только отряжать тысячные отряды на защиту жизненно-важных коммуникационных линий, идущих через Пиренеи. Линии эти в свою очередь, были весьма уязвимы в Португалии, а особенно в Испании, для иррегулярных формирований разного вида. Некоторые из них были патриотами-герильясами, другие

— просто обычными бандитами, которые, начав действовать поодиночке, объединялись затем в маленькие группы, а в итоге в крупные партидас (банды). Они убивали отставших, выслеживали фуражирские партии, перехватывали курьеров. Тем временем, пока распространялось восстание и испанские армии возникали словно из ниоткуда, Наполеон предпринял срочные меры по подавлению этого неожиданного сопротивления. Из Байонны он шлет приказ уничтожить хунты и их военные формирования. Генерал Мерль разбил армию Эстремадуры под командованием дона Грегорио де ла Куэсты (1740-1812) при Кабесоне, зато маршал Бон Адриан де Монсе (1754-1842) с 9-ти тыс. человек был изгнан из Валенсии, а генерал

Французская капитуляция при Байлене, 21 июля 1808 г. Стараясь усмирить Андалусию, генерал Дюпон с семнадцатитысячным отрядом неожиданно столкнулся с превосходящими регулярными и нерегулярными силами испанцев, и вынужден был капитулировать. События в Байлене имели огромный политический резонанс, распространившись далеко за пределы Пиренеев, и помимо укрепления духа сопротивления на самом полуострове, они развеяли миф о непобедимости французской армии. (Роже-Виоле)

Шарль Лефебр-Деснуэ (1773-1822) при попытке захватить город Арагона — Сарагосу — натолкнулся на неожиданно сильное сопротивление его отважных жителей, возглавляемых 28-ми летним генералом Хосе Палафоксом (1780-1847) и поддержанных небольшим отрядом регулярных войск. На требование французов сдаться Палафокс ответил коротким «Война насмерть!», и началась борьба, в которой никто не просил и не давал пощады. Дважды гарнизон заставил врага снимать осаду, французы потеряли 3,5 тыс. человек убитыми. Подобное случилось при осаде Хероны, в восточной Каталонии, где в июле жители мужественно отразили атаку сначала 6-ти тысячного французского отряда, а в следующем месяце — 13-ти тысячного. Но главные сюрпризы для французов были еще впереди. В июле Куэста принял командование армией Галисии, и хотя 14 июля испанцы были наголову разбиты при Медина-дель-Рио-Секо, всего девять дней спустя генерал Пьер Дюпон (1765-1840), обнаружив, что его отряд из 17,5 тыс. человек попал в полное окружение при Байлене, в Андалусии, сдался со всем войсками Кастаньосу на условиях репатриации его солдат во Францию.

Правда, победители в нарушение договора убили многих из сдавшихся, а остальные, брошенные в темницы Кадиса, также практически оказались обречены на смерть. Капитуляция Дюпона произвела сокрушительный удар по моральному состоянию французов, и наоборот, подняла дух их противников, ведь после сдачи войск генерала Мену в Египте в 1801 году французская армия ни разу не поднимала рук. Престиж французов, а самое главное миф об их непобедимости получил сокрушительный удар. То, что здесь по большей части, были не те, кто торжествовал под Аустерлицем, Йеной и Фридландом, не имело значения. Для оценки значения поражения Франции современникам оказалось достаточно уже того, что это были солдаты Наполеона.

Даже не беря в расчет вмешательство Британии, Байлен и быстрое возникновение новых испанских армий серьезно расстроили планы французов, и, не имея готовых резервов для обороны Мадрида, король Жозеф отступил на север, под защиту стратегической линии по реке Эбро.

Удивительно быстро, уже к концу лета 1808 года испанцы сумели вывести из строя более 40 тыс. оккупантов и изгнали их из большей части страны. Жозеф вскоре осознал, что возложенная на него миссия является практически невыполнимой. В унынии он пишет императору:

«Потребуется двести тысяч французов, чтобы завоевать Испанию, и десять тысяч виселиц, чтобы властелин, обреченный править этой страной, смог удержаться у власти. Нет, сир, вы не знаете этих людей: каждый дом превратится в крепость, а каждый человек будет заодно с большинством... Если мы станем завоевателями — на моей стороне не останется ни одного испанца».

По жестокой иронии Жозеф не знал, что число французских войск в Испании уже насчитывает 200 тысяч, но и эта внушительная цифра вырастет до 286 тыс. солдат в октябре,

когда в страну придут подкрепления во главе с самим Наполеоном.

Прибытие британцев

После отступления французских войск за Эбро, Жюно оказался отрезан от своих в далекой Португалии. Хотя здесь проявлялось скорее брожение, чем организованное сопротивление, как в Испании, цель генерала была также недостижима. Португальской армии как таковой не существовало, но поддержание порядка среди возмущенного населения не являлось задачей, для которой готовилась наполеоновская армия. В августе ситуация драматическим образом обострилась. Экспедиция Уэлсли отплыла из Корка 13 июля. Инструкции, полученные им от военного секретаря, обязывали его поддержать португальцев и испанцев «в борьбе против ига Франции, и [оказать помощь] в деле окончательного и бесповоротного изгнания французских войск с Полуострова».

Уэлсли высадился 1 августа в бухте Мондегу, в восьмидесяти милях к северу от Лиссабона. Четыре дня спустя к нему присоединились пять тысяч солдат под предводительством генерала сэра Брента Спенсера (1760-1828). Уэлсли отправился в поход на столицу десятого числа, узнав на марше, что, хотя к нему должны будут подойти подкрепления из 15 тыс. человек, он окажется под командой генерал-лейтенантов сэра Хью Дальримпла (1750-1830) и сэра Гарри Беррарда (1755-1813). Тем не менее, пока этого не произошло, 17 августа при Ролисе Уэлсли достиг первого, пусть маленького, но успеха, выведя из строя 479 солдат из отряда генерала Анри Делаборда (1764-1833), состоявшего из 600 человек при трех орудиях.

Армия продолжала марш на Лиссабон. Через три дня прибыл Беррард, и к возмущению Уэлсли, дал приказ остановиться. Поскольку Беррард пока еще находился на борту корабля и не вступил в командование, Уэлсли был обрадован известием о приближении с юга

Битва при Вимьере, 21 августа 1808 г. Первое крупное сражение между англичанами и французами на Полуострове, Вимьеру продемонстрировало превосходство двойной линии британцев над казавшейся до этого непобедимой французской колонной. С успехом противопоставив французским застрельщикам собственный заслон из легкой пехоты, Веллингтон, защитив свои наиболее уязвимые подразделения также лишил колонну ее главного преимущества – возможности нанести сокрушительный удар по врагу, уже деморализованному огнем застрельщиков. Помимо этого, укрыв людей за противоположным склоном холма, Веллингтон сумел как уберечь их от огня артиллерии, так и замаскировать расположение и силу своих частей. (Мэдели, Филлип Хейторнуэйт)

войск Жюно. Он занял оборонительные позиции на склонах гребня и холма близ деревушки Вимьеру, рядом с устьем реки Масейра.

Жюно подошел в 9.00 утра 21 августа и предпринял четыре атаки на холм Вимьеру, но расположенная в линию пехота Уэлсли отразила их, нанеся врагу большие потери. Другие две атаки на восточный склон также не принесли успеха и к моменту окончания сражения, в полдень, французы потеряли 1000 человек и 14 орудий против 720 человек у Уэлсли. Дух английских войск возрос, а дорога на Торриш-Ведраш и столицу была открыта.

Тем не менее, Беррард, появившийся теперь на сцене, не дал Уэлсли разрешения воспользоваться плодами победы, и армия остановилась в ожидании прибытия генерал-лейтенанта сэра Джона Мура. Жюно тем временем беспрепятственно отступил,

предоставив Уэлсли сокрушаться по поводу некомпетентности своего командующего. Но все победа имела важное значение: Уэлсли удалось блестяще использовать естественные условия, временно укрыв пехоту от вражеских глаз и артиллерийского огня за хребтом холма, а затем обрушив на наступающие французские колонны прицельный огонь. Под грамотным руководством двухшереножный строй британцев сумел остановить сокрушительный натиск французской штурмовой колонны, который доказал свою мощь на полях сражений в Европе. Теперь превосходство французской тактики было поставлено под сомнение.

Через два дня между Дальримпем и Жюно начались переговоры о сдаче. Не сообразив, насколько затруднительно положение Жюно, Дальримпл 31 августа подписал печально известную конвенцию в Синтре. Это не только позволило Жюно эвакуировать своих солдат, могших стать военнопленными, во Францию, но даже воспользоваться для их перевозки (вместе с оружием и добычей) кораблями британского флота. Португалия таким образом была освобождена от французов, но такие мягкие условия по отношению к врагу, уже неспособному к дальнейшему сопротивлению, вызвали такую бурю общественного возмущения, что Военный департамент вынужден был привлечь трех замешанных в деле генералов к трибуналу. Только Уэлсли удалось сохранить свою репутацию, поскольку он не принимал прямого участия в выработке этого постыдного договора. Тем не менее, не получив нового назначения, ему не оставалось ничего иного, как вернуться к исполнению обязанностей главного секретаря Ирландии в Дублине.

Тем временем командование тридцатитысячным британским корпусом в Португалии принял генерал-лейтенант сэр Джон Мур, опытный командир, заслуживший высокую репутацию за свои успехи, профессионализм и реформу пехотной тактики, особенно за подготовку частей легкой пехоты, большая часть которой производилась в Шорнклиффе в годы, непосредственно

предшествовавшие войне. Муру были даны указания выдвинуться в Испанию и совместно с испанскими силами добиваться изгнания французов из страны. Согласно приказу он выступил в сентябре, подкрепленный отрядом из 15 тыс. человек под командованием генерал-майора сэра Дэвида Бэрда (1757-1829). Но расчеты правительства Британии оказались иллюзорными. Испанские хунты могли вывести на бой до 80 тыс. человек, но силы эти состояли из отдельных армий (Галисии, Кастилии, Леона, Андалусии, Арагона и Эстремадуры), которые комплектовались из плохо управляемых, недисциплинированных, слабо вооруженных и снабжаемых людей, как это описывалось выше. Что еще хуже, у этих армий не было плана согласованных действий, так же как не существовало главнокомандующего, с которым Мур мог бы кооперировать свои действия. Вскоре стало ясно, что никто из независимых испанских командиров не намерен взаимодействовать с Муром, а уж тем более снабжать его армию.

Несмотря на эти серьезные трудности, 18 октября Мур двинулся на Бургос. Помимо соединения с силами испанцев, наблюдающими за французами на другой стороне Эбро, он там планировал встретить десятитысячный корпус Бэрда, высадившийся в Корунье, на северо-западном побережье Испании. Армия Мура, за исключением кавалерии и артиллерии, по ужасным дорогам направилась к Саламанке. Поверив испанцам, заявлявшим, что прямая дорога через Сюэдад-Родриго непроходима для конницы и пушек, Мур отправил их под командованием сэра Джона Хоупа (1765-1823) по окружному южному маршруту через Бадахос и Мадрид, приказав присоединиться к нему в Саламанке. Хуже того, Мур все еще не знал, что 4 ноября в Испанию прибыл сам Наполеон во главе 125-ти тысячной армии, с намерением изгнать с Полуострова британцев и сокрушить испанцев раз и навсегда. Разъяренный непокорностью испанцев и бестолковостью своих подчиненных, император заявил Дюма: «Я четко вижу, что должен вернуться и снова привести машину в действие». 13 октября

Вход Наполеона в Испанию, ноябрь 1808 г. Выведенный из себя неудачными попытками его маршалов разбить британскую армию, император решил взять дело в свои руки. «Этот отвратительный леопард, - высокопарно взывал Наполеон к своим солдатам, напоминая им о былых кампаниях в Италии и Египте, - оскверняет своим присутствием Полуостров. Пронесем наших победоносных Орлов до Геркулесовых Столпов». (Роже-Виоле)

он пишет из Эрфурта: «Война должна быть закончена одним ударом... Необходимо мое присутствие». Наполеон верил, что сосредоточение превосходящих сил под руководством самого императора — более чем достаточное средство, чтобы сломить сопротивление испанцев.

Сопровождаемый лучшими своих командующими, включая маршалов Нея, Ланна, Журдана и Сульта, а также рядом других знаменитых генералов, Наполеон и его Великая Армия 6 ноября начали наступление. Кордоны были сметены, укрепления Бургоса захвачены, и 13 числа французы вошли в Вальядолид, расположенный на полпути к Мадриду. В это время Мур прибыл в Саламанку, ожидая подхода Бэрда и Хоупа.

Из Вальядолида Наполеон двинулся на столицу, практически не встречая сопротивления, пока 30 ноября в узком дефиле у Сомосьерры ему не преградили дорогу 9 тысяч испанцев, поддержанных несколькими орудиями. Обойти их с флангов без большой потери времени было невозможно. «Крестьяне не остановят мою гвардию», - провозгласил Наполеон, и, не щадя жизни своих людей, приказал 87 польским уланам своего эскорта

идти в атаку, которую нельзя назвать иначе, как самоубийственной. Всадники, которые из-за недостатка места могли скакать только по четыре в ряд, ринулись прямо на пушки, вырезали орудийную прислугу и ворвались на хребет, обратив в бегство пехоту. Атака, поддержанная другими подразделениями, оказалась успешной, и вошла в легенду, но стоила бесстрашным полякам половины от их первоначальной численности. Великая Армия продолжила свой безудержный марш и вошла в Мадрид 4 декабря.

Тем временем, 26 ноября до Мура дошли вести о том, что испанские войска не выдержали натиска императора. Будучи оставлен своими нерадивыми союзниками один на один с Наполеоном, Мур пришел к выводу, что ему стоит отказаться от попыток достичь Бургоса, и дал команду отступать. Это решение вызвало бурное негодование не только у испанцев, но и в английских войсках, горящих желанием сразиться с французами.

Мур оказался в ужасном положении: Хоуп с кавалерией и артиллерией прибыл 4 декабря, зато Бэрд находился еще только в Асторге. Через два дня, уступив настойчивым требованиям продолжать движение на Бургос и принять бой, Мур отменил приказ об отступлении и распорядился продолжить марш. «Я понимал, что иду на невероятный риск, - напишет он, - но стоит же рисковать во имя Долга, и ради того, чтобы показать испанцам, что мы стоим за них даже когда сами они сочли свое дело проигранным».

Благодаря отсутствию разведки Мур не знал, что 4 декабря Наполеон, намереваясь покончить с ним, ввел свою 80-ти тыс. армию в Мадрид. Так что 11-го сэр Джон повел на север свой жалкий 20-ти тысячный корпус, и 20-го соединился, наконец, у Майоги, с отрядом Бэрда, доведя численность своих войск до 30-ти тыс. человек.

Два дня спустя Наполеон, во главе лучших своих сил, достиг заснеженных горных хребтов Гвадаррамы. Несмотря на метель, его армия прошла через перевал и направилась по следу ничего не подозревающей жертвы.

В канун рождества Муру казалось, что все идет благополучно: его силы соединились, а армия двигалась к Карриону, где с заманчиво слабым отрядом в 16 тыс. штыков находился маршал Николя Сульт (1769-1851). И тут, поздно вечером из перехваченного сообщения Мур узнает о приближении Наполеона. Узнав об угрозе со стороны превосходящих сил, британский командующий не нашел ничего лучшего, как дать приказ об общем отступлении.

Отступление к Корунье

Мур надеялся атаковать армию Сульта до того, как та успеет объединиться с корпусом Жюно, но узнав 4 декабря, что Мадрид пал, он пришел к заключению, что испанцы в данной ситуации ему не помощники. В день Рождества Мур начал отчаянное отступление к Корунье, в зимних условиях, с сидящим на плечах Наполеоном. На оледеневших и занесенных снегом дорогах и обрывистых горных тропах марш превратился в кошмар, когда рушилась дисциплина, а люди валились с ног от голода, холода и усталости. По причине недостатка транспорта и сил больных и раненых оставляли в деревнях, через которые проходила армия, а иногда в буквальном смысле бросали на обочине, обрекая их на неизбежную смерть от голода и утомления. Арьергард в лице элитной Легкой бригады, возглавляемый поначалу бригадным генералом Робертом Кроуфордом («Черным Бобом») (1764-1812), а затем генерал-майором Эдвардом Пэджетом (1775-1849), во всех без исключения случаях столкновения с авангардом французов проявила себя блестяще, позволяя главным силам отойти без потерь. Кавалерия под командованием лорда Генри Пэджета (1768-1854), брата Эдварда, также сыграла важную роль в задержке преследователей.

По мере отступления большая часть подразделений Мура утратила воинскую структуру, превратившись в толпу, промышляющую грабежом и предающуюся пьянству. Был случай, когда колонна

вынуждена была оставить в деревне Бембибр тысячу напившихся солдат, большую часть из которых вырезали подошедшие французские кавалеристы.

Один из высокопоставленных офицеров комиссариата писал:

«Рухнула даже видимость порядка. Ни унтерам ни к офицерам не выказывалось уважения... каждый солдат брал, что хотел, все грабилось, выносилось, бросалось на землю... Хотя Вильяфранка довольно велика, вскоре в каждом ее углу было полно людей... Прибывали все новые войска, производя жестокие набеги на склады запасов... В конце концов Вильяфранка была буквально разграблена... Повсеместно распространилось пьянство, приводящее к большинству постыдных инцидентов».

Позже по ходу отступления он пишет:

«Дорога была усеяна телами лошадей, обломками повозок, зарядных ящиков, трупами мулов, ослов и собак, вереницей тянулись измученные и полуокоченевшие солдаты, женщины (солдатские жены) и дети... Дисциплина слабела все более...

С каждым часом страдания войск увеличивались».

Всю дорогу до Коруньи армии пришлось брести по колено в снегу и грязи, оставляя за собой в качестве следа цепочку замерзших тел.

30 числа армия пришла в Асторгу, в 200 милях (322 км) от Коруньи, где была возможность остановиться и дать бой. Тем не менее, Мур решил, что победа не даст ничего, а вот поражение окончательно деморализует армию. Вопреки настойчивым увещаниям своих генералов, предлагавших остаться, он решает идти вперед, но сначала разделяет силы, отправив на юг, к Виго, 3,5 тыс. чел.

Битва при Корунье, 16 января 1809 г. После изматывающего отступления из под Сахагуна, армия сэра Джона Мура, с сидящими на плечах французами достигла северо-западного побережья Испании. Сулыт непредусмотрительно предпочел сконцентрировать свои силы перед атакой, тем самым предоставив Муру двухдневную передышку, дав его армии возможность отдохнуть, пополнить припасы и начать погрузку на суда. Блестящие оборонительные действия сэра Джона, стоившие ему жизни, заставили французов отступить и дали возможность оставшимся британским войскам без дальнейших помех погрузиться на корабли. (Художественная библиотека Энн Роунан)

ОТСТУПЛЕНИЕ К КОРУНЬЕ

1. Кастрогонсало. Мур переправляется через реку Эсла, разрушив за собой мост и вступает в Галисийские горы.

2. Бенавенте. Деморализованные не столько столкновением с французами, сколько отступлением, войска разграбили город. 29 декабря 600 кавалеристов имперской гвардейской кавалерии были разбиты британской конницей, потеряв почти 200 чел.

3. Асторга. Мур решает продолжать движение, отрядив две бригады разными дорогами в Виго.

4. Бембибр. Солдаты разграбили винные погреба и напились в стельку. 1 тыс. человек была оставлена и перебита французской кавалерией.

5. Вильяфранка. Измученный авангард захватывает склад с запасом продуктов на две недели.

6. Касебелос. Арьергард Мура держит ожесточенную оборону против наступающего авангарда Сульта.

7. Луго. Мур останавливается и готовится дать сражение, но Сульт уклоняется от него.

8. Бетансос. Войска покидают горы.

9. Корунья. Оставшиеся в живых достигают цели после 312 миль (499 км) марша. Транспорт королевского флота прибывают 4 января. Погрузка начинается немедленно. 16 числа Сульт терпит поражение в предместьях города, но Мур погибает.

Легкой бригады и Королевского германского легиона. Наполеон тем временем передал командование Сульту, а сам вернулся в Париж, разбираться с кипящими там политическими интригами. Хотя император обещал вернуться в Испанию, но обещания своего не выполнил, и покорение страны было возложено на двух людей, которые по причинам, изложенным ниже, никогда не смогут с ним справиться с этой непосильной задачей.

Наконец, 11 января 1809 года армия Мура — оборванная, но не сломленная — не было потеряно ни одного знамени и ни одной пушки, достигла Коруньи, где Шауманн увидел жалкие подобию людей «...в лохмотьях, с впавшими глазами, покрытые кровью и грязью. Они выглядели столь ужасно, что люди крестились, когда те проходили мимо...». Обещанные транспорты еще не пришли в порт, но к счастью для Мура, когда подошли главные силы Сульта из 20 тыс. человек (еще столько же находились на марше), корабли прибыли и началась организованная посадка под прикрытием отряда из 15 тыс. человек и 12 орудий. Султ атаковал 16 января, и началась битва в предместьях города, в которой Мур, ценой собственной жизни, сначала отразил противника, а затем заставил его отступить на несколько миль. С наступлением сумерек сражение закончилось. Британцы потеряли 800 человек, в том числе своего обожаемого сэра Джона, тело которого похоронили в окрестностях города. Погрузка на транспорты продолжилась должным образом и была закончена 19 числа, когда остатки армии отплыли в Англию.

На первый взгляд кампания закончилась для англичан абсолютной неудачей, и стоила для них потери 6 тыс. человек и большого количества оружия и снаряжения. Французы остались повелителями большей части Испании и Португалии, и правительство Великобритании под председательством лорда Портленда благоразумно избегало идеи возобновления в будущем каких-либо наступательных операций. С другой стороны, несмотря на рьяное преследование,

французам не удалось разгромить армию Мура, и хотя последней и пришлось пережить тяжелую кампанию, ее марш и последующее отступление решительно обозначили курс будущей войны. Яснее говоря, продолжив марш на Бургос, Мур заставил Наполеона перенести фокус внимания на англичан, оставив в покое испанцев. Это дало британцам время, столь необходимое для консолидации своих сил в Португалии, а испанским союзникам — возможность оправиться и подготовиться к новой кампании. Была сохранена жизненно-важная база англичан — Лиссабон, и французам не удалось покорить южную Испанию. Таким образом, действия Мура не позволили французам одержать полную победу в конце 1808 года.

Но если французы и не смогли разгромить армию Мура, они, тем не менее, имели успех везде, наголову разбив испанцев при Укле в январе и при Медельине в марте. Нанести поражение иногда многочисленным, но не слишком организованным регулярным войскам хунт не представляло большой трудности для закаленных французских войск, зато осадные операции повсеместно являли собой гораздо более опасные и кровопролитные предприятия. Нигде это утверждение не было более верным, чем в отношении столицы Арагона — Сарагосы, чье население при поддержке контингента регулярных войск и большого количества местных крестьян ожесточенно сопротивлялось начавшейся в декабре осаде. Как вспоминает Марбо:

«Город был окружен цепью мощных монастырей — их укрепили и оснастили орудиями. Во всех домах проделаны бойницы, а на улицах сооружены баррикады, налажено производство пороха, ядер и пуль, заготовлены большие запасы провизии. Все жители города встали под ружье... Они договорились об одном: стоять насмерть... Религиозный фанатизм и священная любовь к родине поддерживали в них храбрость, и они слепо предали себя в руки Господа».

В течение двух месяцев город сокращался в размерах благодаря работе осадных инженеров, систематически чередующих подведение подкопов с отчаянными штурмами. «Я никогда не видел прежде такой решимости, - пишет в своем рапорте Наполеону маршал Ланн. — Мне приходилось наблюдать женщин, умирающих в брешах. Каждый дом нужно брать штурмом...». Наконец, 20 февраля, после ужасающей бойни, где в ожесточенных уличных схватках погибли более 50 тыс. измученных голодом и болезнями защитников, из которых менее половины были солдатами, город пал. Такие случаи не имеющие аналогов стойкости граждан подчеркивали небоеспособность регулярных испанских сил и открыли новую ужасную страницу в истории войн. Если можно выбрать какой-нибудь эпизод войны на полуострове как символ испанского сопротивления, то это будет осада Сарагосы.

Мануэла Санчес, «Сарагосская дева». После того как орудийный расчет, в котором служил ее жених, был перебит французским огнем, она храбро подхватила горящий пальник в нескольких метрах от наступающей пехоты. Тысячи испанских женщин приняли активное участие в гражданском сопротивлении, особенно в защите городов, таких как Сарагоса или Херона. Большинство помогали раненым, готовили, доставляли воду и боеприпасы, но многие сражались с оружием в руках наравне с мужчинами (Художественная библиотека Энн Роунэн).

Военные действия в 1809 году

Несмотря на эвакуацию армии Мура, британское правительство решило продолжать войну, поддерживая Португалию, в которой еще оставались 16 тыс. английских солдат, защищающих Лиссабон. Новая операция была предпринята в виде посылки в апреле второго экспедиционного корпуса под командованием

Уэлсли. Последний, обрадованный своим возвращением, представил командованию «Оценку ситуации», где ясно изложил стратегию, которой будет руководствоваться до конца войны. Поскольку правительство соглашалось отправить только немногочисленные войска, Уэлсли убеждал министров, что сможет защитить Португалию, имея лишь 20 тыс. английских войск и реорганизовав португальскую армию. Поддержка Португалии, продолжал он, побудит Испанию продолжать сопротивление и окажет содействие усилиям Британии. По утверждению генерала, обширные пространства Испании и яростное сопротивление населения не позволят французам полностью подчинить страну. Стратегия Уэлсли опиралась также на сохранение британского господства на море, и, что самое важное, но это труднее всего было гарантировать — ему необходимо было любой ценой уберечь свою небольшую армию от поражения или серьезных потерь, как в бою, так и от болезней. Это в высшей степени шаткое положение могло отчасти быть достигнуто, утверждал сэр Артур, за счет его старания не допустить концентрации превосходящих сил французов. И наконец, подытоживал он, тяжелый недостаток в снабжении, осложненный растянутостью коммуникационных линий вкупе с активностью партизан, будет работать против французов, увеличивая его шансы удержать Португалию и при случае перенести боевые действия вглубь Испании.

Уэлсли высадился в Лиссабоне 22 апреля, всего три месяца спустя после эвакуации армии Мура из Коруньи. Британцы удерживали южную Португалию, зато территории к северу от Коимбры, включая важный прибрежный город Порту, контролировал маршал Сулыт со своей 20-ти тысячной армией. Судивительной скоростью Уэлсли произвел реорганизацию своих сил, стараясь усилить их подвижность и поднять боеспособность. Самой важной частью реорганизации стало слияние различных бригад в дивизии, каждая со своим командованием и штабом, и способная

действовать с большой долей независимости, чем прежде. Он также начал перестройку в португальской армии, ставя на командные должности всех уровней английских офицеров и приписав по португальскому батальону к британской бригаде. Так начался процесс, который за несколько лет позволит осуществить стремительный рост компетентности и сделает португальские войска равноправными участниками альянса.

В течение двух недель с момента прибытия приготовления Уэлсли были закончены. Он готов был выступить против трех противостоящих ему армий: маршала Сулыта на севере; генерала Пьра Лаписса (1762-1809) у Сьюдад-Родриго; и маршала Клода Виктора (1764-1841) к югу от Талаверы. Лаписс и Виктор могли войти в Португалию, объединив все три армии, и Уэлсли пришлось бы иметь дело с вдвое превосходящим врагом. С другой стороны, французские отряды находились на большом расстоянии друг от друга, и были разделены пересеченной местностью, так что Уэлсли со всем основанием рассчитывал разбить их по одиночке, до того, как они успеют объединиться. Сначала он намеревался выступить против Сулыта и изгнать его из Португалии, а затем заняться Виктором на юге. И вот, оставив 12 тыс. человек под руководством генерала Макензи оборонять Лиссабон, и отрядив шеститысячный отряд под командованием генерала Уильяма Бересфорда (1764-1854) на восток, чтобы перекрыть Сулыту пути отступления, Уэлсли во главе 16 тыс. англичан, 2400 португальцев и 24 орудий выступил 8 мая в поход. Его задачей было переправиться через реку Дору у города Порту, который Сулыт оккупировал 29 марта. Достигнув рано утром 12 мая Дору, Уэлсли обнаружил, что Сулыт перебрался на другую сторону реки, разрушив единственный мост и уведя на северный берег все лодки. Уверенный, что находится в безопасности со стороны реки, французский командующий был крайне удивлен, когда Уэлсли удалось дерзко переправить несколько сот солдат в баржах — винных баржах — припрятанных в городе и переданных ему жителями. К моменту,

когда французы обнаружили англичан, шанс сбросить их в реку был упущен, и все попытки это сделать были отражены. Тем временем выше по течению, в Авинташ, через реку переправились другие подразделения британцев, отрезав Сульту и его 11-ти тыс. армии путь к отступлению в этом направлении. Самый удобный путь к отходу вел на восток, но там его блокировал Бересфорд, таким образом у Сульта не оставалось иного выбора, как бросить большую часть обоза и отойти на север, в горы.

Переправа через Дору и победа при Порту доказали способность Уэсли действовать быстро и решительно, разрабатывать и исполнять замыслы не тратя много времени на подготовку. В результате французы во второй раз вынуждены были оставить Португалию, понеся тяжелые потери в живой силе и снаряжении. Сокрушительный удар по моральному состоянию французов вдохновил союзников, Уэсли, избавившись от Сульта, мог без помех выступить на юг против Виктора. Тем временем французы, постоянно подвергающиеся атакам со стороны герильясов и регулярных войск Ла-Романы, ушли из Галисии.

Операции Уэсли в Испании неизбежно требовали наладить взаимодействие с военными силами этой страны. Это порождало целый ряд проблем, поскольку без единого командования испанские армии не имели общей стратегии. Уэсли оставалось пытаться координировать свои усилия с испанскими генералами, каждый из которых стремился действовать на свой страх и риск, не горя желанием оказывать поддержку своим коллегам, а еще меньше — английскому генералу. И все же проведение операций на испанской земле требовало от британского главнокомандующего наладить по мере возможности такое взаимодействие с испанскими генералами, в частности с Куэстой. Старше Уэсли на тридцать лет, вспыльчивый, упрямый и совершенно негодный к командованию войсками, Куэста не доверял Уэсли и не желал прислушиваться к его советам, общаясь с ним только через

своего начальника штаба. Стрелок Харрис описывает его как «вздутый ком гордости, глупости и предательства... Это самого отвратительного вида человек, которого мне когда-либо приходилось видеть». Но если Куэста был плох, то хунта была еще хуже: она обещала Уэсли транспорт и провизию, которые в конце-концов он так и не получил.

Подойдя 10 июля с двадцатитысячной армией к Пласенсии, Уэсли встретился с Куэстой, под началом которого было 35 тыс. человек и начал переговоры о совместных действиях. Отношения между командующими были натянутыми, но все же им удалось договориться об объединении своих сил у Оропесы и дальнейшем наступлении единой армией из 55 тыс. штыков на Виктора, 2-х тыс. армия которого стояла у Талаверы. У французов были и другие силы — в Мадриде и к югу от столицы, но были предприняты меры, чтобы воспрепятствовать им присоединиться к Виктору. Итак, 21 июля, согласно договоренности, испанская и английская армии объединились. В соответствии с планом, Куэста направился к позициям Виктора на реке Альберче, а Уэсли остался в резерве. Союзные генералы договорились начать атаку 23 числа, но когда на рассвете войска Уэсли изготавились к бою, испанцев нигде не оказалось. Три часа спустя Уэсли разыскал их командира мирно спящим. Когда его разбудили, Куэста заявил, что его солдаты слишком устали, чтобы идти в атаку, и таким образом чрезвычайно выгодная возможность была столь бездарно упущена союзниками. Весь вне себя от гнева, не в последнюю очередь благодаря тому, что обещанные испанцами припасы так и не прибыли, и в войсках остался лишь двухдневный запас провизии, Уэсли был бессилен помешать отходу Виктора, что тот и предпринял вечером того же дня. Куэста же в необдуманном порыве кинулся преследовать французов со своими силами, выступив 24 числа на столицу. Но на следующий день у Аькабона его встретили 46 тыс. французов, которые преследовали обратившихся в бегство испанцев вплоть до Альберче. Обстоятельства внезапно

Атака 48-го пехотного полка под Талаверой. Разгром дивизии Шербрука на левом фланге образовал огромную брешь в британской линии, создавая угрозу неминуемого поражения. Не имея возможности снять из под Серро-де-Медельин, Уэлсли бросил на закрытие прорыва только 48-й пехотный полк в составе 800 чел. при поддержке двух полков легких драгун. 48-й пехотный потерял убитыми и ранеными около четверти личного состава, что не редкость для Наполеоновских войн. (Художественная библиотека Энн Роунан)

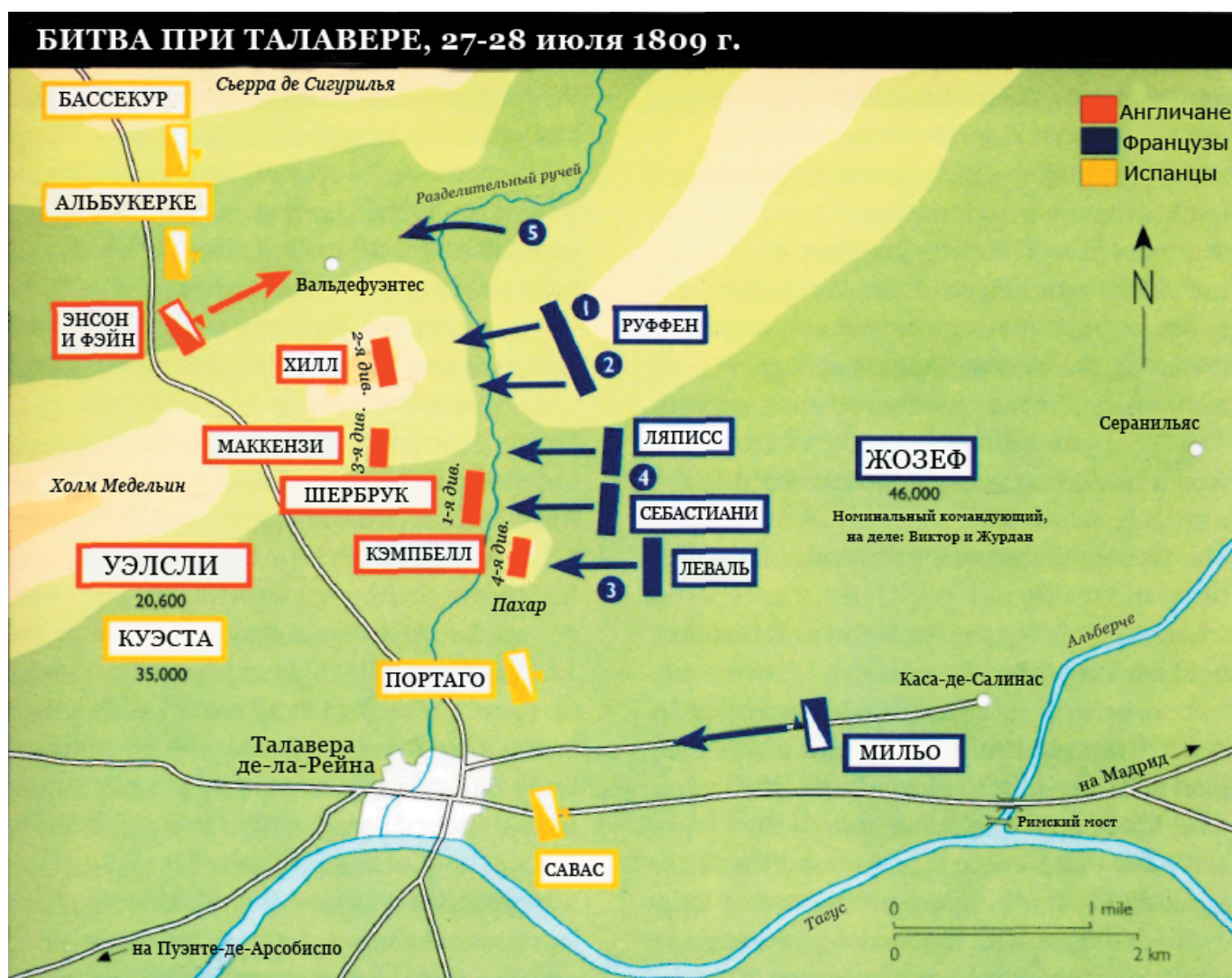
переменились в пользу французов, которые для разгрома Куэсты объединили армии короля Жозефа и маршала Виктора. Вместе их силы превосходили Уэлсли, которому пришлось как можно скорее подыскать позицию для обороны. В этом Уэлсли был мастер, что доказал, присмотрев сильную позицию к северу от города Талавера. Заняв оборону, он стал ждать неминуемой атаки.

В теории в распоряжении Уэлсли находились 55 тыс. чел., но из них только 20 тыс. человек и 36 орудий были его собственные войска, остаток составляли ненадежные испанцы Куэсты. Армия короля Жозефа включала 46 тыс. человек при 86 орудиях

— в два раза больше, чем британские части и Королевский германский легион (КГЛ). Французы атаковали левый фланг союзников в ночь на 27 число, но были отброшены. На следующий день они повторили попытку, обратив в самом начале битвы в бегство несколько тысяч испанцев. Французы атаковали линию Уэлсли в нескольких пунктах, но каждый раз английские залпы отбрасывали атакующие колонны, и наконец французы отступили. Лейтенант Симмонс так опишет в последствии ужасающую картину поля сразу после побоища:

«Во всех направлениях тела погибших и умирающих: лошади и люди, французы и англичане лежали целыми шеренгами, сразив друг друга, и мне жаль говорить, что испанцы добивали раненых французов и обирали их до нитки».

На следующий день его бригада была направлена на ужасную работу: подбирать тела убитых и складывать в огромную кучу

1. 27 июля, 21.00. В качестве прелюдии перед главным сражением, разыгравшемся 28, Руффен предпринял неожиданную ночную атаку на хребет Серро-де-Медельин, и едва не преуспел в этом.

2. 5.00 28 июля. После интенсивной бомбардировки из 53 орудий, дивизия Руффена (4300 штыков) вновь атакует позиции Хилла на Медельине и отходит с тяжелыми потерями из-за мушкетного огня выстроенной в линию пехоты. вперемежку с хворостом для последующего сожжения. Смерд от множества разлагающихся тел был ужасен и усиливался из-за жаркой погоды. Не менее ужасно звучали стоны раненых. Август Шауманн, офицер английского комиссариата посетил монастырь в городе, переоборудованный под госпиталь:

«Никогда я не смогу забыть душераздирающие крики, доносившиеся из

Неформальное перемирие на несколько часов.

3. 13.15. Чтобы отвлечь внимание от места главного удара на Медельине, Леваль атакует 4-ю дивизию Кэмпбелла на Пахаре, но безуспешно.

4. 13.30. После бомбардировки из 80 орудий Себастиани и Лаписс предпринимают главную атаку, но вынуждены отступить.

5. 14.40. Руффен снова атакует. Атака британской кавалерии.

окон... (из одного из них)... на небольшой дворик внизу летели ампутированные руки и ноги. Перед дверью лежали только что доставленные раненые, дожидаясь своей очереди. Многие были уже мертвы».

Оборонительная тактика, использованная Уэлсли под Талаверой, так же как при Ролисе и Вимьере, доказала свою высокую эффективность против массированных атакующих колонн французов.

Британские стрелки снова доказали свое преимущество над своими французскими коллегами: Уэлсли как и раньше разместил войска за гребнем холма, укрыв их от огня превосходящей французской артиллерии, и что еще более важно, генеральное сражение вновь подтвердило превосходство британской линии над французской колонной. Ружейный огонь с небольшой дистанции в сочетании со стремительной штыковой атакой оказался потрясающе эффективным. И наконец Веллингтон, неуверенный, как поведут себя его войска под огнем, непрерывно перемещался от одного участка к другому, подбадривая людей, напрямую отдавая распоряжения и следя за ходом битвы.

К сказанному стоит добавить, что победа Уэлсли была куплена дорогой ценой: потери составили четвертую часть его сил (5300 чел.), если сравнивать с французами, то они потеряли только одну пятую (7200 чел.). Хотя в абсолютном исчислении потери французов были больше, им легче было компенсировать их, чем Уэлсли, который в то время испытывал также острый недостаток кавалерии. Действительно, численное меньшинство, особенно в отношении конницы и артиллерии, составляло для союзников постоянную проблему во время войны на Полуострове, и еще одним камнем в памятник Уэлсли является его несравненное искусство, с которым он постоянно вырабатывал стратегию, позволяющую компенсировать этот недостаток. Вести о победе произвели фурор в Британии, и герою дня был пожалован титул виконта Веллингтона.

Несмотря на победу под Талаверой, Веллингтон не мог позволить себе почивать на лаврах. Получив 3 августа известия, что 50-ти тысячная армия Сульта движется от Саламанки на юг с расчетом перерезать его сообщение с Португалией, он отступает за Тагу. 20 августа отступление продолжилось по направлению к Бадахосу на испано-португальской границе, где имелась возможность прикрыть южный маршрут на Лиссабон. Отход был тяжелым — не сравнимым, конечно, с отступлением к Корунье — но солдатам Веллингтона

приходилось терпеть немалые лишения из-за недостатка провизии. Его больше устраивало расположение в Португалии, но понимая, с какой осторожностью надо действовать в рамках англо-испанских отношений, он остался на испанской территории.

Веллингтон прекрасно понимал, что войну не выиграть одним махом, и ему необходим долговременный анализ ситуации. Располагая значительными силами, французы могли в третий раз вторгнуться в Португалию, и без дополнительной помощи союзные армии не могли этому воспрепятствовать. Поэтому, стремясь компенсировать недостаток войск, в октябре генерал разработал блестящий план обороны. Оставив армию, стоящую лагерем в Испании, он в сопровождении своих инженеров обследовал область вокруг Лиссабона. В результате напряженной работы была разработана схема строительства трех линий укреплений, огибающих Лиссабон с севера и запада, для удержания которых было достаточно небольшого британского контингента и нескольких десятков тысяч португальской милиции, так называемой Орденовцы. Эти оборонительные сооружения стали известны как знаменитые линии Торриш-Ведраш. Работы были начаты немедленно, и десятки тысяч португальских рабочих принялись за строительство линий. Эта работа заняла около двенадцати месяцев. Завеса секретности, окружающая проект, была такой плотной, что французы не имели ни малейшего понятия о существовании линий, пока не уперлись в них в конце следующего года. Найдя безопасное укрытие в самом Бадахосе и его окрестностях, Веллингтон до конца года не предпринимал никаких важных действий, а его гнев на выходки испанских союзников был так силен, что он решительно уклонялся от любого сотрудничества с ними. По их вине была упущена благоприятная возможность разбить французов в июле, а когда несколько дней спустя испанцы бросили Веллингтона одного под Талаверой, ему чудом удалось избежать разгрома. Что еще хуже, пока английские солдаты выдерживали натиск противника, бегущие испанцы

грабили их обоз. Проще говоря, британский командующий решил не подвергать свою армию напрасному риску ради союзников, на раз доказавших свою неспособность и ненадежность. «Пока изъяны, на которые я указал, не будут исправлены, - в гневе писал Веллингтон, - я не допускаю мысли о какой-либо системе взаимодействия с испанской армией».

Но испанцы, к их чести, все же продолжали борьбу, хотя и поврозь, и разбили французов 23 мая при Алканисе и 18 октября при Тамамесе. Но успехи эти, как и предыдущие, оказались непрочными. Они потерпели поражение при Альмонасиде 10 августа, а 19 ноября 52 тыс. испанцев под командованием генерала Арейсаго были разгромлены при Оканье, потеряв 18 тыс. человек, 50 орудий и 30 знамен. Всего десять дней спустя, при Альба-де-Тормес, они вновь потерпели поражение, понеся потери в 3 тыс. человек, в то время как французы потеряли всего 300. Более того, 11 декабря после восьмимесячной осады пала Херона — еще один пример легендарной обороны, пусть и меньший по масштабу, чем Сарагоса. Постоянные неудачи испанцев создавали для французов благоприятные условия для вторжения в Португалию, не оставив Веллингтону иного выбора, как вновь перейти 9 декабря границу и ждать начала новой кампании по весне.

Если к испанцам фортуна, похоже, повернулась спиной, то для Веллингтона кампания 1809 года заканчивалась на мажорной ноте. Со своей маленькой армией он сумел, вследствие победы при Порту, во второй раз изгнать французов из Португалии, и хотя его кампания в Испании не принесла успеха, ему удалось нанести противнику поражение при Талавере. Его армия была сохранена, ее моральное состояние, выучка и боеспособность непрерывно повышались, а реформы Бересфорда постепенно оказывали свое действие на солдат португальской армии, хотя пока их и не привелось испытать в действии. Что до испанцев, то, несмотря на череду тяжелых поражений, они так

и не сложили оружия, отвлекая на себя значительные силы французов, которые те могли использовать против Веллингтона или партизан, и нанося врагу потери.

Военные действия в 1810 г.

После окончания кампании Наполеона против Австрии, кульминационным моментом которой стало сражение при Ваграме 5-6 июля 1809 года, значительное количество высвободившихся французских войск могло быть переброшено на Полуостров. Уже в начале 1810 года в Испании их было 325 тыс. — намного больше, чем союзников. Учитывая мир, воцарившийся во всей Империи, за исключением Испании, Жозеф обязан был добиваться большего успеха. Но пока среди населения сохранялось враждебное настроение, это было невозможно. «Моя власть не распространяется за пределы Мадрида, - жалуется Жозеф императору, - да и в Мадриде я нахожусь в постоянной опасности... Я остаюсь королем Испании только благодаря штыкам твоей армии». В глазах Наполеона попытка завоевать сердца и умы испанцев с помощью провозглашения либеральных политических и социальных реформ не выглядела убедительной. По его мнению решить проблему можно было только военным путем: «Кроме отваги и энергии ничто не принесет тебе успеха в Испании. Этот парад доброты и милосердия закончится ничем».

У Веллингтона, конечно, были свои проблемы. Французы были многочисленнее его войск во много раз, против такого превосходства ему оставалось только обороняться. За кажущуюся пассивность его действия подвергались жестокой критике со стороны как британского, так и испанского правительств, но он мудро потратил девять месяцев этого года, готовя свою армию к отражению третьей атаки на Португалию. Французы могли ударить с любого из трех возможных направлений: в центре — через

долину реки Тагу — здесь Веллингтон поставил португальские войска Бересфорда; с юга — через Бадахос, где находился сэр Роуленд Хилл с 7-ю тыс. британцев и 13-ю тыс. португальцев; и с севера — через Сьюдад-Родриго и Алмейду. Это направление Веллингтон считал наиболее вероятным, поэтому во главе оставшихся войск сам направился прикрывать его. Расположенная перед позицией Легкая дивизия была призвана прикрывать армию и вести разведку противника. Она превосходно справилась с этими задачами, и французам не удалось разведать силы и диспозицию войск Веллингтона.

Веллингтон не жалел времени на укрепление обороны, развитие разведывательной сети, реорганизацию и обучение армии. Бересфорд тем временем продолжал работать над созданием португальской армии, и в течение года укомплектованные португальские бригады влились в состав большинства британских дивизий и Королевский германский легион. Он также увеличил численность и улучшил подготовку португальской милиции, высвободив тем самым регулярные войска для полевой службы. Помимо разведанных, собираемых португальскими и испанскими герильясками и прочими гражданскими лицами, Веллингтон получал сведения от собственных офицеров-разведчиков, засылаемых далеко за линию фронта с целью вызнать силы врага и их дислокацию. Кроме того, в рамках генерального плана обороны, Веллингтон добился у португальских властей использовать то, что называется «тактикой выжженной земли», так что в случае вторжения французы не нашли бы ни пищи, ни транспорта, ни снаряжения. В течение этого времени под руководством главного инженера, подполковника сэра Ричарда Флетчера (1768-1813), быстрыми темпами продолжалось сооружение линий у Торриш-Ведраш, причем в тайне от французов.

Теперь встреча с французами на поле боя была только делом времени, и также, как много лет спустя, при Ватерлоо, Веллингтон решил выбрать для такого

СПРАВА:

Бусако не только продемонстрировало превосходство британской линии перед французской колонной, но и преимущества сильной оборонительной позиции, пусть даже без земляных укреплений.

1. 5.45. Атака дивизии Мерля (11 батальонов), построенной в колонны. Атака отражена.

2. 6.00. Атака четырех батальонов Эделе. Он также отражен, отчасти благодаря лихой контратаке 88-го пехотного полка (Коннаутские рейнджеры).

3. 6.00. К северу от Сан-Антонио Фой с семью батальонами атакует 3-ю дивизию Пиктона. Фой отброшен.

4. 8.15. Луазон идет в атаку во главе 12 батальонов (6 тыс. штыков), не догадываясь, что за гребнем укрылась Легкая дивизия (1800 чел.). Атака французов отражена с потерей 1200 чел.

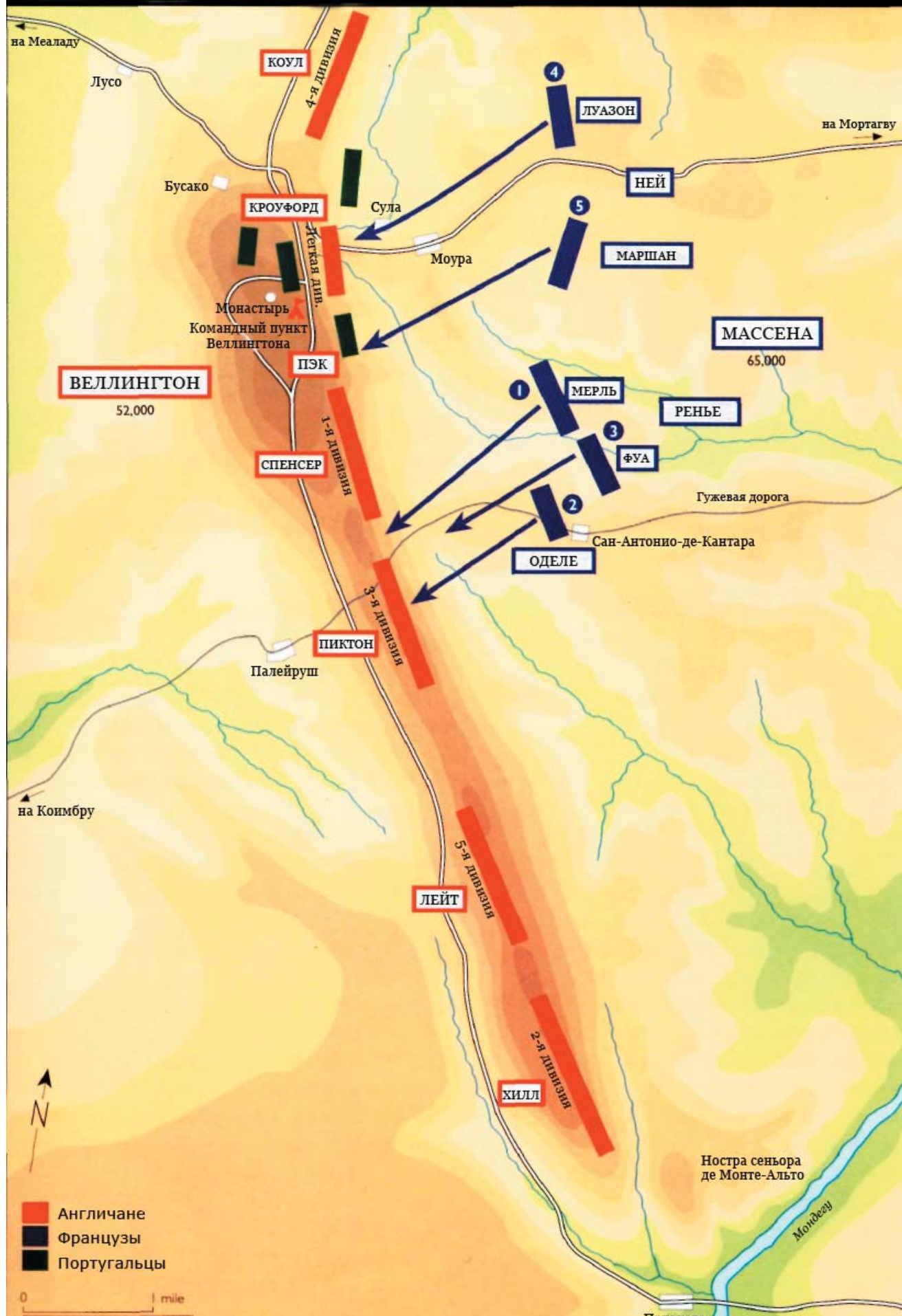
5. 9.00. Маршан с 11 батальонами атакует позиции португальской бригады Пэка. Атака отбита.

случая особенно сильную оборонительную позицию. Разумеется, направление линии атаки противника было неизвестно, но для британского командующего было очевидно, что если французы пойдут ему навстречу, то хребет у Бусако (11 миль (18 км.) в длину и 1000 футов (315 м) в высоту), круто уходящий вверх почти от основания, как нельзя лучше подходит для этой цели. На противоположном склоне он построил дорогу, идущую вдоль хребта, облегчая тем самым переброску войск с одного участка на другой, при этом втайне от французов.

Французы тоже не теряли времени даром. В апреле 1810 г. Наполеон направил на полуостров маршала Массена с приказом захватить Португалию. Вопреки очевидным изъясам, французская система командования продолжала испытывать затруднения из-за отсутствия единого командующего в Испании и необходимости постоянно ссылаться с Парижем. Эта требующая затрат времени и денег практика зачастую приводила к тому, что обстоятельства изменялись, делая сведения или приказы совершенно устаревшими к моменту их получения или отдачи.

Кампания началась в мае, когда Массена приступил к осаде важнейшей пограничной крепости Сьюдад-Родриго, контролировавшей северный коридор между Испанией и Португалией. Крепость,

БИТВА ПРИ БУСАКО, 27 сентября 1810 г.

защищаемая 5,5 тыс. испанцев под командованием Эррасти, сдалась 10 июля. Вопреки просьбам испанского правительства и собственных войск, Веллингтон отказался прийти на помощь городу, так как риск явно перевешивал возможные выгоды. Но английские войска все же не остались в бездействии, так как две недели спустя маршал Мишель Ней (1769-1815) во главе 24-х тысячной армии атаковал Легкую дивизию, едва избежавшую поражения на скалистых берегах реки Коа. Антиподом Сьюдад-Родриго на португальской стороне границы была Алмейда, еще одна мощная крепость, но она пала преждевременно, когда 26 августа французская артиллерия подожгла рассыпанный порох, вызвавший ужасный взрыв пороховых магазинов, унесший 500 жизней и заставивший командира гарнизона выбросить 28 числа белый флаг. С падением Сьюдад-Родриго и Алмейды французам удалось открыть северный путь для вторжения в Португалию. Тем не менее, у Веллингтона еще сохранялись основания для оптимизма, поскольку Массена, продолживший, наконец, 15 сентября свой марш на запад, выбрал именно ту дорогу, которая вела прямо к хребту у Бусако, на что и надеялся Веллингтон.

Веллингтон расположил свои войска в четком соответствии с планом, выработанным за несколько месяцев до этого, и затребовал на помощь Хилла с его 20-ти тыс. корпусом. После этого в распоряжении Веллингтона оказалась мощная армия из 52 тыс. штыков, половину из которых составляли португальцы, против 65 тыс. французов. Хотя Веллингтон и уступал врагу в численности, он использовал прошедший год для усиленной подготовки своих войск, а португальцы, пусть не испытанные в бою, тоже прошли интенсивное обучение. 27 сентября, волна за волной, колонны Массены двинулись на штурм хребта, но все без успеха. Все атаки были отражены, и португальцы, со своей стороны, сражались отменно. Вместо того, чтобы преследовать потрепанного противника, Веллингтон предпочел прибегнуть к стратегии, которую планировал использовать в такой ситуации:

он отступил за линию Торриш-Ведраш, уничтожив по пути все, что могло быть использовано французами.

Во время отступления армии пришлось перенести меньшие трудности, чем в 1809 году, зато сопровождающим ее гражданским лицам пришлось не сладко. Шауманн пишет в своем дневнике:

«Отступление ... от Коимбры к укрепленным линиям представляло собой печальное зрелище. Дорога была усеяна обломками коробок и ящиков, телег и повозок, телами лошадей и людей. Каждую дивизию сопровождала толпа беглецов примерно такой же численности, как и она сама, состоящая без разбора из богатых и бедных, идущих или едущих на лошадях или ослах. Все брели вперемежку: мужчины и женщины, молодые и старые; матери, ведущие детей или тащащие их на спине; монахини, покинувшие монастыри - чуждые миру, они озирали все вокруг со страхом и робостью — или, набравшись смелости, шли под руку с солдатами, таща их ранцы. Монахи, священники, инвалиды — все обратились в бегство. Чем ближе процессия подходила к Лиссабону, тем чаще встречались трупы принадлежащих беженцам животных, павших от голода и истощения. Уже можно было увидеть благородных леди, бредущих по грязи в разорванных шелковых туфлях ли босыми. На всех лицах читалось отчаяние».

Массена проглотил наживку и следовал по пятам за союзной армией, не подозревая о существовании Линий, пока не уперся в них 10 октября. Эти фортификационные сооружения были построены так искусно, что для их обороны требовалось всего лишь 2500 английских солдат, 25 тыс. португальской милиции и 8 тыс. корпус испанской регулярной армии. Французский маршал сразу же понял их силу, и убедился в этом, предприняв 14 октября попытку их штурма. Она дорого обошлась ему, и, не видя шанса проникнуть внутрь, Массена решил отказаться от дальнейших атак. Вместо

Битва при Бусако, 27 сентября 1810 г. Французская пехота штурмовала возвышенность под сильным артиллерийским и ружейным огнем. На вершине французам видели только одинокую фигуру генерал-майора Роберта «Черного Боба» Кроуфорда, командира Легкой дивизии, и не догадывались, что позади него, на утопленной вглубь дороге залегли 43-й и 52-й пехотные полки. Когда атакующие достигли верха, Кроуфорд повернулся и закричал: «А теперь 52-й! Отомстим за Мура!». С мощным «ура» 52-й, примкнув штыки, кинулся вперед, заставив французов бежать в беспорядке. (Роже-Виоле).

этого он расположился перед ними лагерем, намереваясь выманить Веллингтона наружу. Однако тот благоразумно не двигался с места, получая все необходимое с помощью флота. Массена же, напротив, испытывая недостаток припасов и видя, что окрестности уже разорены войсками Веллингтона во время отступления, вынужден был отойти 15 ноября к Сантарему. Веллингтон вышел за Линии и последовал за противником, не вступая в бой, не желая рисковать армией и выжидая, когда

представится верный шанс нанести удар. Его стратегия подтвердила свою правильность, поскольку в ту зиму французы потеряли от истощения и болезней более 25 тыс. человек — и это без единого выстрела! Таким образом, Линии у Торриш-Ведраш превосходно выполнили свое предназначение, не позволив французам взять Лиссабон и защитив от вторжения северную Португалию.

Военные действия в 1811 г.

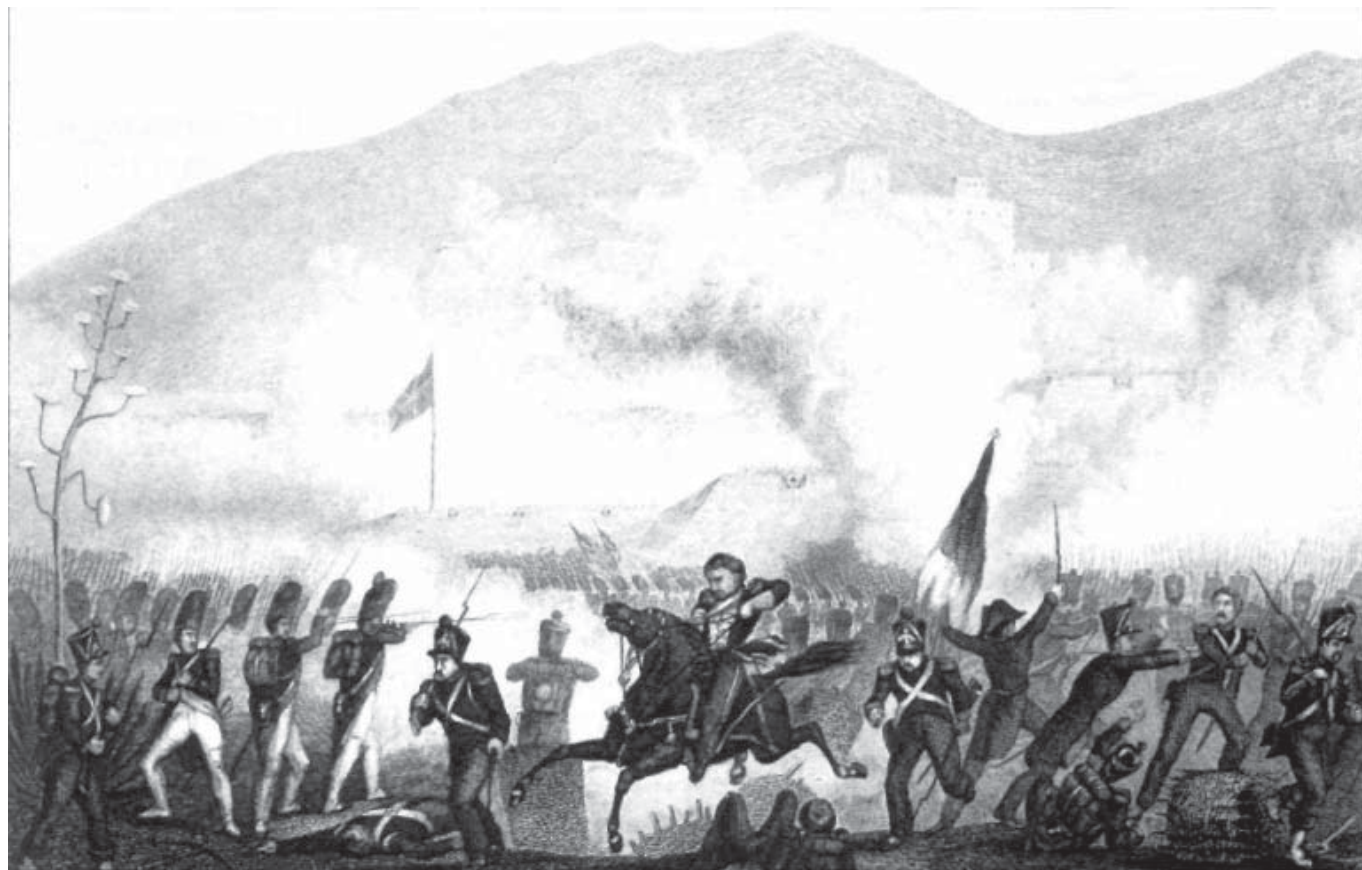
Пока люди Массены тощали на скудных рационах в Сантареме, армия Веллингтона с комфортом и в безопасности пребывала в своих лагерях за линией у Торриш-Ведраш. Сулыт продолжал осаду Бадахоса, прочие силы французов тем временем захватили 22 января Оливенсу и разгромили испанцев на реке Хебора 19 февраля. Что до англо-

португальских войск, то наступивший 1811 год станет для них более активным, чем предыдущий: в нем произойдут три крупных сражения: при Барросе (5 марта), Фуэнтеш-де-Оньюру (3-5 мая) и Альбуэре (16 мая). Причем две из этих битв пройдут под руководством подчиненных Веллингтона.

С января 1810 года англо-испанские силы из 26 тыс. человек оказались осажденными в Кадисе, на крайнем юге страны, городе, служившем резиденцией Верховной Хунты. В феврале 1811 г. командующий решил использовать половину этих сил для удара по врагу с суши и с моря. Но генерал Ла-Пенья, возглавлявший испанский контингент, саботировал операцию, оставив 5-ти тыс. британский отряд сэра Томаса Грэхема без поддержки у Барросы, где на него 5 марта напал маршал Виктор с 9 тыс. солдат. Несмотря на численное превосходство противника, Грэхем пошел на отчаянный риск, предприняв контратаку, и достиг успеха. В этот самый день Массена, неспособный одолеть Веллингтона, укрывшегося за Линиями, и не будучи в силах продовольствовать

свою умирающую от истощения армию в разоренных политикой «выжженной земли» окрестностях Сантарема, донимаемую, к тому же, партизанами, начал отводить войска в Испанию. 11 апреля он прибыл в Саламанку. В ходе отступления маршал лишился большей части обоза и потерял 25 тыс. человек из 65 тыс., с которыми начинал кампанию, причем менее половины всех потерь приходились на долю убитых, раненых и попавших в плен. Так что Линии у Торриш-Ведраш сослужили союзникам хорошую службу. Когда Массена начал отступление из Сантарема,

Торриш-Ведраш, обширная область вокруг которой Веллингтон распорядился построить сооружения, вошедшие в историю как неодолимые «Линии», протянувшиеся через всю Португалию от реки Тагу до атлантического побережья. Линии призваны были выполнять две задачи: не дать французам атаковать главную базу снабжения – Лиссабон, и дать Веллингтону время эвакуироваться из страны в случае неблагоприятного поворота событий. Они блестяще доказали свою полезность в 1810-1811 гг. Здесь показано, как французские войска предпринимают неудачный штурм у Аграку 14 октября 1810 г. (Библиотека Энн Роунен).

союзники последовали за ним, потешаясь над обряженными часовыми соломенными чучелами, с помощью которых французы надеялись обмануть врага. За исключением гарнизона Альмейды французы в третий раз оказались изгнанными из Португалии.

Но в тоже время, Сульту 10 марта удалось захватить ключевой пограничный пункт — город Бадахос, и с учетом того, что они ранее заняли Сьюдад-Родриго, оба прохода, связывающих Испанию и Португалию, оказались в их руках. Стремясь прикрыть их, Веллингтон вынужден был разделить свою небольшую армию из 58 тыс. человек между двумя городами, отделенными друг от друга расстоянием в 120 миль (193 км). Массена и Сульт, будь у них возможность объединить силы, имели бы в распоряжении как минимум 70-тыс. армию. Учитывая разделение сил опасную растянутость коммуникаций, Веллингтон с 38 тыс. солдат обосновался во Френаде, на севере, а генерал Бересфорд во главе 20 тыс. корпуса отправился на юг. 25 марта он нанес французам поражение в стычке у Кампо-Майор и в течение следующего месяца вел осаду Бадахоса. Впрочем, без осадного парка шансы на успех были крайне призрачными. Веллингтон советовал Бересфорду занять в случае атаки Сульта оборонительную позицию у Альбуэры — деревеньки в 14 милях к югу от Бадахоса. В начале мая Массена с 48 тыс. армией направился на запад с целью сменить гарнизон в Альмейде — единственном плацдарме французов в Португалии. Веллингтон, как говорилось выше, мог противопоставить ему только 38 тыс. Однако, как и раньше, он не терял времени даром, подыскивая удобную оборонительную позицию, на которой мог встретить французов на своих условиях. Ему приглянулись окрестности деревни Фуэнтес-де-Оньюро, прямо за испанской границей. Эта позиция вовсе не была такой сильной, как у Бусако, но английский командующий надеялся, что Массена прибегнет к той же неизобретательной тактике, как раньше: простой фронтальной атаке.

Битва при Фуэнтес-де-Оньюро, 3-5 мая 1811 г. Рассчитывая выручить гарнизон осажденной крепости Альмейда на португальской границе, Массена приказал предпринять мощную фронтальную атаку на эту деревню, которая закончилась неудачей. На второй день последовала пауза, а на третий повторная атака едва не привела к успеху. Веллингтон характеризовал это победу как «самую трудную из всех, мной одержанных, и достигнутую в самых неблагоприятных условиях». (Роже-Виоле)

Именно так и поступил маршал 3 мая, и пехота Веллингтона отбросила атакующих назад тем же способом, который постоянно использовался на Полуострове. 4 мая установилось затишье, но на следующий день Массена предпринял новую атаку, на этот раз с юга, и едва не опрокинул левый фланг союзников. Англо-португальские войска держались стойко, хотя и подались назад. Легкая дивизия зарекомендовала себя хорошо, а кавалерия — просто прекрасно. В очередной раз уникальная оборонительная тактика Веллингтона, его четкий контроль за ходом сражения и твердость его пехоты привели к победе. Французы отступили. Узкие улицы и аллеи были завалены телами убитых в ожесточенной рукопашной схватке. Вскоре на место Массены Наполеон назначил более компетентного маршала Огюста Мармона (1774-1852).

Победа Веллингтона была важна, но результат ее умерялся двумя менее удачными событиями, произошедшими неделей позже. Генерал-майор сэр Уильям Эрскин (1769-1813), руководивший осадой Альмейды, повел ее так плохо, что в ночь на 11 мая генерал

Битва при Альбуэре, 16 мая 1811 г. Невероятно кровопролитное сражение разыгралось между англо-португальскими силами Бересфорда, поддержанными испанцами Куэсты и Блейка, и французской армией Сульта, идущей от Кадиса на север с целью воспрепятствовать попыткам союзников захватить ключевую крепость Бадахос. Просчеты Бересфорда стоили ему огромных потерь и возврата к занятиям исключительно административными вопросами. На картине изображен Бересфорд, схватившийся с польским уланом и выбивающий его из седла. (Гравюра Сазерленда по Уильяму Хиту)

Антуан-Франсуа Бренье (1767-1832) сумел взорвать укрепления и прорваться из крепости с 900 из 1300 французских солдат. Веллингтон был в ярости. «Ни одно из военных событий не расстраивало меня так, как выход из окружения хотя бы одного из этих людей», – воскликнул он.

Для Веллингтона Фуэнтес-де-Оньоро было победой над серьезным противником, но в это время на юге маршал Султ предпринял завоевание Эстремадуры и Андалусии, в ходе которого захватил Оливенсу и Бадахос. Это

были крупные успехи, помноженные также на победу при Хеборе.

СПРАВА:

1. 8.00. Французы производят две ложные атаки; Бересфорд укрепляет центр своей позиции.

2. 9.00 Силы главного удара французов численностью 12 тыс. штыков переправляются через ручей, чтобы атаковать стоящих на правом фланге испанцев. Испанцы перестраиваются навстречу атаке и держатся твердо, несмотря на большие потери.

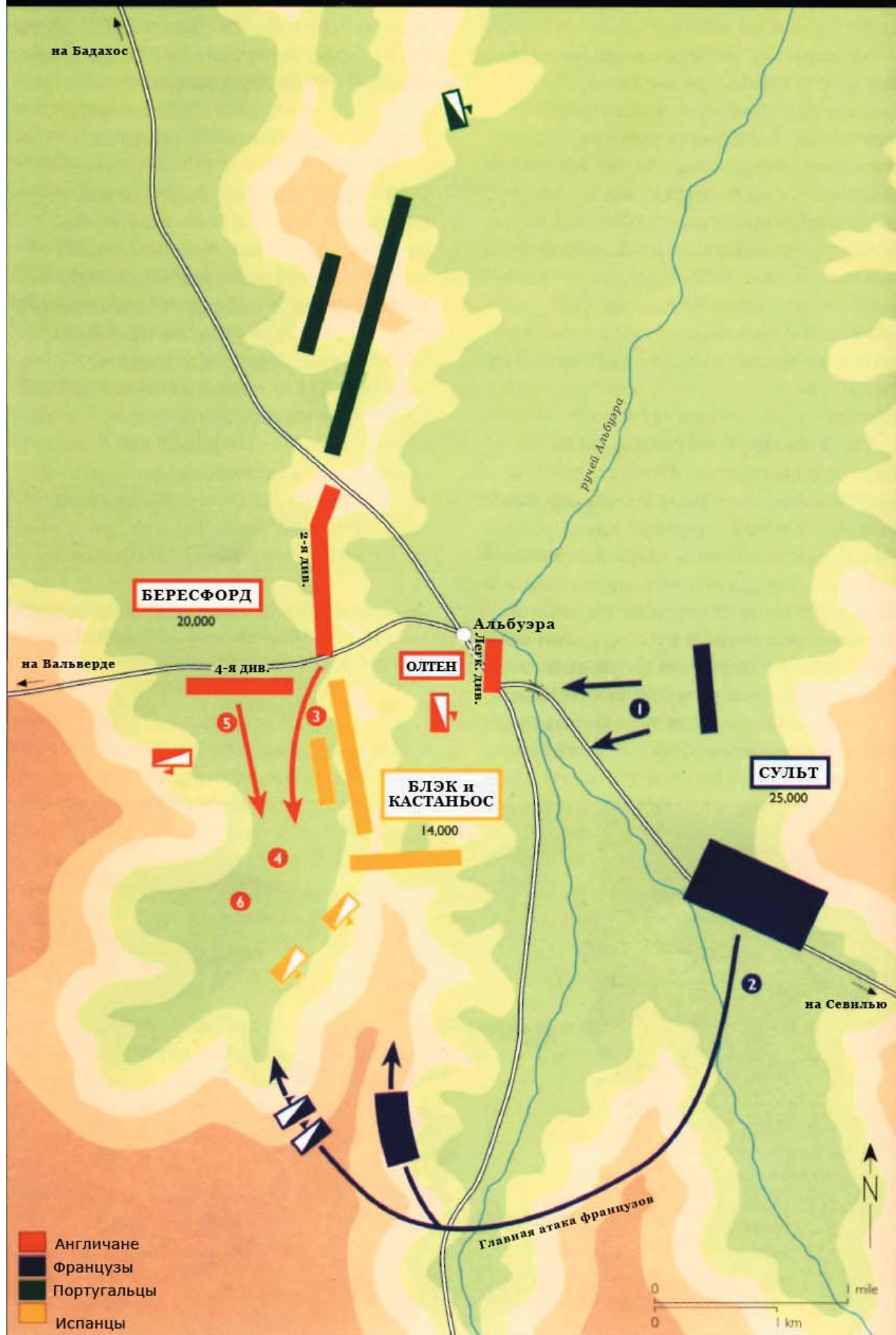
3. 9.00 Часть 2-й дивизии идет на выручку к испанцам.

4. 10.30 Британская пехота успешно обороняется, пока не начинается ливень, не дающий вести огонь из мушкетов. Пехота остается беззащитной против атаки 3500 кавалеристов. Одна из бригад, не успев образовать каре, теряет 1300 из 1600 человек за несколько минут. Еще две бригады 2-й дивизии идут на помощь. Дождь прекращается, начинается интенсивная перестрелка с близкой дистанции. Обе стороны несут ужасные потери.

5. В бой вступает 4-я дивизия (4 тыс. чел.).

6. 12.15. Атака французской кавалерии отбита, пехота тоже вынуждена отступить. В 12.20 Султ вводит в дело 6 тыс. резерв, англичане атакуют его с фланга и вынуждают отойти за реку. Утомление не позволяет союзникам преследовать врага.

БИТВА ПРИ АЛЬБУЭРЕ, 16 мая 1811 г.

На следующий день Бересфорд вынужден был снять осаду с Бадахоса, чтобы подготовиться к обороне против Сульта, который во главе 25 тыс. солдат при 50 орудиях спешил с юга на помощь осажденному гарнизону. Бересфорд решил воспользоваться планом Веллингтона и расположил свои 35 тыс. человек и 38 орудий вокруг Альбуэры. Но на этот раз французы оказались более изобретательными, и вместо того, чтобы предпринять фронтальную атаку, стали обходить Бересфорда справа, где были расположены испанские войска, известные своей неустойчивостью. Сражение вскоре вылилось в серию крайне ожесточенных перестрелок с близкого расстояния. Этот день мог бы остаться за французами, если бы не командир 4-й дивизии сэр Гэлбрейт Лаури Коул (1772-1842), который в решающий момент предпринял контратаку, заставившую французов отступить.

Эта почти что катастрофа у Альбуэры стоила Бересфорду потери почти половины своих людей. Веллингтон не мог допустить повторения подобной кровавой бани. Но тем не менее, битва подтвердила репутацию

британского солдата, истекающего кровью, но не сдающего позиции: так 2-я бригада потеряла 1054 человека из 1651, а старшим из живых офицеров остался капитан. Что до Бересфорда, то его вскоре сменил сэр Роуэлэнд Хилл (1772-1842), а Бересфорд возглавил формирующуюся португальскую армию. Эта организационная деятельность удавалась Бересфорду лучше, чем командование боевыми частями, и он достиг большого успеха в этом качестве.

Альбуэра позволила союзникам продолжить осаду Бадахоса, но когда Веллингтон узнал, что 19 июня Сульта и Мармон объединили свои силы и направляются к городу с 58 тыс. армией, он быстро свернул операцию и ушел за реку Гвадиана. Французы,

Расстрел монаха. Нередкий случай, еще сильнее разъярявший глубоко религиозных испанцев, и усугублявший череду ответов жестокостью за жестокость. Многие священники сражались на переднем крае, воодушевляя паству на сопротивление еретикам-французам, а зачастую присоединялись к гильясам или дрались бок о бок с горожанами в таких городах как Сарагоса или Херона (Гойя, Роже-Виоле)

возможно, из-за имеющегося горького опыта, не стали его преследовать. К концу месяца, оставив Бадахос в руках французов, Веллингтон переключился на Сьюдад-Родриго. Без осадного парка эта операция не обещала успеха, и 20 сентября он вынужден был вновь отступить в виду приближения объединенных сил Сульга и Мармона. Уступая численному превосходству неприятеля, Веллингтон снял осаду и отступил за португальскую границу, завершив тем самым кампанию этого года.

Два лика войны: «джентльмены» и герильясы

Война на Полуострове была конфликтом кричащих противоречий, поскольку два абсолютно различных типа противников сражались бок о бок. Вне поля боя, а иногда даже на нем, английские и французские войска частенько братались, доходя даже до совместных обедов в расположении вражеских частей, а обмен продуктами, спиртным, табаком, одеждой был обычным явлением. Обе стороны нередко договаривались о неформальных перемириях — как на личном уровне — между часовыми, так и на уровне командиров — с целью вынести с поля боя погибших и раненых. Полковник Вивиян пишет, что «мы могли скакать буквально бок о бок, ярдах в пяти друг от друга, с риском быть подстреленными не более, чем во время охоты в городских окрестностях. Все вели себя по-джентльменски. Они воистину были дьявольски учтивыми, благородными парнями, знавшими, как нужно вести войну...». Полковник Нэпьер, в свою очередь, не находил причин быть недовольным французами: «Мне ненавистна мысль сражаться из личной злобы или мести, но нет возражений воевать ради Развлечения или Славы». Парадоксальность ситуации иногда достигала поистине невероятных пределов: один из французских генералов получал через английские войска экземпляры лондонских газет, чтобы следить за курсом своих акций,

вложенных в британские государственные облигации.

Нельзя вообразить ничего более отличного от этой «джентльменской войны», чем невидимый, но от того не менее важный «второй фронт», образованный отрядами герильясов, нападавшим на французов при первой возможности. Хотя корни партизанской войны уходят в далекое прошлое, именно война на Полуострове сделала этот феномен явлением, знакомым и в наши дни. Испанское слово *guerrilla* означает «маленькая война», ее участник назывался герильеро. Как правило, это были суровые, отважные люди. Одного из них английский солдат описывал следующим образом: «смуглый, диковатого вида испанец... до зубов вооруженный пистолетами, кинжалами... длинноствольным ружьем... подвязанный малиновым кушаком и развязный в поведении, что сразу выдавало в нем герильеро». В силу природы самой деятельности и размытой структуры (зачастую вовсе отсутствующей), определить хотя бы приблизительно численность участников партизанского движения не представляется возможным. Отряды могли иногда состоять из гости людей, а иногда из нескольких тысяч человек. Известно, существовало большое количество партидас (отрядов) под предводительством лидеров, использующих иногда колоритные прозвища типа «Эль Эмпесинадо» или «Эль Медико». При всей пестроте вождей партизанских отрядов — от настоящих патриотов до бандитских главарей или даже священников, их цели, методы и средства были в целом одинаковы: перерезать коммуникации, уничтожить небольшую группу солдат, напасть на конвой, перебить часовых, перехватить курьера или посланца. Число герильясов росло по мере продолжения войны, как минимум, затрудняя французам управление провинциями, а как максимум, делая его совершенно невозможным. Проще говоря, власть французов никогда не была твердой, ни в одной области они не могли чувствовать себя в безопасности. За любой скалой и за любым деревом могла скрываться засада, всякий безобидный на первый взгляд

крестьянин мог оказаться лазутчиком или головорезом.

Один британский солдат образно описывает герилью:

«И ночью и днем французские войска подвергались не только атакам со стороны англичан, но и постоянной опасности со стороны местных жителей, враждебность которых толкала их пользоваться малейшей возможностью, чтобы причинить им вред. Ни один француз, как бы он ни устал, не смел отстать от своих, поскольку это означало для него мгновенную смерть. В то время испанские герильясы носили обычную крестьянскую одежду, а не мундиры, поэтому французы не могли отличить друзей от врагов. И герильясы, и крестьяне рыскали словно голодные волки, убивая всякого, кто попадал в их руки».

Меры, предпринимаемые французами для защиты от партизан, дают представление о размахе герильи: для обеспечения безопасной доставки почты курьера должны были сопровождать обычно 200 кавалеристов, и не меньше тысячи солдат выделялось для охраны генерала, решившего совершить поездку отдельно от своей армии. Летом 1813 года король Жозеф, отправляя сообщения в Париж, отряжал эскорт из 1500 человек для обеспечения его доставки до французской границы.

Французский блокгауз. Эти массивные бревенчатые сооружения, выстроенные вдоль важных дорог в северной Испании, использовались пехотой при эскортировании курьеров и охране транспортных конвоев. Они хорошо защищали от ружейного огня, но когда в 1812 г. англичане стали снабжать герильясов легкими орудиями, оказались совершенно бесполезными. По иронии судьбы, в конце столетия самим британцам пришлось прибегнуть к строительству блокгаузов, решая проблему партизанского движения в войне с бурами (Бакле д'Альбе, Роже-Виоле).

По большей части свирепость герильясов была естественным следствием грабительской политики французов: оккупанты зачастую подвергали города и деревни полному разграблению и опустошению. В 1809 г. некий британский офицер наблюдал последствия этого в одном португальском местечке, но описанная им сцена была обычной на всей территории Полуострова:

«Я ехал по месту, где располагался бивуак французов. По полю были разбросаны мебель и посуда, взятые в соседней деревушке. Кровати и матрасы валялись в грязи. Ящики из различных столов и комодов использовались как кормушки для лошадей. Гардеробы приспособили как основы для кроватей или как крыши для хижин. Осколки разбитой глиняной и стеклянной посуды лежали на земле. Стулья, лестницы, оконные рамы использовались как топливо для приготовления пищи или для костров, которые разожгли французы перед тем, как отступить... Не щадили даже могилы в церквях... Церковные подсвечники... облачения, потиры, молитвенники и прочая утварь валялись на полу вперемежку с соломой и отбросами».

Реквизиции и грабежи, устраиваемые французами, побуждали крестьян присоединяться к отрядам партизан, но жестокое обращение с самим населением — и документальных свидетельств этому миллион — вот что прежде всего служило топливом для костра герильи. К примеру, войдя в Сантарем в 1811 г. стрелок Костелло обнаружил фонтан, в котором разлагались останки убитого португальца. На городской площади он увидел «... мертвых изнасилованных женщин, орущих умирающих детей. Все жители деревни, кто остался в живых, горели неистовой жадой убийства и мести».

Еще один подобный случай описал в своем дневнике Шауманн:

«За всю войну ни разу больше не видел я такого ужасного зрелища... Смерть и разруха, огонь и убийства, грабеж и насилие везде тянулись следом за вражеской армией... сожженные деревни, села, леса... выдавали путь, которым прошли французы. Повсюду лежали трупы мирных жителей».

В то же время, нельзя отрицать факт, что деньги играли важную роль в этих жестокостях: поживиться можно было не только за счет отдельных солдат, но и грабя обозы и конвои. Британские солдаты, встретивший герильяса, только что вернувшегося с дела, заметил в шелковом кошельке у последнего человеческие уши и пальцы с золотыми кольцами, которые, как сказал партизан, были отрезаны у погибших в бою. «Наполеон, — с угрюмой улыбкой заявил герильяс, — любит своих солдат. Вороны тоже их любят. Мы снабжаем птиц пищей. Они не будут голодать, пока хоть один француз остается в Испании».

В большинстве случаев французам не представлялось возможности завязать бой с этими маленькими, неуловимыми отрядами людей без мундиров. В целях подавления партизанского движения оккупанты вынуждены были прибегать к крайне жестоким мерам, и бесконечное колесо репрессий и контррепрессий стало набирать ход. Насилие рождало насилие: где-то вырезали невооруженных французских обозников — вот и сожжена деревня, а жители ее расстреляны — такой резкий контраст по сравнению с войнами восемнадцатого века, но такое точное предвестие войн двадцатого столетия. Обе стороны повинны в вызывающих дрожь убийствах и издевательствах. Французы оправдывались тем, что герилья нарушает общепринятые правила войны, тем самым делая законными любые меры против «бандитизма», партизаны же маскировали свои зверства под личиной борьбы за освобождение родины. Нельзя не отметить, что нередко герильясы были ни кем иными, как разбойниками, ищущими

выгоды в грабеже или получающими деньги от Веллингтона за перехваченную французскую почту. Но каковы бы ни были мотивы сторон, герилья вскоре превратилась в водоворот насилия. В течение всей войны она обходилась французам примерно в 100 человек в день, не говоря уже об уроне, наносимом моральному состоянию войск.

Французскому солдату, попавшему в плен к партизанам, недолго приходилось там

Герилья в бою. Гравюра дает хорошее представление о ландшафте, представлявшем идеальный театр для партизанской войны. Горные тропы, густые леса, узкие дефиле, крутые перевалы и утесы делали французские колонны, особенно обозы, чрезвычайно уязвимыми для засад. Эти засады состояли из сил, способных уничтожить сотни, а в некоторых примечательных случаях, даже тысячи врагов (Роже-Виоле)

пребывать. Шауманн отмечает, что расправа была ужасной: «Жестокости, творимые португальцами по отношению к попавшим в их руки французским солдатам, просто неописуемы», - пишет он. Ему приходилось видеть людей, прибитых заживо гвоздями к двери. Рассказывали, что один из партизанских вожakov вешал всех мужчин и потрошил всех женщин, попавших в плен. Капитан Франсуа свидетельствует: «Французских офицеров, солдат и даже женщин буквально кромсали на куски... Некоторых привязывали к двум доскам и распиливали пополам... других закапывали по плечив в землю или подвешивали за ноги над огнем, пока не обуглится голова». Ему помнился и вызывающий ужас вид тел 400 больных из французского госпиталя, вырезанными на месте, когда госпиталь

Герильясы подстерегают и вырезают конвой с французскими ранеными. От этой ужасной стороны войны на Полуострове не застрахованы были ни солдаты, ни вспомогательный персонал. Даже Веллингтон, получавший большие выгоды от деятельности партизан, охарактеризовал испанцев как «недисциплинированных дикарей». Хотя герильясы повинны во многих актах жестокости, подобных изображенному, французы тоже не оставались в долгу (Филиппото, Роже-Виоле)

оказался в руках герильясов. Позже капитан встретил солдата, которому посчастливилось одному остаться в живых из 1200 больных.

Кого-то забрасывали камнями, других ослепляли, связывали и оставляли умирать под палящим солнцем, иных привязывали к деревьям, кастрировали и обрекали на смерть от потери крови. Капитан Шумахер, кавалерист из императорской гвардии, обнаружил пепелище военного госпиталя, сожженного вместе с 200 пациентами. Вдругом случае генерал Рене принял мучительную кончину, когда его привязали над котлом с кипящей водой и понемногу опускали вниз в течение нескольких часов. Иными словами, ужасная и мучительная смерть поджидала отставших, курьеров, солдат из маленьких

отрядов, часовых — всякого, кто попадал в руки герильясов. В свой черед, возмездие французов было суровым. Франсуа вспоминает, как после обнаружения изуродованных тел группы отставших, ближайшая деревня была сожжена дотла, а ее жителей построили в ряд и расстреливали по очереди, пока виновные не признались в содеянном.

Военные действия в 1812 г.

Этот год обещал стать критической точкой войны. Наполеон готовился к вторжению в Россию — колоссальному предприятию, оказавшему огромное влияние на операции в Испании, где король Жозеф получил верховное командование над всеми пятью французскими армиями, насчитывающими в целом 230 тыс. человек. Планируя кампанию в России, Наполеон забрал с Полуострова 27 тыс. солдат. Кроме того, Мармону приказали передать в распоряжение маршала Луи Сюше (1770–1826), оперирующего в Валенсии, 10 тыс. отряд. Веллингтону теперь представилась

возможность, которой он давно ждал: вторгнуться в Испанию. Как и раньше, это требовало решить проблему прохождения через северный и южный коридоры, то есть овладеть Сьюдад-Родриго и Бадахосом соответственно. Получив разведанные о перемещении французских войск, Веллингтон приготовился стремительно атаковать Сьюдад-Родриго, пока оба маршала не успели прийти на помощь крепости.

Осада началась 8 января, в разгар зимы. Лейтенант Симмонс вспоминает о трудностях, с которыми ему пришлось столкнуться в ночь на 14 января:

«Моему отряду поручено было загрузить землю в габионы (плетеные корзины) и расположить в передовых сапах (траншеях) в местах, где скалистый грунт не позволял копать. Неприятель вел картечный огонь, с каждым залпом несколько (человек) падало, чтобы не встать больше. Мы несколько раз

Британские войска штурмуют брешь в Сьюдад-Родриго, 19 января 1812 г. Эта крепость была бельмом в глазу Веллингтона, контролируя северный проход, связывающий Португалию с Испанией. Майор Джордж Нэпьер, руководивший одной из штурмовых партий, вспоминает: «Мы все ворвались в пролом, противник обрушил на нас ураганный огонь». Тяжело раненый картечью, он побуждает своих солдат «поднять их на штыки», что те и сделали, опрокинув осажденных. (Иан Флетчер)

проходили через расположение частей, неся корзины с землей, теряя каждый раз нескольких из моих парней, и я был очень рад, когда инженер сказал, что больше носить не нужно».

Были проделаны две изрядные бреши, и в ночь на 19-е английские войска пошли на штурм и овладели городом, понеся относительно небольшие потери — около 500 человек — но смертельную рану получил опытный и любимый солдатами командир Легкой дивизии генерал Кроуфорд, который подбадривал своих солдат на гласисе. Многие погибли, когда французы взорвали мину. После боя войска проявили себя не с лучшей стороны, разграбив город. Симмонс рисует шокирующую картину, которая не раз ложилась пятном на репутацию британской армии во время как этой, так и прочих осад:

«... люди, штурмовавшие город, в течение некоторого времени после боя вряд ли были годны для чего-либо, кроме греха и разбоя. Солдаты волокли всевозможные вещи, гордясь этим, как законной добычей. Другие заботились о своем брюхе, и несли на примкнутых штыках большие куски копченой говядины, ветчины, сала и т.д.»

Не прошло и недели, как Веллингтон во время проливного дождя приступил к осаде Бадахоса. Он прибыл на место 16 марта, и 24 штурмом захватил часть внешних укреплений. Без надлежащего осадного парка операция продвигалась медленно, но Веллингтон заторопился, узнав, что с юга приближается Сульт, а на севере Мармон двинулся к Сьюдад-Родриго. И вот, в судьбоносную ночь на 6 апреля, после того как в стенах были пробиты две бреши — у бастионов Санта-Мария и Ла-Тринидад (в то время как третью проделали в примыкающей к стене куртине) — штурмовая партия под предводительством майора О'Хары — по сути, отряд смертников, который должен был проложить дорогу основным силам — приготовился к бою. Вызванным на это опаснейшее задание

Английские войска штурмуют Бадахос, 6 апреля 1812 г. Костелло был в числе тех, кто составлял главную штурмовую колонну, и одним из немногих, кто выжил. «Трое из несших вместе со мной лестницу, были застрелены наповал... они свалились на меня, так что я был весь залит кровью». Эта атака захлебнулась, но две другие достигли успеха. Однако общее число потерь было ужасающим: при штурме погибло 3350 человек, а за время осады в целом — 5 тыс. (Кэтон Вудвилл, Национальный военный музей)

офицерам пообещали присвоить очередное звание вне очереди, так что О'Хара шутил перед штурмом: «Через несколько часов я буду или подполковником или куском холодного бифштекса». По сигналу пехота волна за волной двинулась на импровизированные баррикады, воздвигнутые в проломах стены. Солдаты карабкались наверх по приставным лестницам, стараясь забраться на высокие стены крепости и закрепиться на эскалде. Было предпринято по меньшей мере 40

Бесчинства продолжались в течение трех дней, пока с целью приструнить разошедшуюся солдатню, в город не были введены свежие войска. На улицах поставили виселицы как жестокую меру профилактики против возможных случаев дальнейшего нарушения дисциплины.

Овладевобоимикоридорами, ведущими в Испанию, Веллингтон мог воспользоваться любым из них, получив возможность нарушить коммуникации между Мармоном и Сультом, создать угрозу французскому присутствию в Мадриде или взять Бургос, ключевой пункт на путях сообщения, связывающих Испанию с Францией. Отрядив Хилла с 18 тыс. отрядом приглядывать за Сультом на юге, Веллингтон с оставшимися 48 тыс. выступил на север, против 40 тыс. армии Мармона. Веллингтон достиг Саламанки 17 июня, и поскольку ни одна из сторон не обладала решительным численным перевесом, каждая хотела занять выгодную позицию. Несколько недель

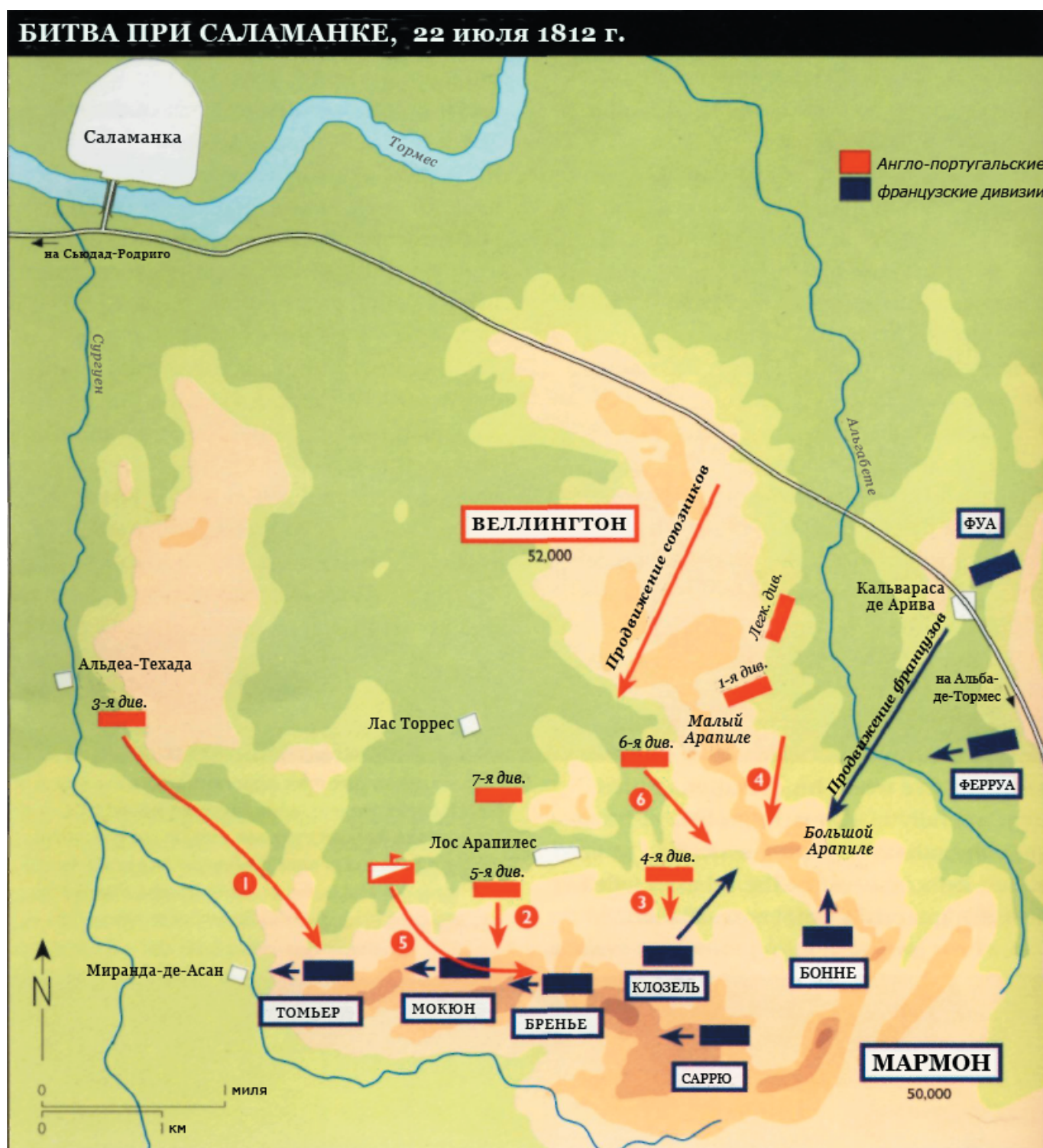
противостоящие армии маневрировали. Марши и контрмарши предпринимались армиями в опасной близости друг от друга, но ни одна не могла найти позицию, выгодную для нанесения удара. Наконец к исходу июля Веллингтон решился атаковать, поскольку разведка донесла о приближении 13 тыс. отряда, высланного из Мадрида королем Жозефом на помощь Мармону. Если Веллингтон хотел добиться победы, битву нужно было начать сейчас, до подхода к врагу подкреплений.

Для битвы было выбрано место у деревушки Лос-Арапилес, в пяти милях к югу от Саламанки. 22 июля обе армии двигались параллельных маршем на дистанции в милю друг от друга. После полудня Веллингтон заметил, что войска Мармона опасно растянулись на четыре мили, подвергая себя опасности быть разбитыми по частям. Он немедленно отдал приказ об атаке на фланг французов, в результате которой враг потерпел решительное поражение, потеряв 14 тыс. человек против 5 тыс. у Веллингтона. Сам раненый, Мармон обратился в бегство,

и мог бы потерять всю армию, если бы испанцы, охраняющие единственный мост через реку Тормес, не оставили без приказа свой пост, открыв для побежденных единственный путь к отступлению. И все же Саламанка стала тяжелейшим ударом для французов, и навсегда сняла с Веллингтона несправедливо закрепившийся за ним ярлык «оборонительного» генерала. Сражение было выиграно за счет маневра, а не элементарным удерживанием позиции. 12 августа главнокомандующий союзной армией с триумфом вступил в Мадрид, где армия расположилась на несколько недель в расчете на восстановление регулярного снабжения.

Битва при Саламанке, 22 июля 1812 г. Если не считать Витории, самое крупное сражение войны на Полуострове разыгралось между Веллингтоном и маршалом Мармоном. Веллингтон (изображен на гравюре), стремился нанести поражение противнику до подхода к французам подкреплений, в то время как Мармон рассчитывал напасть на англо-португальскую армию в ходе ее отступления к португальской границе. Веллингтон подкараулил удобный момент, когда французы сильно растянули свою колонну на марше, разбил врага и занял Мадрид (АКГ Берлин/Британская библиотека)

Если Порту не убедило скептиков, то Саламанка со всей очевидностью доказала, что Веллингтон — тактик не только обороны. Он воспользовался прекрасной возможностью нанести удар в момент, когда между двумя главными французскими дивизиями, следующими параллельно армии союзников, образовался разрыв шириной в милю. Этот факт, а также то, что остальные силы Мармона оттянулись еще на несколько миль, позволил Веллингтону достичь местного численного превосходства, и пред-

принять в течение дня несколько успешных атак:

1. 15.30 Атака 3-ей дивизии (7 тыс. чел.)
2. 16.15 Атака 5-ой дивизии (8,3 тыс. чел.)
3. 16.30 Атака двух бригад 4-ой дивизии (3,9 тыс. чел.)
4. 16.30 Атака бригады Пэка (2,5 тыс. чел.)
5. 16.45 Атака британской кавалерии и кавалерии КГЛ (2 тыс. чел.)
6. 17.30 Атака 6-ой дивизии (5,5 тыс. чел.) при поддержке нескольких бригад.

Следующим укрепленным пунктом, который необходимо было захватить, являлся Бургос — город к северу от столицы. Веллингтон осадил его 19 сентября, но в течение следующих пяти недель операция велась чрезвычайно вяло из-за вопиющего недостатка тяжелых орудий и другого осадного снаряжения. Все приступы были отбиты, и 21 октября, услышав о приближении идущих на помощь городу французских армий общей численностью 60 тыс. человек, Веллингтон снял осаду. Бургос оказался для Веллингтона серьезным разочарованием, и единственным настоящим поражением в ходе войны. Последующее отступление к португальской границе оказалось, как и подобные отступления ранее, ужасным делом, и проходило в условиях плохой погоды и хронической нехватки припасов. Этот марш, стоивший союзникам почти 10% от общего числа сил в 35 тыс. человек, Веллингтон охарактеризовал как «самую паршивую переделку из тех, в которых мне приходилось бывать». Примерно в это же время Наполеон начал свое катастрофическое отступление из Москвы.

Хиллу было приказано отойти на север, и Мадрид был оставлен французам. Как бы то ни было, главные силы союзников 20 ноября достигли Сьюдад-Родриго; французы прекратили их преследовать задолго до этого момента.

Несмотря на неудачу при Бургосе и последующее отступление, Веллингтон заканчивал кампанию, имея на счету крупные достижения: французские войска были изгнаны на север за Тагу, взяты две ключевые пограничные крепости — Сьюдад-Родриго и Бадахос (хотя последняя ценой огромных потерь), — противник разбит при Саламанке, на время отвоеван Мадрид, а также захвачено 20 тыс. пленных и 300 орудий. Армия окрепла в боях и отлично научилась драться с французами, в то время как боевой дух противника упал, а надежды на победу практически исчезли. Что еще важнее, гибель наполеоновской армии в России не только означала перелом в войне против Франции

— Веллингтон понимал, что это ставит крест на возможности посылки в Испанию подкреплений из Франции. Наоборот, грядущая кампания будет ознаменована отбором ветеранов для службы в Центральной Европе. Кроме прочего, Веллингтона назначили главнокомандующим испанскими армиями общей численностью 160 тыс. чел. На деле это являлось скорее обузой, чем преимуществом, поскольку эти силы были разбросаны по всей стране и по-прежнему страдали от архаичной организации.

Военные действия в 1813 г.

После пяти лет стратегической обороны, диктовавшейся по преимуществу численным превосходством французов, в 1813 году Веллингтон мог, наконец, перейти в наступление. В совокупности силы французов все еще превышали численность армии союзников, но инициатива безраздельно перешла к Веллингтону, и поскольку Россия и Пруссия готовились открыть кампанию в Германии, перед Францией возникла перспектива войны на два фронта против врагов, настроенных биться до конца.

В течение зимы 1812-1813 гг. Веллингтон разрабатывал планы весенней кампании с учетом свежих 5 тыс. солдат, присланных из Англии. Всего союзная армия насчитывала 81 тыс. штыков, плюс 25 тыс. испанцев, находящихся в непосредственном подчинении Веллингтона. Французы, объединившие, наконец, командование в руках короля Жозефа, располагали 200 тыс. человек, по большей части сконцентрированных на севере Испании, что облегчало их действия против Веллингтона. Последний планировал двинуться на север, огибая фланг французов, расположившихся между рекой Дуэро и городами Саморра и Вальядолид, по большой дуге. Для обеспечения этой стратегии Веллингтон решил перенести базу снабжения из Лиссабона в Сантандер на северном побережье Испании. Этим он не только

Сражение при Витории, 21 июня 1813 г. Судьбоносное для войны сражение, оно явилось самым ярким эпизодом смелого наступления Веллингтона, начатого в мае, и достигшего кульминации в конце года, когда союзные войска перешли Пиренеи и вторглись на территорию Франции. О битве ходило немало историй. Одна из них рассказывает, как ведущий свою 3-ю дивизию в атаку на мосту у Мендосы горячий сэр Томас Пиктон подбадривал своих солдат: «Вперед, каналы! Вперед, отважные подлещи!» (Немецкая гравюра. Эдимедия).

сокращал коммуникационные линии, но и занимал позицию севернее фланга французов. Для осуществления этой операции генерал организовал ряд диверсий с целью сковать силы противника и не дать им объединиться. Активизировались действия партизан, а 18 тыс. корпус сэра Джона Мюррея (1768-1827) был высажен с моря у Таррагоны.

Новая кампания началась стремительным движением сил союзников, разделенных на три колонны в обход главной оборонительной линии французов, что

позволило Хиллу взять 26 мая Саламанку. На следующий день король Жозеф в третий раз бежал из столицы, а Грэхем 2 июня занял Саморру. Захваченные врасплох, чувствуя постоянную угрозу своему правому флангу, французы отошли к Бургосу. Веллингтон не собирался предпринимать очередную трудную осаду, и на этот раз обошел город, вынудив Жозефа вновь отойти, теперь на линию реки Эбро. Когда Грэхем стал угрожать этой линии, Жозеф отступил еще дальше, к Витории, где и расположился 19 июня. Веллингтон преследовал его по пятам, и зная о приближающихся французских подкреплениях, решил атаковать Жозефа 21 числа.

Жозеф и Журдан, опасаясь нападения, расположили свою 66 тыс. армию на оборонительных позициях близ Витории. Французы ожидали фронтальной атаки, и пришли в смятение, когда Веллингтон обошел их с флангов и прорвал центр. Хотя некоторые

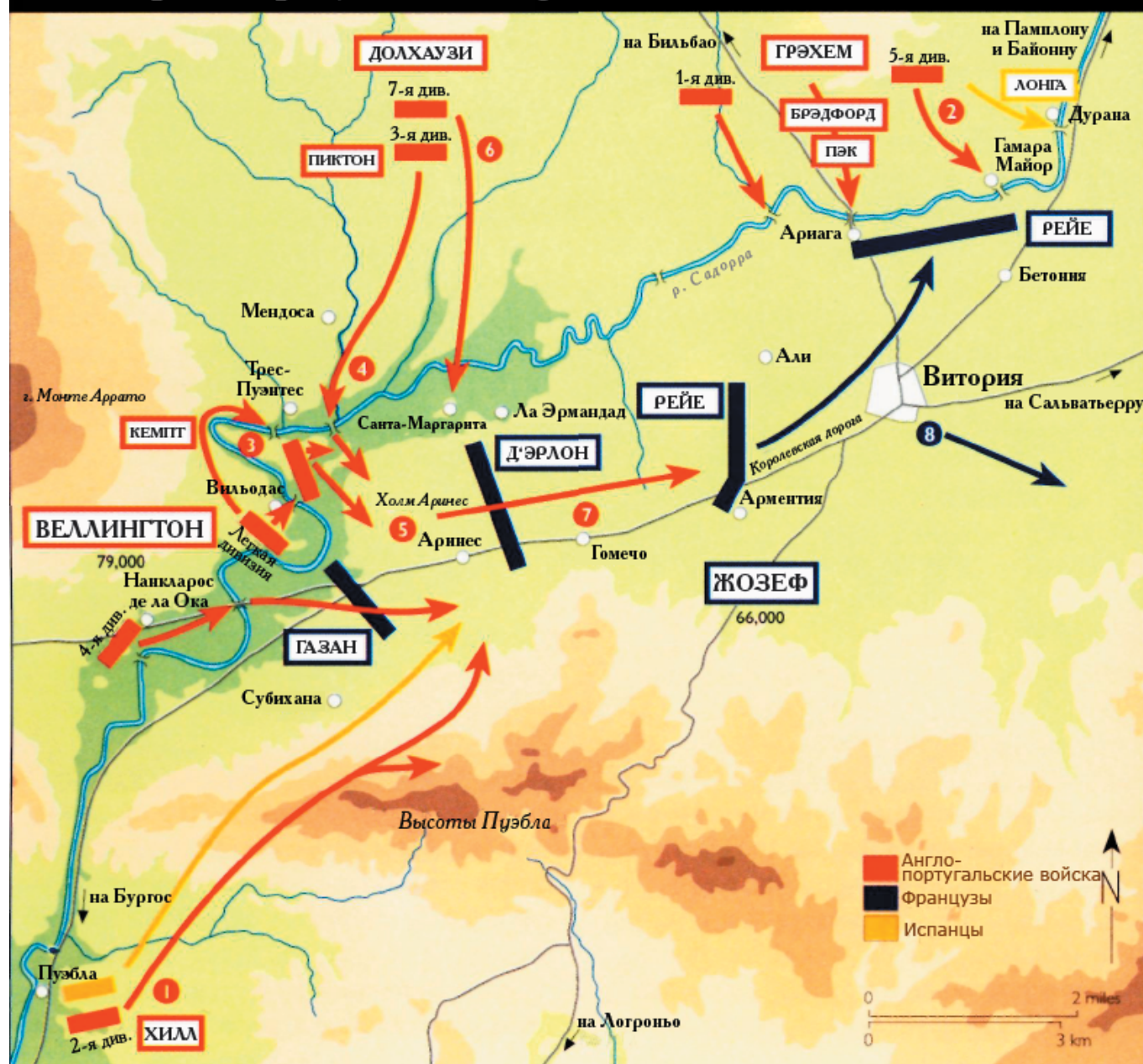
части французской армии держались стойко, к 5 часам вечера она обратилась в бегство. Беглецы двигались на восток. Потери французов были сравнительно невелики (8 тыс. человек), союзники потеряли 5100 человек, однако король Жозеф едва избежал плена: он выпрыгнул из дверцы своего экипажа, когда британский гусар уже подскакал к двери на другой его стороне. Армия короля лишилась почти всех из 153 орудий, с которыми начинала сражение, был захвачен и весь королевский обоз, включая казну. Это событие помешало активному преследованию противника, поскольку тысячи солдат союзной армии несколько часов были заняты грабежом ценностей, общая сумма которых составила более миллиона фунтов. Едва солдаты почуяли запах добычи, вся дисциплина рухнула. «В некоторых случаях, - вспоминает Шауманн, - особенно если дело касалось фургонов с военной казной, между нашими завязывались схватки насмерть. Офицеры не смели вмешиваться. Проще говоря, свет не знал такого неприкрытого и разбойного грабежа... Солдаты были навьючены добычей». На последовавшей за сражением распродаже Шауманн по дешевке приобрел подсвечники, чайные чашки, слитки серебра, тарелки, столовые приборы.

Хотя союзники провалили организацию преследования, битва при Витории стала решающей в войне, и теперь освобождение Испании оставалось делом времени. Южная и центральная части страны были свободны от французов, а на севере остались только гарнизоны в городах Сан-Себастьян и Памплона. Политический резонанс битвы при Витории был огромен. В Германии Россия и Пруссия заключили перемирие с Наполеоном. Когда вести о победе Веллингтона докатились до Вены, Австрия решила вступить в войну на стороне союзников, и даже вышла с предложением поручить Веллингтону командование объединенными силами в Центральной Европе. Таким образом, Витория оказала решительное воздействие не только на ход войны на Полуострове, но и на Наполеоновские войны в целом.

Продвигаясь к Пиренеям, Веллингтон понимал, что не может вторгнуться в южную Францию, не обеспечив безопасность со стороны пограничных крепостей Сан-Себастьян и Памплона. Он осознавал также, что не сможет положиться на 25 тыс. своих испанских солдат, которые, весьма вероятно, начнут творить на территории Франции грабежи и насилия в отместку за многолетние бесчинства французов на Полуострове. Веллингтон видел, как эффективна партизанская война, и не хотел сам столкнуться с ней со стороны французского населения. Поэтому главнокомандующий оставил почти весь испанский контингент, и строго-настрого предупредил, что любой, кого уличат на территории Франции в мародерстве, будет, вне зависимости от национальности, подвергнут скорому и справедливому суду. Шауманн, по крайней мере однажды, был свидетелем, как генерал Пэкенхем «в сопровождении сильной охраны и провост-маршала... рыскал туда-сюда вдоль колонны «аки лев рыкающий»... Его приказ «повесить того мерзавца немедленно!» исполнялся в мгновение ока. Больше двухсот человек, по преимуществу испанцев и португальцев, были казнены за время этого марша».

Тем временем Сульц, восстановленный в должности верховного командующего французскими войсками в Испании (все еще насчитывающими более 100 тыс. человек), имел возможность или нанести удар через Пиренеи, или же использовать этот горный хребет в качестве мощного — но не совершенно непреодолимого — рубежа для защиты родных границ. Хотя через Пиренеи ведут несколько дюжин небольших перевалов, только три пути позволяют пропустить большие массы людей: прибрежная дорога через Ирун, перевал Майя и перевал Ронсеваль. Все они находятся на испанской стороне гор. Имея только 60 тыс. человек против 80 тыс. армии Сульца, Веллингтон вынужден был защищать фронт шириной 50 миль (80 км). Не желая разделять войска, он выставил впереди завесу, создав мощный резерв, чтобы при необходимости быстро

Битва при Витории, 21 июня 1813 г.

1. 8.00. Корпус Хилла, включающий британские, португальские и испанские дивизии, атакует высоты Пуэбла.
2. 10.00 Грэхем выдвигается с холмов, и через два часа перерезает французам путь отступления по дороге Витория-Байонна.
3. Бригада Легкой дивизии под командованием Кемпта захватывает оставленный практически без охраны мост у Трес-Пуэнтес.
4. 14.00 3-я дивизия Пиктона без приказа начина-

- ет атаку и захватывает мост у Мендосы.
5. 15.00 После атаки с трех сторон союзники захватывают холм и деревню Аринес.
6. 15.00 7-я дивизия Долхауза выдвигается к Сент-Мargarит, но Легкая дивизия опережает ее.
7. 16.00 Тесня французов с трех сторон, союзники продвигаются на восток.
8. 17.00 Французы начинают отступление, которое вскоре превращается в бегство.

отразить атаку французов. Большая часть войск была развернута на северо-востоке, у Сан-Себастьяна, где по всей вероятности Сулыт мог нанести первый удар. План

был рискованным: с небольшими силами Веллингтон замыслил взять две крепости, одновременно прикрывая границу от возможной атаки.

Пока Веллингтон занимался развертыванием войск, Сулыт принял на себя командование единой армией из 80 тыс. штыков, сформированной из четырех вытесненных или изгнанных из Испании: Северной, Южной, Центральной и Португальской. Сулыт был уверен, что фронт союзников растянут, и что они ожидают его атаки у Сан-Себастьяна, поэтому планировал нанести удар с целью захвата перевалов Майя и Ронсеваль в качестве подготовительного этапа к снятию осады с Памплоны. В случае успеха маршал рассчитывал пойти на север, разбить войска, осаждающие Сан-Себастьян, а затем отрезать основные силы Веллингтона от иных формирований союзников, размещенных в северной Испании. В соответствии с этим планом 25 июля 21 тыс. корпус генерала графа Д'Эрлона (1774-1847) внезапно атаковал войска союзников в у перевала Майя. Несмотря на все старания нападающих, оборона держалась крепко, и французам удалось только захватить перевал, но не выйти из него. В тот же день, в 20 милях к югу, 40 тыс. человек под командованием самого Сулыта атаковали перевал Ронсеваль и захватили этот важнейший стратегический пункт. Узнав о событиях при Майя и Ронсевале, Веллингтон поспешил к Сораурену, находящемуся в 5 милях от Памплоны, где 27 июля принял командование от Коула, за которым по пятам следовали французы. На следующий день Сулыт предпринял мощную атаку, но она провалилась, положив тем самым конец надеждам маршала снять осаду с Памплоны и усилить ее гарнизон. Сулыту оставалось теперь предпринять последнюю попытку закрепиться в Испании, и он отрядил три своих дивизии на запад, против Хилла. 30 июля Д'Эрлон отеснил последнего к Лисасо. Но уже в тот же день Веллингтон заставил французов отступить из этого сектора и бежать под защиту Пиренеев. Сулыту не оставалось иного выбора, кроме отступления. Но поскольку войска союзников теперь блокировали проходы Майя и Ронсеваль, французам в поисках пути отступления

пришлось идти на север, к Вера. К концу июля, потеряв 13,5 тыс. человек из 61 тыс. армии, измотанные и деморализованные, французы оказались на родной земле.

Примерно в это же время, 25 июля, союзники предприняли штурм Сан-Себастьяна. Он не удался, но после новой попытки, 31 августа, Грэхем овладел городом, потеряв, правда, 2300 чел. Замок сдался 7 сентября. Как и в Бадахосе, город был разграблен и, возможно ненамеренно, подожжен. 31 августа Сулыт нанес удар через реку Бидассоа, разделяющую Францию и Испанию на западе. Его последняя попытка предотвратить вторжение во Францию провалилась, когда стало ясно, что атаки на Ирун, расположенный на побережье, и Вера, немного дальше от моря, не принесли результата. В сентябре к союзной коалиции присоединилась Австрия, и дела французов в Германии быстро покатились под уклон.

7 октября Веллингтон совершил свой достопамятный переход через Бидассоа, пересек горы и вошел во Францию. В свою очередь, австрийцы, пруссаки и русские нанесли решительное поражение Наполеону в эпической трехдневной битве под Лейпцигом 16-19 октября. Это сражение стоило французам 100 тыс. человек и 100 орудий, и заставило остатки их армии стремительно убраться за Рейн.

Окончательная капитуляция Памплоны состоялась 31 октября, это позволило Веллингтону расширить военные действия во Франции. При этом во избежание возникновения чумы партизанской войны, так насолившей французам в Испании, неослабное внимание уделялось хорошему обращению с гражданским населением страны. На деле, поведение войск союзников было таким образцовым, что местное население оказывало им лучший прием, чем войскам Сулыта. Мародерство каралось расстрелом или повешением на месте, любые реквизиции оплачивались звонкой монетой. Таким образом, не встречая сопротивления со стороны гражданского населения, Веллингтон не испытывал необходимости дробить войска для охраны коммуникаций и мог сосредоточить

все силы на борьбе с Сультом. 10 ноября он выбивает маршала с сильной позиции у реки Нивель, вынудив его отступить к следующей линии, идущей по реке Нив и простирающейся от Камболе-Бэн до Байонны и далее до побережья Бискайского залива. 9 декабря Веллингтон возобновил движение вперед, подойдя к Байонне с намерением взять город. Но и Султ отказывался упускать инициативу, и 10 числа предпринял внезапную атаку против Хоупа на побережье, заставив последнего отступить на несколько миль. Три дня спустя Султ, имея двойное численное превосходство, снова нанес удар, на этот раз по Хиллу, размещенному у Сент-Пьера, к востоку от реки Нив. Хилл находился на грани поражения, когда в последний момент к нему подошли подкрепления, и Султ вынужден был отступить. В то же время Сюше пришлось уйти из Каталонии и пересечь Пиренеи с оставшимися в его распоряжении 15 тыс. человек.

Дела у французов шли плохо. Наполеон и сам понимал, что война на Полуострове

фактически проиграна. В декабре, видя, что противник впервые за 20 лет попирает землю Франции, он с горечью писал: «Меня не интересует Испания, мне все равно, потеряю ли я или удержу эту страну...» Его волновали более серьезные проблемы: на северо-востоке части объединенных армий России, Пруссии, Австрии, Швеции и различных германских государств, отречьихся от Наполеона после битвы при Лейпциге, готовились к переправе через Рейн и полномасштабному вторжению во Францию.

Для Веллингтона этот год заканчивался более чем успешно. Он вновь привел свою армию из Португалии в Испанию, и, прежде чем отбросить противника на север, нанес ему решительное поражение при Витории. В его руках оказались последние крепости в Испании, в серии сражений в Пиренеях был разбит Султ, и Веллингтон, преследуя войска маршала, продвинулся вглубь территории Франции вплоть до Байонны.

Портрет солдата

Рядовой Эдвард Костелло, 95-й стрелковый полк

Эдвард «Нед» Костелло родился в 1788 г. в Ирландии. В 1808 году он, работавший тогда сапожником, поступил в 95-й стрелковый полк. В мае 1809 г. его батальон высадился на полуострове, и на протяжении следующих пяти лет жизнь Эдварда представляла собой череду тягот, приключений, чудесных спасений, ран и кровопролитных сражений. В течение всех этих лет непрерывных сражений и походов, он оставался рядовым, и его записки, опубликованные в 1841 г., представляют собой бесценный источник, позволяющий изнутри взглянуть на жизнь простого солдата армии Веллингтона.

95-й полк был создан совсем недавно, вооружен винтовками Бейкера, а не обычным мушкетом — «Коричневой Бесс», а солдаты носили темно-зеленые мундиры с отделкой из черной кожи. «Меня очень впечатлял их внешний вид и зеленые мундиры», — пишет Костелло. Солдаты 95-го отличались от остальных не только формой (из-за темных мундиров за ними закрепилась кличка «трубочисты»): в их распоряжении было оружие, обладавшее несравненной точностью, и рассыпной строй, известный как «стрелковая цепь», быстро возвели их в ранг элиты в составе и без того привилегированного соединения — Легкой бригады, переименованной позже в Легкую дивизию. Одним из самых знаменитых стрелков был рядовой Том Планкетт. Под Асторгой он, вызвавшись заслужить предложенное генералом Пэйджетом вознаграждение, взялся подстрелить генерала Кольбера — сидя на лошади, тот был очень приметен, но оставался неуязвим для солдат, вооруженных крайне неточными гладкоствольными ружьями. Лежа в снегу на спине, и продев ногу через ремень винтовки, Планкетт выбил французского генерала из седла и добежал до своих, преследуемый дюжиной противников.

Едва Костелло прибыл в полк, Легкая бригада выступила в один из величайших в истории форсированных переходов с целью присоединиться к главным силами Веллингтона у Талаверы, где намечалось большое сражение. «Наши ребята жутко измучились на марше, особенно из-за жары и переутомления. Началась мозговая горячка, страшно опустошавшая наши ряды; многие падали на обочину и умирали». Несмотря на название «легкая пехота», солдаты 95-го несли на себе по 70-80 фунтов провизии и амуниции, плюс винтовка, и все это под палящим июльским солнцем. За 26 часов Легкая бригада прошла 62 мили (100 км), и только для того, чтобы прибыть в Талаверу, когда битва уже закончилась. Но это не умаляет ее подвига.

«Приблизившись... мы увидели раскинувшиеся перед нами холмы Талаверы. Услышав новости, мы издали троекратное «ура»... Вид, тем не менее, был ужасным... Поле боя ... было испещрено следами недавней битвы. Тысячи людей, убитых и умирающих, победителей и побежденных, лежали горами, вперемежку со сбитыми с лафетов стволами орудий и сломанными зарядными ящиками. Порванная сбруя, заляпанные кровью кивера, и прочая вышедшая из строя военная атрибутика дополняли сцену битвы».

После шестинедельной лихорадки Костелло присоединился к своему полку в Барба-дель-Пуэрко в марте 1810 г. Здесь, в непогожую ночь на 19 марта, Костелло и 43 его товарища, стоявшие в пикете в скалах у моста через реку Агеда, были неожиданно атакованы французами, захватившими врасплох часовых. Стрелки укрылись среди камней и методичным огнем отражали попытки атаковать их снизу. Рота Костелло в течение полчаса удерживала

600 французских пехотинцев, пока полковник не прислал к ней на выручку еще три роты. В июле 1810, вскоре после захвата французами Сьюдад-Родриго, они превосходящими силами атаковали Легкую дивизию. В ходе боя Костелло в составе небольшой группы солдат был отрезан от своих кавалерией. «Пока мы яростно дрались с французской пехотой с фронта, одно или два подразделения их гусар... навалились на наш левый фланг. Крик «французская кавалерия нападает» запоздал, и они врубились в наш строй. Захваченные врасплох, мы не могли оказать серьезного сопротивления, и наших топтали и рубили направо и налево». Французский драгун ухватил Костелло за воротник и нацелил саблю ему в грудь, но был убит залпом солдат из 52-го пехотного полка.

«Лошадь моего противника рухнула, и он свалился, таща меня за собой. Животное придавило драгуну ногу. Предпринимая отчаянные усилия спастись, я освободился от его хватки, с силой нанес ему удар прикладом по голове и пустился бежать к нашим ребятам и 52-го».

Но все же Костелло получил пулю в правое колено, а товарищ, выносивший его из боя на спине, был убит, и Костелло ползком добрался через мост до другого берега Коа. Ему посчастливилось уцелеть, и это был лишь один из подобных случаев.

Отступление было, как всегда, ужасным, и Костелло попал в госпиталь в Белеме, близ Лиссабона. Жизнь больных там и в Фигуэйре, по пути туда, ужасала.

«Жара была невероятной, и плохо действовала на наши раны. Врачей не хватало... в ранах заводились черви, и когда снимали бинты, отваливались куски гнилого мяса и клубки червей. Многие умирали, другим же приходилось делать ампутации. Благодаря заботе и вливаниям оливкового масла в рану, мне удалось избежать возникновения червей».

В Белеме уход был лучше, и скоро его выписали, оставив на выздоровлении до октября, когда он присоединился к своей части на линиях у Торриш-Ведраш.

В течение года Костелло довелось участвовать во многих перестрелках и стычках, преследовать французов, видя следы разорения и насилия, которые те оставляют на своем пути, был свидетелем ужасной мести партизан, находя тела их жертв, наблюдал горящие деревни, отмечающие продвижение армии.

Костелло принял участие в битве при Фуэнтес-де-Оньюро в мае 1811 г. и в последовавшем за ней марше вглубь Испании. Для него и его товарищей развлечением между походами и сражениями служили рестлинг и боксерские матчи с участием местного населения, офицеры развлекали себя охотой и танцами с деревенскими девушками, дававшими им уроки испанского танца в обмен на английские и ирландские.

В начале 1812 г. армия осадила приграничную крепость Сьюдад-Родриго, и когда в стенах были проделаны две брешы, Костелло вызвался добровольцем в партию смертников, идущих впереди главных сил на штурм Малой брешы. Вторая штурмовая группа атаковала Большую брешь. Костелло свидетельствует, что «многие из наших с охотой шли на это смертельно опасное дело. Позднее я пришел к выводу, что мне и трем офицерам из моей роты посчастливилось стать избранными. Такие моменты не часто случаются в жизни солдата, и мы решили им воспользоваться». Вокруг свистели ядра и пули, и каждый прикидывал, каковы его шансы остаться в живых. Они пожали друг другу руки. Костелло даже сообщил одному из товарищей адрес своего отца, на случай, если не вернется живым. «Когда темнота опустилась на город, - рассказывает Костелло, - наше воображение стали будоражить жуткие картины предстоящих событий».

«Черный Боб» Кроуфорд, суровый, но любимый солдатами командир, вышел вперед, намереваясь лично вести штурмовую партию. Громким и четким голосом он обратился к войскам:

«Солдаты! Вся страна смотрит на вас. Будьте мужественны, тверды и стойки во время атаки. Этой ночью город должен стать нашим. Овладев стеной, первым делом очистите их предместья, а потом удерживайте взятое».

Костелло вспоминает, как лихорадочно билось его сердце, когда он и его товарищи с волнением ждали сигнала, а их солдаты остальной части дивизии ждали позади, готовые последовать за штурмовой партией. «От вечности нас отделял всего один шаг, - пишет рядовой, - и среди парней царили такая тишина и спокойствие, которых раньше мне не приходилось видеть». Увидев сигнальную ракету, Кроуфорд закричал: «Атеперь в пролом, ребята!» Солдаты ринулись вперед. «Когда мы приблизились к брешу, огонь противника стал косить наших парней. Шрапнель, картечь, ядра, гранаты и настоящий ливень из пуль обрушились на нас». Упал смертельно раненый Кроуфорд, но штурм продолжался. Несмотря на огненный шквал, солдаты полезли вверх по установленным на дне рва лестницам. Французы не могли их сдержать, хотя после взорванной ими мины многие атакующие были убиты или контужены. Сам Костелло едва не погиб в схватке с французским артиллеристом, и вся сцена представляла собой жестокий рукопашный бой. В течение какого-нибудь получаса все было кончено. Крепость оказалась в руках англичан, и Костелло опять удалось выжить, хотя впереди его ждали другие «трудности». Ему предстояло принять участие в еще более ужасном штурме крепости Бадахос в апреле. Он снова вызвался добровольцем. «Никогда

не видел я пары таких неуклюжих людей, - пишет рядовой о своих командирах, - зато ни разу перед жерлами французских орудий не стоял отряд таких отличных солдат». В схватке в проломе Костелло был ранен и «впервые за много лет я стал шептать что-то вроде молитвы». Он слышал, как стих огонь, и сквозь стоны раненых до него долетели победные крики из города. Крепость пала, но сам Костелло был ранен в правую ногу, а его каску в двух местах прошили мушкетные пули.

Но Бадахос не стал его последним боем. Вместе с Легкой дивизией он прошел до Саламанки, отступал от Бургоса, был при Витории, где разбогател на 400 фунтов при грабеже обоза. «Все, кто мог, стремились извлечь собственную выгоду из нашей победы, - вспоминает Костелло, - так что я тоже решил не отставать». Затем последовали бои в Пиренеях, дело при Тарбе, и, в конце концов, сражение при Тулузе.

Костелло довелось также участвовать в кампании 1815 г, где при Катр-Бра он потерял палец, оторванный мушкетной пулей. Несколько лет он провел в оккупационных войсках во Франции. Ему снова пришлось несколько лет воевать в Испании во время Карлистских войн в составе Британского легиона, пока в 1838 г. он не стал надзирателем в тюрьме Тауэр в Лондоне. Костелло скончался в 1869 г, храня в своем теле две мушкетные пули. Одну из них, засевшую в ногу после битвы у реки Коав в 1810, извлекли, согласно завещанию покойного, после его смерти. Можно смело утверждать, что с опубликованием своих записок, «Нед» Костелло принес с собой войну на Полуострове в викторианскую эпоху.

Художественные работы Франсиско Гойи

К началу французской оккупации Франсиско Гойе (1746-1828) исполнилось 62 года, и он уже был крупнейшим испанским живописцем. Главным его шедевром еще предстояло появиться на свет под воздействием событий следующих шести лет. По иронии судьбы, это случилось именно тогда, когда французы, будь то чиновники, генералы или менее высокопоставленные жулики, подвергали страшному разграблению культурное наследие страны, вывозя все: от фрагментов статуй и росписей до национальных шедевров, украденных из соборов, монастырей, частных коллекций, домов и дворцов.

Даже когда весной 1808 г. разразился конфликт между Карлом IV и его сыном Фердинандом, Гойя получил заказ нарисовать портрет принца на коне для Королевской академии Сан-Фернандо. Картина, выставленная в октябре, была написана всего за три сеанса по 45 минут каждый. Гойя не

преклонялся перед королевской фамилией, и многие критики соглашались, что на ранних портретах он карикатуризировал ее представителей, придавая их чертам и позам помпезность, идиотизм или даже жестокость. Портрет кронпринца не стал исключением. Фердинанд был уже низложен, и его место занял Жозеф Бонапарт, хотя в этот момент он и его армия вынуждены были на время покинуть Мадрид.

Во время судьбоносных дней 2 и 3 мая 1808 года Гойя находился в столице, хотя и не ясно, был ли он очевидцем событий, связанных с восстанием и его подавлением. Однако его воспоминания об этих днях дошли до потомков в виде двух необычайно больших написанных маслом полотен, ставших известными всему миру благодаря невероятно живой передаче яростных эмоций на первом и жесткого возмездия на втором. Картина «Второе мая» (*Dos de Mayo*) сделала бессмертным один из величайших моментов в новой истории Испании, когда восставшие жители Мадрида атаковали мамелюков императорской гвардии Наполеона у Пуэрта-дель-Соль. Мамелюки, люди в тюрбанах и с кривыми ятаганами, пробуждали в мадридцах давние, но не утратившие горечь воспоминания о днях владычества мавров.

«Третье мая» показывает эпилог восстания: безликие французы чинят

Франсиско Хосе де Гойя-и-Лусьентес (1746-1828). Портрет сделан в 1815 г. Один из величайших испанских художников, он был очевидцем происходивших событий, и создал многие из своих шедевров во время войны на Полуострове. Большинство его произведений содержали тонкую, а иногда и не очень, иронию или критику в адрес инквизиции или несправедливого государственного устройства. Жизнь его была очень пестрой, включая дуэли на ножах, беспорядочные связи, большое количество внебрачных детей и усиливающуюся болезнь (Музей Прадо/АКГ Берлин)

«Третье мая», 1808 г. (*Tres de Mayo*). Одно из самых знаменитых полотен Гойи изображает французскую карательную команду, расстреливающую на окраине Мадрида заподозренных в участии в произошедшем накануне восстании. Хотя размеры картины (в целях вместить одновременно карателей и казнимых, огромны – 9 футов в высоту и 12 в ширину – Гойя помещает и тех и других на необычайно близком расстоянии, создавая непривычную перспективу. Это в высочайшей степени эмоциональное, мастерски написанное полотно (Музей Прадо).

расправу над предполагаемыми зачинщиками вчерашнего мятежа, в число которых, как это неизбежно случается во время такого хаоса, попало немало ни в чем не повинных людей. Бесподобное умение Гойи пользоваться цветом фокусирует внимание на одетой в белое жертве с раскинутыми руками, выражение лица человека говорит о готовности принять неотвратимую смерть. Другие расстреливаемые сгрудились вокруг него, некоторые уже мертвы, в их числе человек, чья фигура напоминает персонаж из «Второго мая», где он пытается убить лошадь. Один из мужчин на заднем плане в ужасе закрывает руками лицо, другой сжал кулак, грозя врагам возмездием, а на

переднем плане монах сложил ладони, скорее погруженный в последнюю молитву, чем прося о пощаде. Тона размытые, неярые – темно-серый, коричневый, черный, они как бы контрастируют с оранжевым, красным, розовым и коричневым, использованными во «Втором мая».

В конце 1808 г. Гойя стал очевидцем осады французами Сарагосы, находившейся рядом с его родным городом Фуэндетодос. Командующий гарнизоном генерал Палафокс (чей портрет Гойя напишет в 1814 г.) хотел, чтобы художник увидел и изобразил город и героическую борьбу его жителей во время эпической осады. Но эта поездка не воплотилась в полотна немедленно, и художник вернулся в столицу, где в течение остальных лет войны его отношения с французами носили не совсем ясный характер. Когда оккупанты вернулись, Гойя, как и тысячи прочих испанцев, состоявших на государственной службе, присягнул на верность королю Жозефу, и вернулся на занимаемый до войны пост Первого королевского живописца. Он даже принял из рук узурпатора награду – Орден Испании,

который его соотечественники презрительно величали «баклажаном». Гойю нельзя однозначно назвать коллаборационистом, но и стремления участвовать в движении сопротивления он тоже не показывал. Во время оккупации он рисует «Аллегорию города Мадрида», представляя столицу в виде женщины, указывающей на медальон с изображением Жозефа, возносимый фигурами, олицетворяющими славу. После падения Жозефа его портрет был заменен надписью «*Dos de Mayo*» которую можно видеть сейчас. Помимо этого Гойя написал также портреты нескольких французских генералов и «афрансесадос» (испанцев-франкофилов, симпатизировавших французам), включая замечательный портрет каноника Хуана Антонио Льоренте, либерального священника, бывшего секретаря инквизиции, а теперь критикующего этот институт в своих трудах. Льоренте мечтал о социальных реформах, и видел во французском правлении возможность осуществить их. Перу Гойи принадлежит также серия рисунков чернилами, которые так и не воплотились в гравюры. В ней жестокой критике подвергается несправедливости средневековой инквизиции. Другие наброски, тоже оставшиеся на бумаге, изображают множество монахов и монахинь, изгнанных из монастырей французским эдиктом, и предающихся земным радостям, поскольку их больше не связывают суровые обеты. Превосходный портрет генерала Николя Гюйе, написанный в 1810 г., произвел на последнего такое впечатление, что тот решил заказать художнику портрет своего юного племянника. Впрочем, наряду с оккупантами, Гойя писал и освободителей, и когда французы бежали из столицы в 1812 г., а благодарные испанцы восторженно приветствовали Веллингтона, тот, недолго думая, заказал художнику сначала свой портрет верхом на коне, а затем еще два. Ни на одном из них не изображается героическая фигура — скорее мы видим утомленного человека. На верховом портрете генерал облачен в синий испанский кавалерийский плащ, прикрывающий алый мундир английской армии. Голова его

несоразмерно мала, он скачет в одиночестве на фоне унылого ландшафта — какой контраст по отношению к эпической картине Давида «Наполеон пересекает Альпы» (1800 г.). Поясной портрет герцога отмечают за его сходство с оригиналом, но и там не найти того ореола величия, который присутствует на созданном позже портрете сэра Томаса Лоуренса. Хотя на Веллингтоне парадный мундир, украшенный различными регалиями, а также британскими, португальскими и испанскими медалями, ни поза герцога, ни выражение его лица не дают ни намека на чувства, обычные для портретов военных деятелей периода неоклассицизма.

Гойя не ограничивался только высокопоставленными лицами — за время войны он создал ряд семейных портретов и рисунков, изображающих частных лиц. На деле, предметом его интереса во время войны становились самые разные вещи. Многие портреты изображают обычные чувства, доброту и красоту. Он рисует тещу и тестя сына, внука, портреты детей трех знатных мадридских семей, известной актрисы по имени Антония Сарате и привлекательной Франсиски Сабаса Гарсии. Помимо портретов его кисть запечатлевает разнообразные сцены повседневной жизни, такие как «Водоноска», «Точильщик ножей» и «Кузница», где изображен кузнец за работой. Гойя возвращается к довоенной теме, рисуя «мах» — красивых женщин в соблазнительных позах. Контрастом им служат «Старость» и «Селестина и ее дочь» — картины, иллюстрирующие губительное воздействие времени на человеческую красоту.

Но без сомнения, самые известные работы Гойи этого времени посвящены войне. Среди них непонятный и ужасный «Колосс» (1811 г., музей Прадо). Этот обнаженный гигант, символизирующий, вероятно, войну, вздымается над равниной, заполненной толпами охваченных ужасом беглецов, мечущихся по этой сцене всеобщего хаоса. Самые выдающиеся из его произведений военного времени открывают новую страницу в искусстве портрета как такового и являются

антитезой пафосным батальным сценам, принадлежащим таким художникам, как Жак-Луи Давид (1748-1825) или Антуан Гро (1771-1835). Рисунки Гойи рассказывают далеко не о героях и победах. Его серия из 82 офортов, озаглавленная «Бедствия войны» (*Desastres de la Guerra*), и выполненная в оригинале красным мелом, не была опубликована до 1863 г. Она представляет собой откровенную, неприкрашенную историю войны, и выражает взгляд на нее художника. В этой серии можно узреть предтечу современной иконографии войны, так же как и традиции изображения ее средствами искусства. Эти чрезвычайно выразительные гравюры показывают, до какой степени может пасть человек, когда ужасы войны пробуждают в нем самые варварские инстинкты. Но они не только запечатлевают самые кошмарные сцены войны на Полуострове, являя свету также различные примеры несправедливости и лицемерия, творимые испанскими властями, как светскими, так и духовными. Но все же жестокость войны — это доминирующая тема. Некоторые рисунки содержат аллегорический подтекст — иногда скрытый, иногда явно выраженный, — привлекая внимание зрителя к порочности самой войны и ее влияния на общество, религию и человека. Таковы символические изображения животных: волков, свиней, орлов, ослов и прочих, каждое обозначает что-то: зло, глупость, невежество и т.д. Большинство же гравюр недвусмысленно изображают самые отвратительные стороны

военного конфликта: насилие, убийство, грабеж, пытки, голод. Персонажи в «Бедствиях», будь то жертва или мучитель, иногда теряют человеческое обличье, человеческая сущность иных, напротив, носит подчеркнутый характер. Кисть Гойи того периода рисует настоящий ад на земле — ад, порожденный войной и сопутствующими ей бедствиями.

Существует предание: слуга спросил Гойю, зачем он изобразил такие ужасные картины бесчеловечного обращения людей друг с другом, на что художник ответил: «Для того чтобы люди поняли раз и навсегда — нельзя быть варварами». «Бедствия» оставались неопубликованными в течение 35 лет после смерти Гойи: их не могли счесть ни за что иное, как пропаганду, и публикация явно была бы запрещена французскими властями. С другой стороны, даже после реставрации Фердинанда Гойя не рискнул обнародовать свои творения, не сомневаясь, что это вызовет неудовольствие монарха, который поначалу сговаривался с Наполеоном против своего отца, а потом отрекся от престола в пользу брата Бонапарта, и тем самым нес значительную долю ответственности за оккупацию. Фердинанд не внес личного вклада в борьбу за независимость, пусть даже ее участники связывали свои надежды с его возвращением на престол.

«Бедствия войны» можно разделить по трем главным темам. Первая показывает реакцию испанских крестьян на вторжение. Груды тел; селяне, сражающиеся чем попало с захватчиками; казни и убийства — всему здесь находится место. Вторая тема посвящена городской жизни с ее нищетой и истощением, явно навеяна ужасным голодом, разразившемся в Мадриде в 1811-1812 гг.

Бесчинства французов. Гравюра из «Бедствий войны» Гойи показывает, как французские солдаты насилуют испанских женщин. Безликие фигуры скрываются в тени, а на полу плачет младенец. Насилие было чрезвычайно распространенным явлением на этой ужасной войне. (Музей Искусств, Бостон)

Третья тема носит более политическую окраску, отображая, как после завершения войны и восстановления на престоле Фердинанда VII, чье правление продлится до 1833 г., начинается новый виток национальной трагедии. На первом офорте серии изображен стоящий на коленях человек, распростерший руки и поднявший взор к небу, словно ища там причину бедствий, обрушившихся на него. «Дурные предчувствия о наступающем» гласит подпись к гравюре. Гойя не ретуширует сцены ужаса, напротив, подчеркивает их, будь то расчлененные тела, умирающие от голода люди или распутство французских солдат. Он описывает все, что можно предъявить в качестве обвинения человеку за бесчеловечное обращение с подобными себе.

Свидетельства об этих жестокостях подкрепляются и письменными источниками — испанскими, французскими, английскими. Симмонс из 95-го стрелкового полка, описывает в 1811 г. разоренный португальский город:

«... дома были разграблены и полуразрушены, а немногие оставшиеся в живых жители напоминали ходячие скелеты: все улицы были завалены обломками мебели, обугленными и раскученными, по некоторым улицам невозможно было пройти из-за куч мусора, подчас встречались гниющие тела людей, мулов или ослов, наполняющие воздух тошнотворным ароматом... В доме, в который мы вошли, находились две молодые девушки, подвергшиеся такому грубому насилию, что не в силах были подняться с соломенного матраца. По ходу марша, сравнивая свои впечатления с рассказами других офицеров, я обнаружил, что у каждого из них имелась подобная печальная история о зверствах диких французских вандалов, которую им довелось наблюдать собственными глазами... Несчастные мирные жители, оставшиеся в своих деревнях, напоминали покойников, которых выкопали из могилы и снова вдохнули жизнь».

Зверства. Одна из картин, свидетелем которой был Гойя, создавший серию «Бедствия войны». Далекий от стремления романтизировать войну, как большинство его предшественников и современников, Гойя запечатлел самые ужасные, варварские стороны франко-испанского конфликта. Здесь изображены части тел, свисающие с дерева — далеко не редкое зрелище, что подтверждают многочисленные свидетельства очевидцев. (Музей искусств, Бостон)

На некоторых гравюрах мы видим беженцев, сгрудившихся в кучу, изнуренных, подавленных, вынужденных просить подаяния. На другом офорте изображены расчлененные тела, развешанные на ветвях деревьев. И опять, такая сцена находит подтверждение в другом источнике, на этот раз у самого Веллингтона. «Мне приходилось видеть много тел, развешанных на деревьях вдоль дороги, — пишет он, — за что их казнили, я не мог понять, разве за то, что они не приветствовали вторжение французов... путь отступающих войск противника был виден по дыму, поднимавшему от подожженных селений».

Вот такие сцены вдохновляли Гойю в «Бедствиях войны». На двадцать девятом офорте, озаглавленном «Они не хотят», французский солдат обхватил заталию испанку, вцепившуюся ему в лицо, тем временем пожилая женщина, вероятно, мать, стоит за

спиной у солдата с занесенным кинжалом. Еще одна гравюра представляет картину распростертых в гротескных позах трупов мирных жителей, в то время как видящие это закрывают лица в ужасе. Другая показывает монахов, изгнанных монастырей, находим мы и изображение волка, сидящего среди группы изможденных, отчаявшихся крестьян, и заносащего на пергамент страдания и тяготы войны. «Бедное человечество, это твоя вина», – гласит заголовок.

В целом офорты, составляющие «Бедствия войны», показывают, насколько потрясен был Гойя воздействием войны на дух нации, толкающей к ожесточению людей против захватчиков, непрерывному кровопролитию и разрушению, и тем, как мало становится тех, кто находится в стороне от конфликта. В то же время, Гойя не ограничивается одними зверствами и мучениями – некоторые из офортов подвергают открытой критике отказ от идей

либеральных реформ, проводимых Кортесами во время войны. В гравюре «Правда умерла» художник изображает фигуры, знаменующие возрождение в Испании репрессивных институтов: они стоят над телом Правды, представленной в облике молодой женщины. От нее исходит свет, в то время как ведущий похороны священник источает тьму и отвращение. Перед телом склонило колени Правосудие: в приступе горя оно прячет лицо в ладонях. Такие политические мотивы выдают глубокую печаль из-за не оправдавшихся надежд на либерализацию. Простые испанцы, воевавшие за Фердинанда, видевшие в нем своего рода штандарт, утратили свое рвение, когда в стране был во всей красе возрожден Старый Порядок. Едва Фердинанд вернулся, конституция 1812 г. была аннулирована, а лидеры Кортесов отправлены в изгнание. Такой монетой расплатились с испанским народом за шесть лет тяжких страданий, и Гойя не обошел этот факт стороной.

Джордж Каннинг, министр иностранных дел

Великобритании, 1807-1809

«Надеюсь, - заявил Джордж Каннинг (1770-1827) в одной из речей на закате своей долгой политической карьеры, - что я выказывал самое дружественное расположение ко всем народам на земле, как должно тому, кто высоко ценит филантропию, но обязан признаться, что в вопросах политики главным моим стремлением было соблюдение интересов Англии». Это прослеживалось в течение всей его деятельности в области дипломатии, и когда в марте 1807 г. он стал министром иностранных дел в правительстве герцога Портлендского, принципиальной задачей Каннинга оказалось поддержание уже существующих альянсов и формирование новых.

Каннинг принял дела в момент, когда положение Британии было самым сложным за четыре года с момента начала Наполеоновских войн. Первоочередная цель — сохранение англо-русского союза, - оказалась недостижимой, поскольку Наполеон, жестоко потрепавший царскую армию при Эйлау в феврале, в июне нанес ей поражение при Фридланде, и после заключения Тильзитского мира Россия вышла из войны, оставив Англию без союзников, если не брать в расчет слабосильных Португалию и Швецию.

Секретный раздел договора предусматривал, что если Дания откажется закрыть свои порты в соответствии с Континентальной системой, Россия поддержит Францию в войне против датчан. Когда через шпионскую сеть сведения о намерениях французов дошли до Каннинга, тот убедил кабинет направить к берегам Дании эскадру, с требованием капитуляции датского флота, и тем самым расстроить план Наполеона. Как нейтральное государство, Дания вполне резонно отвергла ультиматум Британии. В сентябре Копенгаген был

подвергнут жестокой бомбардировке и захвачен, датский флот уведен. Законность подобной операции вызывала вопросы, но Каннинг понимал, что сосредоточив в своих руках датский, а затем и португальский флот, Наполеон сможет вновь угрожать Англии вторжением. Даже спустя два года после решительной победы при Трафальгаре обеспечение безопасности страны от высадки было главной заботой политических воротил Лондона. В следующем месяце Каннингу удалось организовать переход под контроль Британии португальского флота. Как рассказывалось выше, сэр Сидней Смит появился у Лиссабона в конце октября, принял на борт португальскую королевскую фамилию и препроводил ее и португальские корабли в Бразилию. Жюно тем временем приближался к незащищенной столице. Так, на протяжении нескольких месяцев, Наполеон потерпел неудачу в расчете завладеть кораблями, которые были ему так необходимы, если он действительно планировал напасть на Англию. И в значительной степени это произошло благодаря дальновидности и твердости Каннинга.

Решив оборонительные задачи, можно было переходить к более активным действиям. Британии нужен был плацдарм на континенте — место, где ее ограниченная сухопутная армия могла начать полноценную военную кампанию. Такой возможности не предоставлялось до тех пор, пока в Испании не вспыхнуло восстание. 8 июня 1808 г. в Лондон прибыли эмиссары из Астурии с намерением попросить помощи у Англии. И в силу должностных обязанностей министра иностранных дел принял их именно Каннинг. Когда следом за астурийцами с просьбой помочь деньгами и оружием приехали представители Галисии и Андалусии,

Джордж Каннинг. Без устали работая над созданием прочных англо-испанских отношений, он сталкивался с серьезными препятствиями. «Сейчас, - пишет он в августе 1809 года, - испанцы думают, что могут положиться на нас, и что мы обязаны им, так что в обмен на каждую удовлетворенную их просьбу следует новая, и стоит нам заколебаться в какой-то мелочи, они тут же обвиняют нас в несправедливости и нарушении договоренностей. Тон их очень агрессивен, и начинает раздражать меня». (Роже-Виоле)

Каннинг увидел прекрасную возможность нанести по Франции новый удар, на этот раз с помощью рвущихся в бой патриотов Испании. На взгляд Каннинга народная война сулила хорошие перспективы. С 1795 г. Британии не раз с горечью приходилось наблюдать, как ее коронованные союзники, в

нарушение неформальной недоговоренности не заключать сепаратный мир, выходят из борьбы. Каннинг был свидетелем, как раз за разом провалом заканчивались попытки поддержать малые европейские державы, такие как Ганновер, Дания, Швеция, Португалия, Неаполь. Природа войны на Полуострове, напротив, носила совсем другой, беспрецедентный характер. Народное восстание, участники которого были готовы биться за свою страну, а не за короля, обещало намного больше шансов на успех в затяжной борьбе с гегемонией Наполеона.

15 июня Ричард Шеридан, друг Каннинга и его коллега по парламенту, вынес вопрос об оказании помощи на обсуждение Палаты Общин. «В прошлом, - заявил он, - Бонапарту приходилось иметь дело с королями без чести и министрами без мозгов. Он сражался против стран, народу которых было все равно, победят они или проиграют. Теперь ему предстоит узнать, что значит воевать с народом, сплоченным идеей сопротивления».

Сам Каннинг убеждал правительство оказать повстанцам всю возможную поддержку, несмотря на факт, что формально Британия и Испания пока находятся в состоянии войны друг с другом. «Мы будем исходить из принципа, - провозгласил он в одной из своих самых выдающихся за парламентскую карьеру речей, - что любая европейская нация, решившаяся открыто противостоять силе, которая в любом случае: заявляет ли она лукаво о мире или открыто ведет войну, - является врагом всех народов, - автоматически становится естественным союзником Великобритании, какие были политические отношения с ней не существовали на данный момент». Иными словами, война с Испанией должна была немедленно прекратиться, и, что еще важнее, Британия изъявляла готовность оказывать помощь любой стране, решившейся противостоять агрессии Наполеона. Каннинг вскоре подкрепил слова делом: был подписан мирный договор между Англией и Испанией, а в хунты были направлены дипломатические

представители. 5 августа он снова предпринял практические шаги, обратившись к лорду Кастльро (1769-1822), исполнявшему обязанности военного министра, с просьбой помочь астурийской и галисийской делегациям. Им было направлено несколько запросов на выделение оружия в адрес лорда Чатэма, руководившего Оружейной палатой, и в ноябре повстанцам было выделено 160 тыс. мушкетов, еще 30-40 тыс. были посланы в следующем месяце.

Денежные суммы, запрашивавшиеся испанцами, были значительными, их начальная цифра превышала возможности британского правительства, но уже через месяц после приезда делегации, галисийская хунта получила через прибывшего в Корунью дипломата 200 тысяч фунтов и испанских долларах. К концу лета остальные пять хунт получили более миллиона фунтов серебром, еще больше было выделено Верховной хунте после ее образования.

Каннинг понимал, что вклад его нации не должен ограничиваться только деньгами и снаряжением: Британии нужно было направить туда армию. Обстоятельства были более благоприятными, чем когда-либо: после нейтрализации датского и португальского флотов исчезла необходимость концентрировать войска для обороны острова. Поэтому Каннинг настойчиво проводил мысль направить часть из них для службы за границей. Как мы видели, в июне Уэлсли направился на полуостров с экспедиционным корпусом, ранее, по иронии судьбы, предназначавшимся для операций против испанских колоний в Америке. Первые результаты уже рассматривались выше: в августе Уэлсли высадился в Португалии и вскоре разбил Жюно при Вимьере. Если бы не командующие, генералы Беррард и Дальримпл, сначала остановившие движение Уэлсли, а затем заключившие бесславную конвенцию в Синтре, позволившую французам эвакуировать армию Жюно во Францию на английских кораблях, сэр Артур мог совершенно уничтожить противника. Официальному рапорту потребовалось

11 дней, чтобы добраться до Лондона, и 16-го числа условия договора в Синтре появились в газетах. Реакцию легко было предвидеть. Общественность, переживающая пик энтузиазма по отношению к войне на Полуострове, всколыхнулась, когда стало известно, что непобедимые дотоле французы сначала были разбиты в сражении, а затем им позволили беспрепятственно уйти вместе с оружием и добычей.

Каннинг был вне себя, в письме Чатэму он охарактеризовал конвенцию как «в высочайшей степени позорную и гибельную». В разговоре с лордом Бэтхерстом он выразился следующим образом: она «так явно и кричаще несправедлива, что я не удивлюсь, если португальцы восстанут против нее». Позволить французам унести с собой награбленное у союзника Британии имущество означало почти скандал, это событие послужит «клеймом для будущих командующих, угрозой для союзников и поощрением для врагов». Вопреки настояниям Каннинга, кабинет вынужден был признать конвенцию, но министр иностранных дел добился отзыва Дальримпла, Беррарда и Уэлсли, причем первым двум пути возвращения на службу оказались отрезаны.

Как будто не достаточно было Синтры, британское оружие постиг еще удар — отступление Мура к Корунье. Это тоже взбесило Каннинга, проклинавшего генерала за «бегство», а испанцев за не предоставленную вовремя помощь в снабжении армии и обеспечении ее разведанными о передвижениях французов. Еще до того, как Мур принял решение отступать на северо-запад Испании, а не в Португалию, Каннинг стал заверять испанские власти, что происходящее не нужно трактовать как обычную для Британии политику самоустранения. «Армия обязательно вернется, - пишет он 9 декабря британскому представителю при Верховной хунте, - но прежде, чем она сделает это, необходимо потребовать у испанских чиновников доставки необходимого продовольствия и обеспечения разведывательными данными». «Ее не разделят

между испанскими армиями, она останется под командой английских офицеров, чтобы гарантировать исполнение ею приказаний, получаемых от лондонского правительства». «Британская армия, - продолжал Каннинг, - не станет уклоняться от трудностей или избегать опасности, если ее командующий будет видеть за этими трудностями и опасностями четко определенную цель». Он пенял испанцам на недостаток снабжения, на что жаловался Мур в своих донесениях. Короче говоря, в будущем армия не должна быть брошена «в сердце Испании без возможности им [Муру и Бэрду] получать информацию кроме как из досужих слухов, не в силах повлиять на ситуацию». Прежде, чем Мур вернется на поддержку

Сэра Джона Мура выносят с поля боя под Коруньей. Смертельно раненый осколком ядра в левое плечо, той же ночью он умирает, оплаканный армией, испытывавшей к нему уважение, граничащее с обожанием. Сэр Джордж Нэпьер выразил общее мнение, когда охарактеризовал погибшего генерала как «... образцовый, достойный всеобщего подражания тип дисциплинированного солдата, решительного и знающего генерала, настоящего, негибаемого патриота...» (Художественная библиотека Энн Роунен).

союзников, испанцы должны с предельной ясностью изложить свою стратегию.

В течение последних дней декабря Каннинг в частных беседах в самых нелестных выражениях отзывался о проваленной Муром кампании, однако коллеги по кабинету не

разделяли его мнения. С приходом новостей об удачной эвакуации армии и гибели сэра Джона в бою, члены правительства Портленда решили открыто одобрить действия популярного генерала, спасшего армию от гибели ценой собственной жизни.

Время, когда правительству предстояло держать отчет за свои действия перед парламентом, близилось, и в конце 1809 года оппозиция не преминула внести запрос о «причинах и обстоятельствах последней кампании в Испании». Безусловно, правительство подвергалось критике как за Синтру, так и за Корунью. Внутренне кипящий, но лояльный к Портленду, Каннинг держал ответ в речи, которую один из его коллег в разговоре с королем назвал «самым красноречивым и убедительным выступлением из всех, мною слышанных».

Мур, заявлял Каннинг, сыграл важную роль в срыве заявленных Наполеоном намерений раз и навсегда сокрушить испанское сопротивление в открытом сражении. Напротив, в своем продвижении вплоть до Сахагуна, заявлял министр, генерал проявил себя не только как военный, но и как политик. Каннинг настойчиво проводил мысль, что при ином раскладе испанцы не стали бы продолжать сопротивление, и, следуя великой английской традиции представлять поражение как победу, уверял, что хотя армия Мура и была вытеснена из Испании, его триумф в битве при Корунье «увенчал наше чело свежими лаврами». Он клеймил тех, кто поддался пораженческим настроениям и советовал вывести войска с Полуострова (английская армия все еще находилась в Португалии), и уверял, что в конечном итоге Наполеона можно победить. Завершая речь, Каннинг признал, что удача вновь повернулась лицом к Бонапарту во время последних событий, «но это лишь удача, а не судьба, и потому ее нельзя считать неизменной и постоянной».

Противоречие между личным мнением Каннинга о поведении Мура и его публичными высказываниями на этот счет было разительным. Ситуация еще более

осложнилась, когда на южном побережье Англии высадились жалкие остатки войск, являясь живым доказательством того, что испанцы бросили их на растерзание. Поползли разговоры — не всегда справедливые — о трусости испанцев на поле боя, и о нежелании оказывать помощь британским войскам, оказавшимся перед лицом превосходящих французских сил. Вдобавок рассказывали о неспособности испанцев обеспечить измученных солдат Мура продовольствием и кровом. Вооруженные этими фактами, многие представители оппозиционных скамей в парламенте стали заявлять о провале третьей попытки остановить французов на Полуострове. Каннинг возражал, и хотя внутренне проклинал неспособность испанских генералов и Верховной хунты, и в публичных, и в частных высказываниях продолжал настаивать, что Британия обязана всеми практическими средствами поддержать освободительное движение испанского народа. Правительство выиграло дебаты, общественные страхи утихли, и Англия продолжила ведение войны на Полуострове.

В своем стремлении поддержать Испанию как важного союзника, Каннингу приходилось преодолевать препятствия не только в стенах парламента. Запросы испанцев и португальцев прислать деньги и оружие были беспредельны. В беседе с друзьями в июле 1809 г. министр сетовал, что в ходе войны с Францией «мы снабжаем оружием целый континент: Россию, Пруссию, Швецию, Португалию, Сицилию, Испанию, а наши вооруженные силы насчитывают едва шестую часть от положенного числа...» Когда в сентябре правительство Портленда ушло в отставку, и Каннинг не успел провести подписание договора о союзе между Испанией и Англией, который определил бы взаимную ответственность сторон. Но, благодаря продолжающейся войне с Францией, два некогда извечных врага продолжали двигаться одним, хотя иногда извилистым, курсом, и документальное оформление союза не заставило себя долго ждать.

Недолгое пребывание Каннинга на посту министра иностранных дел в правительстве Портленда принесло — по крайней мере, в части войны на Полуострове, — ощутимые плоды. С его помощью отношения между Испанией и Англией поменялись с враждебных на дружеские, а столь нужными для ведения войны вещами — войсками, оружием и деньгами, — испанцы тоже были обеспечены благодаря активной поддержке Каннинга.

Хотя Каннинг покинул пост задолго до окончания войны на Полуострове, его воздействие на испанские дела, как и на зарубежную политику в целом, не закончилось. С 1822 года он надолго

вернулся в Форин Офис, где его внимание оказалось приковано к таким важнейшим международным делам того времени, как урегулирование испанского политического кризиса и проблема вмешательства в него Франции; будущее Континентальной системы и роль в ней Великобритании; борьба за независимость Греции и ее дипломатическое признание; установление торговых связей с новообразованными независимыми государствами Латинской Америки. Исключительно умелое разрешение этих и иных сложных проблем по праву позволяет признать Каннинга одним из самых выдающихся министров иностранных дел Британии.

Эпилог войны: кампания 1814 г.

К началу кампании у Веллингтона было 63 тыс. человек, не считая находившихся в его распоряжении испанских войск. С этими силами он планировал разделить французов, оттеснив Сульта от Байонны. Этого можно было достичь обходом флангов неприятеля — эту стратегию Веллингтон успешно применял в предыдущем году. После того, как Наполеон забрал у Сульта 10 тыс. штыков и 35 орудий, последний имел под своим началом 54,5 тыс. человек. Эти силы разделялись на две примерно равные группы: первая защищала Байонну по линии реки Адур; вторая располагалась на Жуаезе, в десяти милях к востоку от Нива, перешедшего под контроль союзников в декабре.

Получив приказ форсировать Адур при первой возможности, Хоуп со своими 31 тыс. штыков начал осаду Байонны. Пока Веллингтон с четырьмя дивизиями оставался в резерве на Ниве, Хилл двинулся на восток с 13 тыс. человек, 14 февраля пересек Жуаез и три дня спустя подошел к Сен-Жан-Пье-де-Пору. Султ отреагировал перемещением из под Байонны двух дивизий, оставив для защиты города только 17 тыс. солдат. Именно на это и рассчитывал Веллингтон. 23-го Хоуп на лодках форсировал Адур к западу от Байонны, и сделал ложемент на противоположном берегу. Затем, выстроив мост, он к 26-му перевел на другую сторону 15 тыс. человек, таким образом окружив город и отрезав его от остальных сил Сульта.

Генерал-лейтенант сэр Роулэнд Хилл, первый виконт Хилл (1772-1842). Будучи, возможно, лучшим среди подчиненных Веллингтона, Хилл хорошо проявил себя в качестве самостоятельного командира, одержав победу при Арройо-дос-Молинос в 1811 г, но также отличился и в других сражениях, где ему приходилось участвовать, в особенности при Витории, Нивеле и Ниве. Его скрупулезное внимание к своим солдатам и забота об их нуждах снискали ему прозвище «Папаша» Хилл. (Гравюра 1815 г, Художественная библиотека Энн Роунэн.

Под натиском Хилла французы отступили к Ортезу. Теперь им противостоял Веллингтон с 31 тыс. штыков. У Ортеза Султ со своими 36 тыс. человек при 48 орудиях расположился на высоте к западу от города, заняв тем самым крепкую оборонительную позицию. Первая атака Веллингтона, предпринятая 27 февраля, не удалась, зато вторая, поддержанная ударом Хилла с востока, закончилась успехом, и Султ отступил, поскольку его войска могли быть заперты в городе. Через две недели, 12 марта, город Бордо провозгласил свою приверженность Бурбонам и открыл ворота перед Бересфордом. Султ тем временем

продолжал отступать. 20 марта его арьергард доблестно сразился с союзниками при Тарбе. Через четыре дня маршал вошел в Тулузу, где к нему мог присоединиться Сюше, в случае прорыва последнего на север.

Десять дней спустя, 30 марта, союзные армии на севере вошли в Париж, а 6 апреля Наполеон безоговорочно отрекся от престола. Но этим новостям нужно было время, чтобы достичь Сульта и Веллингтона, последний тем временем стремился любой ценой предотвратить объединение войск Сульта и Сюше. Поэтому 10 апреля он нанес удар первым, атаковав Тулузу. Сульта с 42 тыс. армией расположился на возвышенности к востоку от города, прикрыв свои позиции руслом Гаронны с запада и рекой Эр с востока.

Бересфорд с двумя дивизиями направился к южным отрогам гряды, тем

Генерал-майор Уильям Бересфорд, виконт Бересфорд (1768-1854). Под командованием Уэлсли и Мура он руководил дивизией, пока в 1809 году не стал маршалом португальской армии, находившейся тогда в жалком состоянии. Бересфорд выказал недюжинное умение в вопросах реорганизации и переподготовки португальцев, изучил их язык, и благодаря его реформам и внедрению в части английских офицеров сумел создать мощную силу, сыгравшую важную роль в достижении победы. (Художественная библиотека Энн Роунэн)

временем на севере и западе предпринимались отвлекающие атаки. После ожесточенной двенадцатичасовой битвы, в которой испанцы, сначала отбитые, предприняли затем успешную атаку, французы отошли, а на следующий день покинули город. 12 апреля Веллингтона ждала делегация, встречавшая победителя лаврами и приветственными криками, а оркестр играл «Боже, храни короля». Тем же вечером Веллингтон узнал об отречении Наполеона. Сульта счел эту новость провокацией и отказался капитулировать, но согласился на предложение Веллингтона заключить перемирие.

СПРАВА:

1. 5.00. Хилл устраивает демонстрацию на западном берегу Гаронны в направлении предместья Сан-Сиприан.

2. 5.00 Пиктон, которому было приказано произвести ложную атаку, нарушает приказ и идет на штурм. Отражен с большими потерями.

3. Бересфорд с двумя дивизиями движется между грядой Кальвине и рекой Эр, готовясь к главной атаке против южных отрогов гряды. Продвижение серьезно замедлилось из-за грязи и заболоченности берегов Эра.

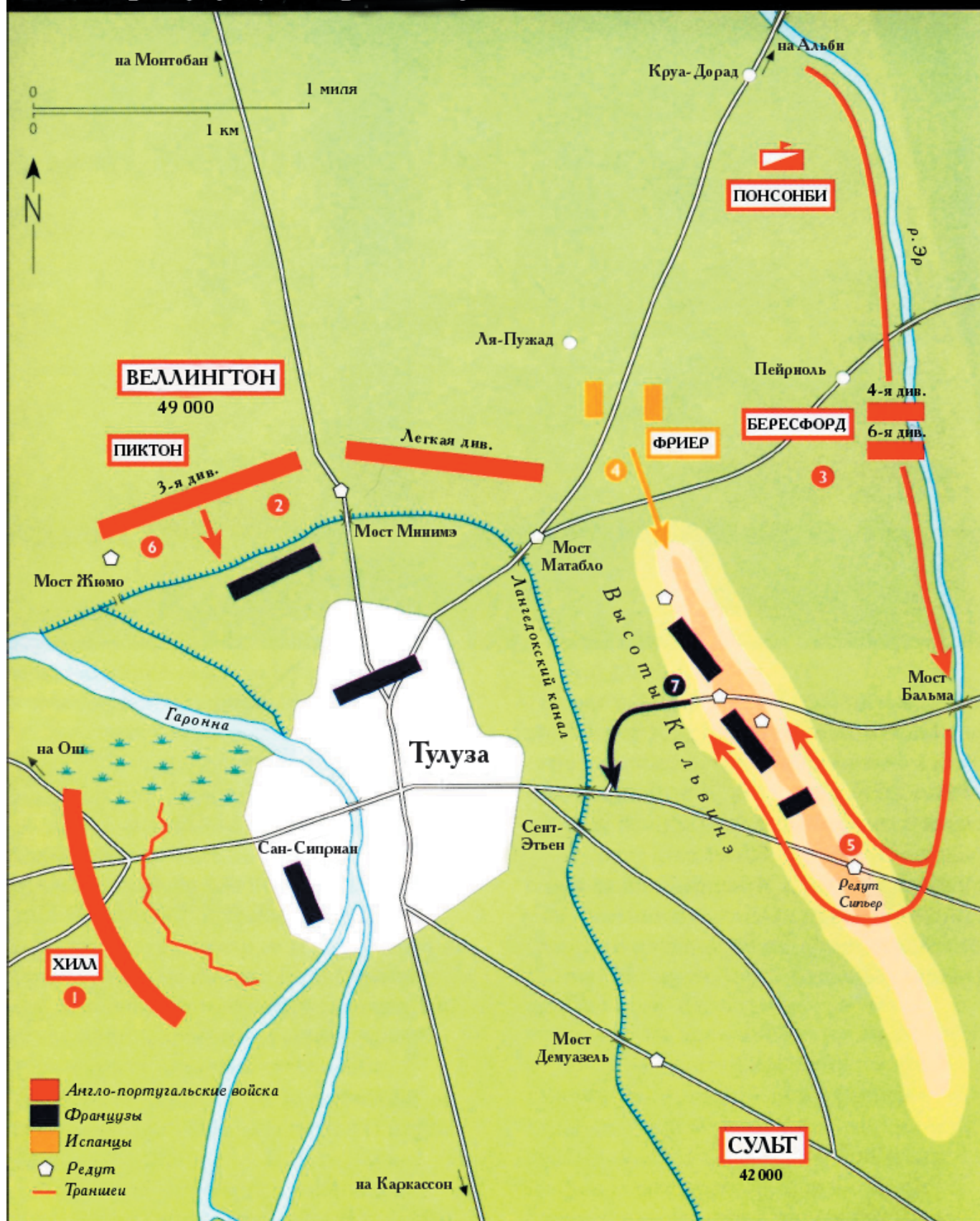
4. Фрейр, ошибочно думая, что Бересфорд уже занял намеченные позиции, согласно плану атакует северную часть гребня Кальвине с двумя испанскими дивизиями. Атака отражена.

5. Бересфорд атакует редут Сипьер. Контратака двух французских бригад отбита. Вопреки сильному сопротивлению, Бересфорд возобновляет нападение.

6. 14.00. С поддержкой испанцев Пиктон вновь переходит в атаку, но успех незначителен. Новая атака Бересфорда. В ходе ожесточенной рукопашной схватки редут пять раз переходит из рук в руки.

7. 17.00. Французы отступают с хребта Кальвине в город.

Битва при Тулузе, 10 апреля 1814 г.

Вести о падении Наполеона не достигли и Байонны, осажденной войсками сэра Джона Хоупа. В ночь на 14 апреля генерал Фувено предпринял отчаянную вылазку из города, рассчитывая прорвать кольцо окружения.

Это ему не удалось, потери каждой из сторон составили 800 человек. 17 апреля Сульт получил подтверждение истинности сообщений об отречении императора, и сложил оружие. Байонна последовала его

Битва при Тулузе, 10 апреля 1814 г. Последнее крупное сражение войны на Полуострове состоялось через четыре дня после отречения Наполеона, о чем обе стороны не знали. Выбитый из большей части внешних укреплений, Султ отошел за городские стены, но убедился, что расположенная на командующих высотах артиллерия союзников делает оборону безнадежной. Поэтому вечером 11 апреля французы отступили на юг. (Гравюра А. Дюпре. Филипп Хейторнуэйт)

примеру 26 числа. Спустя шесть лет война, значение которой выходило далеко за пределы конкретного театра, закончилась. Сразу после войны Веллингтон был назначен на должность британского посла во Франции. Его армия перестала существовать: часть полков вернулась домой, часть была расформирована,

некоторые направлены в Бордо для участия в войне против Соединенных Штатов, с которыми Англия воевала с июня 1812 г.

Насколько ни важна роль войны на Полуострове в поражении Франции, следует признать, что победа в ней не являлась результатом решительной битвы в стиле Аустерлица, Иены или Фридланда. Наоборот, когда армии союзников уже вошли в Париж и вынудили Наполеона отречься, на юге Франции сопротивление, пусть и безнадежное, продолжалось. Так что, хотя кампания Веллингтона в 1814 году и не привела к прямому поражению Франции, она сыграла важную роль, сковывая на юге войска Сульта.

Потери, уроки и наследие

Потрясения в Испании и Португалии

Нанесенный войной материальный ущерб был огромен, особенно в Испании, пережившей за годы оккупации масштабные реквизиции, грабежи и погромы, не говоря уж о военных разрушениях. После войны Испания вступила в эпоху тирании и политической нестабильности. Это нельзя объяснить обострением политического противостояния или ростом консервативных настроений в ответ на либерализм бонапартистского режима в Мадриде, скорее это была реакция на внутреннюю политику, проводимую временным правительством в годы войны. Пока местные хунты и церковь рьяно сражались с «северными еретиками», Кортесы, большую часть войны проводившие в осажденном Кадисе, действовали, руководствуясь весьма либеральными принципами. В 1812 году этот орган принял конституцию, частично гарантирующую право на политическую свободу и свободу вероисповедания — случай беспрецедентный для Испании. Формируя в начале 1814 г. регентский совет накануне возвращения в страну Фердинанда VII, Кортесы были охвачены радостными предчувствиями. Они покоились на убеждении, что король принял конституцию, а значит, станет руководствоваться ее положениями в своей деятельности.

Надеждам суждено было вскоре развеяться: хотя король и согласился с конституцией во время пребывания в плену, зато вернувшись 24 марта 1814 года на престол он тут же начал репрессии против либералов. 22 апреля 69 депутатов Кортесов заклеили либералов и конституцию 1812 года в документе, известном под названием «Манифест персов». Вслед этим 4 мая

Фердинанд отменил конституцию. Шесть дней спустя лидеры либералов в Мадриде были арестованы. Политическая инертность и репрессивные методы Фердинанда вызвали такое недовольство, что в сентябре в Памплоне один из бывших партизанских лидеров — Франсиско Эспос-и-Мина — произвел попытку государственного переворота. В заговор оказались вовлечены армейские офицеры, обиженные тем, что король приблизил к себе знать, не принимавшую участия в войне, и младшие чины, разъяренные задержкой жалования и распространяющимися слухами об их предстоящей отправке в Америку на подавление восстания в колониях. Переворот не удался, но за ним последовали другие: в сентябре 1815 г. в Корунье и в апреле 1817 г. в Каталонии. Он тоже были подавлены.

В июле 1819 года майор Рафаэль Риго организовал неудачный заговор среди военных в Кадисе, но в начале следующего года, когда майор провозгласил поддержку конституции 1812 г, в стране начался армейский переворот, вынудив Фердинанда подписать конституцию и назначить 7 марта 1820 года новое правительство. Новые Кортесы собрались в Мадриде и в июле, и в конце августа Риго вступил столицу, где его встречали как народного героя. Но это не означало конца периода политической нестабильности: последовали чехарда министров и ряд военных восстаний, пока Франция — теперь уже, разумеется, Бурбонская, — не ввела в апреле 1823 г. армию на территорию Испании с целью восстановления порядка и возвращения в руки Фердинанда контроля над беспокойной страной. Это вызвало еще ряд восстаний и так называемые Карлистские войны. Таким образом, окончание французской оккупации и жестокой войны стали лишь прелюдией к двум десятилетиям дальнейшей разрухи и кровопролития. И все же, поколение, выросшее после французского

вторжения, стало свидетелем постепенного разрушения политической структуры Старого режима и уничтожения ряда привилегий древней аристократии. Церковь лишилась большей части земель, возник новый класс землевладельцев. Испания не стала демократической страной, но после 1834 г. приняла некоторые принципы политического либерализма.

Война стала также переломной в судьбе Испанской империи. В Мексике в сентябре 1810 г. вспыхнуло восстание, в июле 1811 г. провозгласила независимость Венесуэла, что стало отправной точкой более чем десятилетней борьбы между роялистами и националистами под руководством Симона

Симон Боливар (1783-1830), освободитель Южной Америки. Боливар принимал участие в неудачных восстаниях в Венесуэле в 1811-1812 гг. и в Новой Гранаде (Колумбия) в 1813 г., когда его армия захватила Каракас. После трех лет, проведенных в изгнании, он вернулся, чтобы в конечном итоге одержать победу в освободительной войне, результатом которой стало формирование обширной республики Колумбия, диктатором которой Боливар был до 1825 г. Позже в результате сепаратистских тенденций она раскололась на Венесуэлу, Эквадор, Перу и Боливию. (Художественная библиотека Энн Роунэн).

Боливара. В течение следующих десяти лет большая часть стран Испанского Нового света добилась независимости.

В Португалии королем стал Жуан VI, унаследовавший трон после смерти матери в марте 1816 г, но он продолжал оставаться в Бразилии до 1821 г. Факт нахождения королевской семьи в Бразилии способствовал сохранению этой колонии, но уже через год, в 1822 г., после возвращения Жуана в Португалию, его сын Педро провозгласил независимость. Португальские войска, посланные восстановить власть короны в Бразилии, были разбиты.

Официальное признание новых государств Южной Америки Англией и Соединенными Штатами, стимулированное экономическими интересами, не заставило себя долго ждать, и начался период растущего влияния США на торговлю в Латинской Америке, со временем им удалось потеснить европейские государства как доминирующую силу на территории от Мексики до Аргентины.

Цена войны

В широком контексте Наполеоновских войн война на Полуострове может рассматриваться как важная составляющая в деле окончательного поражения Франции. Она не являлась главным театром военных действий, но образовывала второй фронт, в течение семи лет постоянно выкачивающий из Франции материальные и человеческие ресурсы при небольшой собственно военной, но весьма значительной денежной помощи со стороны Британии. Напротив, французы в общей сложности направили на полуостров более 600 тыс. солдат, отвлекая, таким образом, силы, которые могли быть использованы против других врагов. Они проверили на себе древнюю и никогда не стареющую пословицу, гласящую: «Маленькая армия в Испании будет разбита, а большая умрет с голоду».

Континентальная система Наполеона оказалась губительна, не в последнюю очередь благодаря ее неприемлемости для зависимых от императора стран, что позволяло Британии завоевать симпатии этих государств, и, хотя и на не слишком прочном фундаменте, организовать готовые рынки для реализации контрабандных товаров из Англии и ее колоний. Торговля была жизненно-важной частью британской экономики, и в 1808 году английские купцы страдали от перепроизводства, вызванного французским запретом на импорт английских товаров. Захват французских колоний не стал равноценной компенсацией потерь, понесенных из-за экономического кризиса в Британии — производители тканей и изделий из металла наждались в постоянных и емких рынках сбыта за рубежом. Война на Полуострове значительно помогла решению этой проблемы, поскольку открыла для британской торговли рынки Испанской и Португальской империй, что привело к росту британского экспорта с 8 млн. фунтов в 1805 г. до почти 20 млн. в 1809 г. Выгоды от этой торговли оказались долгосрочными, простираясь вплоть до двадцатого века.

Подсчет понесенных во время войны потерь представляется трудным делом. Списки убитых и больных, в целом, доступны, но не всегда точны: образ действий партизанской войны делает затруднительным точный подсчет потерь французов и их союзников. Средние дневные потери Франции оцениваются в 100 человек, а всего за время войны — 240 тысяч, к этому стоит добавить неисчислимы финансовые траты и напряжение для французской казны. По другим оценкам потери французов составили 300 тыс. человек. Помимо содержания своих армий в Испании, Наполеон вынужден был выделять значительные займы своему брату Жозефу, достигшие к концу правления последнего в июне 1813 г. суммы в 620 млн. реалов. Но, несмотря на такую поддержку, Жозеф остался должен казне Франции почти такую же сумму. По одной из оценок общие затраты Империи составили до 4 млрд. реалов (или около 1 млрд.

франков), и это не считая стоимости оружия и иного военного снаряжения. Одни только цифры человеческих и финансовых потерь демонстрируют значимость вклада войны на Полуострове в крах наполеоновского правления в Европе. Ведя войну на один фронт, Франция могла выдержать серию полномасштабных кампаний, на два фронта — другое дело. После катастрофы в России давление союзников стало слишком сильным. Цену усилий Британии на Полуострове в человеческих потерях исчислить невозможно, зато есть аспект, подкрепляемый достоверными документальными свидетельствами: финансовая поддержка Испании и Португалии, выделяемая как в виде денежных субсидий, так и оружием, снаряжением, обмундированием. Между 1808 и 1814 годами Британия только в наличной валюте передала им 18 млн. фунтов стерлингов.

Составляющие успеха союзников

Война на Полуострове произвела на свет величайшего полководца Британии, и, возможно, лучшую ее армию. Высочайший профессиональный уровень, который армия показала в Испании и Португалии, стал подтверждением качеств Веллингтона не только как военачальника, но и умелого администратора. Какими же качествами он обладал, и как они воплотились в успех на поле боя?

Веллингтон был потрясающе вынослив. Он вставал в шесть утра и работал до полуночи, диктуя огромное количество приказов и донесений, и проезжая за день от 30 до 50 миль (48-80 км). За шесть лет, проведенных на Полуострове, он ни разу не был в отпуске. Амбициозность его планов и устремлений умерялась умением четко видеть перспективу и использовать разведку. Веллингтон начал войну, выработав для себя простую долговременную стратегию, и

приспосабливая тактику — по преимуществу, хотя и не всегда, оборонительную, — к условиям местности, сильным и слабым сторонам противника, возможностям своих людей. Он принадлежал к полководцам, умеющим быстро оценивать ситуацию, как на стратегическом, так и на тактическом уровне. Ему удавалось тщательно разрабатывать свои планы и зачастую предугадывать намерения врага. Он хорошо разбирался в вопросах снабжения, и понимал, что армия не может успешно воевать без постоянного обеспечения провизией, снаряжением и амуницией. А раз так, необходима отлаженная служба комиссариата.

Стремясь по возможности сохранить личный контроль за всем, особенно на поле боя, Веллингтон редко доверял свои полномочия подчиненным. Его приказы были четкими, и он строго отслеживал их выполнение. Если его нежелание передавать полномочия можно рассценивать как недостаток, то личное присутствие на поле боя сыграло не последнюю роль в неизменном достижении победы. Разъезжая под огнем, он ободрял солдат своим примером, и сразу принимал решения: выслать подкрепления, развить успех, отступить и т.д. Подтверждением его участия в гуще событий являются три случая, когда ему чудом удалось избежать плена и три полученные мушкетные пули — правда, не причинившие серьезного вреда. Шауманн описывает поведение Веллингтона под огнем при Бусако: «Как обычно, лорд Веллингтон демонстрировал высочайшую предусмотрительность, хладнокровие и присутствие духа. Приказы, отдаваемые громким голосом, были краткими и ясными».

Веллингтон понимал, причем с самого начала, что имея в распоряжении лишь небольшую армию, он не имеет права потерпеть поражение — ему нельзя было позволить себе такую роскошь. Критические высказывания в его адрес как «генерала от обороны» стоит рассматривать с учетом вышеприведенного факта. Три года он провел в обороне, стараясь свести риск к минимуму и принимая бой только при благоприятных

условиях, и потому всегда с успехом. Не давая французам возможности объединить силы, он бил их по частям, выжидая благоприятного момента для перехода в наступление. Поэтому, хотя французы постоянно располагали на полуострове несколькими сотнями тысяч штыков, Веллингтон вел сражения, в которых участвовали около 50 тыс. человек с каждой из сторон. Этому способствовало вторжение Наполеона в Россию в 1812 г., не только потому, что вызвало переброску французских войск на восток, но и поскольку лишило их генералов на Полуострове столь необходимых им пополнений. С этого момента французы вели войну на два фронта, создавая Веллингтону условия для перехода в наступление. Нельзя отрицать, что Веллингтон по большей части придерживался оборонительной тактики, но это не было догмой — подтверждением тому служат Порту, Саламанка, Витория, и другие битвы. Веллингтон понимал также, что война будет долгой, и когда другие командующие считали препятствие непреодолимым, продолжал действовать. В случае провала кампании ему было не избежать ответственности, и он признавал, насколько это зависит от доброго расположения хозяев и умения наладить с ними сотрудничество. «Убежден, — пишет он руководству в Лондон в октябре 1810 г., — что честь и интересы страны требуют от нас оставаться здесь до последней возможности... Я не стремлюсь переложить груз ответственности за поражение на плечи министров... Я не прошу у них помощи, которую они не в силах оказать... Если португальцы продолжают исполнять свой долг, я могу оставаться здесь, если нет — никакое усилие Британии не будет достаточным для удержания Португалии». Он никогда не давал воли «нытикам», как он называл офицеров своей армии, которые позволяли себе, часто втихую, вести толки о войне как заранее проигранной, особенно в период между Талаверой и отступлением Массены из под Торриш-Ведраш.

Веллингтон унаследовал армию, которая хоть и претерпела значительные преобразования под руководством таким

компетентных офицеров, как Эберкромби и Мур, имела неважный послужной список. За несколько лет он сумел сделать из нее самую дисциплинированную и обученную военную силу (для своих масштабов) в Европе. И хотя можно говорить о вкладе в победу союзников испанских солдат и герильясов, решающую роль играло умение армии Веллингтона одержать победу над французами на поле боя. И это ей непременно удавалось, причем с небольшими силами (от 30 до 60 тыс. человек), пестрыми по национальному составу, зато высоко дисциплинированными, обученными и возглавляемыми компетентными офицерами. Проще говоря, неизменное военное счастье Веллингтона во многом основывалось на четком планировании, личном контроле за ходом сражения и способностью немедленно реагировать на смену обстоятельств. Он умел предугадать действия своих оппонентов, многие из которых были опытными генералами, и строить свои планы соответствующим образом. И наконец, в его распоряжении была армия, составленная, по преимуществу, из компетентных старших офицеров и хорошо обученных солдат — возможно, лучших, которых когда-либо рождала Британия.

Неудачи на Коа и при Бургосе, хотя их нельзя назвать сражениями в строгом смысле этого слова, показывают, что английские войска не всегда добивались успеха. Кроме того, операции 1813 г. в восточной Испании под руководством Мюррея и лорда Уильяма Бентинка (1774-1839) тоже не принесли ощутимого успеха. Нельзя также утверждать, что войска всегда вели себя безупречно: их поведение после падения Бадахоса, и, в несколько меньшей степени, после Сан-Себастьяна, нельзя назвать иначе как позорным, эти факты запятнали репутацию войны, которую в прочих отношениях можно было бы назвать самой «цивилизованной» в истории Британии. Неспособность правительства обеспечить Веллингтона необходимым осадным парком чрезмерно увеличивала потери, которые в свою очередь подстегивали людей вести себя так после штурма.

Веллингтон, ясно видящий роль снабжения в войне, разумно стремился нарушать при всякой возможности транспортные пути французов, оберегая в то же время свои собственные. Он также развивал шпионскую сеть, что существенно облегчалось действиями на территории дружеской страны, французам же, напротив, возможность организации нормальной разведки была крайне затруднена.

В то время как французы постоянно страдали из-за перебоев в снабжении, англичане оперировали на союзной территории, и снабжение получали в основном по морю. Так что хотя сама война могла быть выиграна только с помощью сухопутных операций, роль британского флота в обеспечении этого успеха путем организации бесперебойного снабжения и связи армии с Англией, была необычайно велика. Французы могли воспользоваться только путем через Пиренеи: подвоз припасов по морю через Бискайский залив или Средиземное море был для них закрыт. Британцы же, напротив, чувствовали себя в море как дома, и именно это позволило им, например, не только высадить войска в Португалии в 1808 г., но и эвакуировать их, в связи с изменившейся ситуацией, из Коруньи в январе 1809 г., а потом снова перебросить в Португалию в апреле. Связь между господством на море и успехом сухопутной армии часто не замечают — война на Полуострове представляет собой замечательный образчик того, что морская сила не выражается собственно только морскими операциями. Говоря это, надо понимать, что эту свободу могла позволить себе только такая великая морская держава, как Британия, и стала она результатом крупнейшей морской победы при Трафальгаре в 1805 г.

Во многом союзники обязаны своим успехом Веллингтону, но не во всем. Нельзя забывать о вкладе Испании и Португалии, об ошибках и слабостях французов. Немалый эффект имело и реформирование португальской армии Бересфордом. Нужно упомянуть и о чрезвычайно мощной оборонительной системе, прикрывшей

Лиссабон. Линии Торриш-Ведраш позволили Веллингтону в совершенной безопасности стоять за защитным кордоном, прикрывающим как минимум центральную и южную части Португалии, выжидая удобного момента для ввода своих сил в Испанию.

Кто-то может отрицать значение регулярной испанской армии в 1808-1809 гг. по причине ее плохого состояния, но надо понимать, что если материальные потери французов при Байлене могли легко быть восполнены, то урон их репутации возместить было невозможно. Само существование этой армии, пусть даже в период 1808-1809 гг. ее неоднократно били, укреплял дух многих испанцев, особенно герильясов. Иначе говоря, хотя испанская армия была ненадежной и постоянно терпела поражения, она никогда не сходила с арены и французы никогда не сбрасывали ее со счета. Самим своим существованием она приковывала к себе значительное количество вражеских войск, которые в противном случае были бы переброшены против малочисленных англо-португальских сил, не превышавших 60 тыс. штыков. Не имея соответствующего транспорта и снаряжения, испытывая недостаток выучки и кавалерийских лошадей, представляя, по сути, толпу оборванцев под предводительством дураков, если не сказать хуже — стоит ли удивляться, что испанская армия постоянно терпела поражения в боях? И все же она возрождалась с упорством, невиданным тогдашней Европой. Более того, надо признать, что к концу войны, когда командование объединенными испанскими армиями было передано Веллингтону, это регулярные формирования поднялись на новый уровень и совсем неплохо зарекомендовали себя в бою при Витории и при осаде Сан-Себастьяна.

Нельзя недооценивать и роль партизанской войны, хотя в силу самой ее природы невозможно определить точные результаты, и как бы не характеризовались ее участники: от кровавых убийц до отважных патриотов родины (зачастую эти и постаси смешивались воедино). Оставшиеся по

большей части неизвестными, эти герои нарушали коммуникации, связывающие Испанию и Португалию, и сковывали значительные отряды войск, отправленных (чаще всего безрезультатно) на подавление партизанского движения. На деле французам приходилось воевать на два фронта: против регулярных армий союзников и против испанских и, в меньшей степени, португальских герильясов, действовавших на их флангах и в тылу. Нарушение коммуникаций и транспортных путей было делом несложным в условиях ландшафта, идеально подходящего для партизанских операций. Помимо вооруженных сил, в войне нередко принимали участие и невооруженные поселенцы, что явно выделяет войну на Полуострове из череды других конфликтов, начиная с XVII века, по степени ожесточенности и влияния на жизнь мирного населения. В военном отношении последствия герильи были огромны — она не только ослабляла силы французов, но и подрывала их боевой дух. Короче говоря, сам Веллингтон признал в 1814 году, что без поддержки и участия Испании и Португалии он никогда не выиграл бы эту войну. Участие Испании и Португалии вкупе с нестихающей герильей, и, разумеется, действия собственно английской армии, не позволили французам осуществить их привычную стратегию концентрации превосходящих сил в решающем пункте и достижения тем самым решающего успеха с наименьшими потерями. Бесспорно, французы всегда имели численное превосходство, но редко способны были им воспользоваться. Концентрация сил означала, что значительные территории будут отданы врагу, и их придется потом отвоевывать обратно. Вся эта масса солдат рассеивалась в безнадежных попытках держать под контролем население, защищать коммуникации и снабжать гарнизонами города. Вероятно, главной ошибкой французов была недооценка враждебности жителей Полуострова. Попытки одновременно бороться с враждебным населением и союзной армией требовали от захватчиков слишком много сил. Веллингтон констатировал: «Верно, что

(поражение французов в Испании) отчасти имеет причиной действия союзных армий на Полуострове, но большей частью кроется в неприятии их народом Испании. Известны примеры, когда французская армия на Полуострове насчитывала единовременно 380 тыс. человек, но не имела власти в шаге от своего лагеря».

Французы сами признавали, что сопротивление населения нельзя победить военными средствами. Вспоминая свою бытность генерал-губернатором провинции Каталония в 1810-1811 гг., маршал Макдональд с афористичной краткостью охарактеризовал эту проблему: «Враг был повсюду, и в то же время я нигде не мог его найти, хотя изрыскал всю провинцию вдоль и поперек».

Привычные для французов методы снабжения армии на Полуострове совершенно не годились. Вести кампанию в богатых и плодородных долинах По и Дуная — вовсе не то же самое, что в Восточной Пруссии или Польше, как понял Наполеон в 1807 г., а Испания и Португалия оказались даже хуже, да еще вдобавок проводилась политика «выжженной земли». Жить за счет захваченной территории здесь оказалось невозможно, добыча провизии стала серьезной, а иногда неразрешимой проблемой в условиях враждебного населения и негостеприимной страны. Силой вынуждая людей отдавать припасы, французы открыли ящик Пандоры.

В отличие от наделенного великолепными лидерскими качествами Веллингтона, французские командующие, по большей части талантливые, как Жюно, Виктор, Массена, Мармон или Сульз, иногда были врагами сами себе, действуя исходя из мотивов зависти, недоверия, профессионального соперничества, истремаясь к личному успеху. Конечный результат был до обидного плачевным: попытки объединить силы неизменно заканчивались неудачами, иногда катастрофическими, и это в войне, где численное превосходство могло решить все, и где наличие партизан делало дороги практически непроходимыми. Нужно отдать должное Веллингтону, который сумел убедить

правительство продолжать войну даже после экстренной эвакуации армии Мура из Испании. Он не только понял, что для защиты Португалии достаточно небольшого корпуса при поддержке реорганизованной армии этой страны, но и уловил, насколько ненадежна французская оккупация Испании. Обширная территория и накал народной борьбы позволяли предположить, что Франция никогда не сможет полностью покорить страну. В государстве, где население уже живет на грани нищеты, никакие драконовские методы не помогут прокормить армию из нескольких сотен тысяч штыков. В довершение к этой неразрешимой проблеме коммуникационные линии французов неизбежно оказались слишком растянуты, становясь тем самым крайне уязвимыми для атак герильясов. Те, кто говорит, что война с самого начала была проиграна французами, может делать это легко, только пользуясь преимуществом своего нынешнего положения, но бессмысленно отрицать факт возникновения у французов серьезнейших проблем с момента начала народной войны в Испании, а тем более со времени прибытия Веллингтона в Португалию несколько месяцев спустя.

Сколь серьезными не были выявившиеся в начале войны препятствия — плохое снабжение, противоречия в вопросах верховного командования, неблагоприятный климат и ландшафт, обширность территории, — Наполеон словно не желал видеть признаков надвигающейся катастрофы. Возможно, у него имелись причины испытывать оптимизм: когда Жюно вошел в 1807 году в Португалию, у Франции не было других активных фронтов, а ветераны кампаний 1805-1807 гг. не требовались даже для службы в оккупационных войсках — они были расквартированы на Рейне, Одере и Эльбе. Не сразу также сделалась очевидной сила сопротивления испанцев, а даже когда обрисовались все препятствия, включая неизбежное вмешательство Британии, Наполеон продолжал вести войну, и его решимость ни на миг ему не изменила. Конечно, можно с долей истины

рассуждать о том, что ошибки Наполеона и его самоуверенность стоили ему войны, но только с высоты нашего времени победа союзников видится предрешенной. Все могло быть иначе. Даже когда Англия вступила в войну, было много таких (не только «нытики» в армии Веллингтона, но и представители оппозиции в Парламенте), кто после Коруньи и в другие критические моменты войны настаивал на выводе войск с Полуострова. Нужно также учитывать, что, несмотря на военные усилия Британии, до 1812 года, когда произошла переброска французских войск на русский фронт, Веллингтон и помыслить не смел о полномасштабном вторжении в Испанию. До этого времени любое поражение на поле боя могло положить конец участию Британии в делах ее пиренейских союзников. Таковы были реалии в стране, имевшей лишь одну армию и правительство, зависящее от парламента. Ничего общего с наполеоновской Францией, способной, вопреки постоянным поражениям и пониманию невозможности окончательно покорить Испанию, упрямо удерживать захваченную страну до тех пор, пока ее силой не вынудили уйти оттуда.

Война на Полуострове позволила английской армии внести полномасштабный вклад в общее дело союзников по борьбе с наполеоновской империей, не сравнимый с мелкими диверсионными операциями

предыдущего периода. Впервые за целое столетие мощная британская армия, намного превосходящая ту, что участвовала в войнах середины XVIII в., сумела вести боевые действия на европейском континенте. Эта армия одержала целый ряд блестящих побед и, за исключением Бургоса, преуспела в захвате оборонительных позиций и укреплений. Практически каждый полк заслужил свою долю славы в сражениях на Полуострове, о чем до сего дня свидетельствуют почетные знаки на знаменах частей.

Не удивительно поэтому, что вклад Британии в поражение Франции был безоговорочно признан другими великими державами после заключения Парижского договора в 1814 г. Если бы Англия ограничила свое участие в войне только поставками (как бы велики они не были), субсидиями и морскими операциями — ее роль на мирной конференции, последовавшей за первым и вторым отречениями Наполеона, не была бы такой значительной, как оказалось на деле. Вопрос, сохранились ли бы империя Наполеона и его династия, не прими он решения вторгнуться в Испанию, остается открытым, но совершенно бесспорно, что это его предприятие и решимость Англии сражаться до победного конца, сыграли огромную роль в их окончательном падении.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение 3

Хронология 8

Извечные враги: Британия, Франция и Испания 11

Противоборствующие силы 16

Истоки конфликта 24

Война контрастов 29

Военные действия в 1808 г. 29

Прибытие британцев 32

Отступление к Корунье 35

Военные действия в 1809 году 39

Военные действия в 1810 г. 45

Военные действия в 1811 г. 49

Два лика войны: «джентльмены» и герильясы 55

Военные действия в 1812 г. 59

Военные действия в 1813 г. 64

Рядовой Эдвард Костелло, 95-й стрелковый полк 70

Художественные работы Франсиско Гойи 73

Джордж Каннинг, министр иностранных дел 79

Великобритании, 1807-1809 79

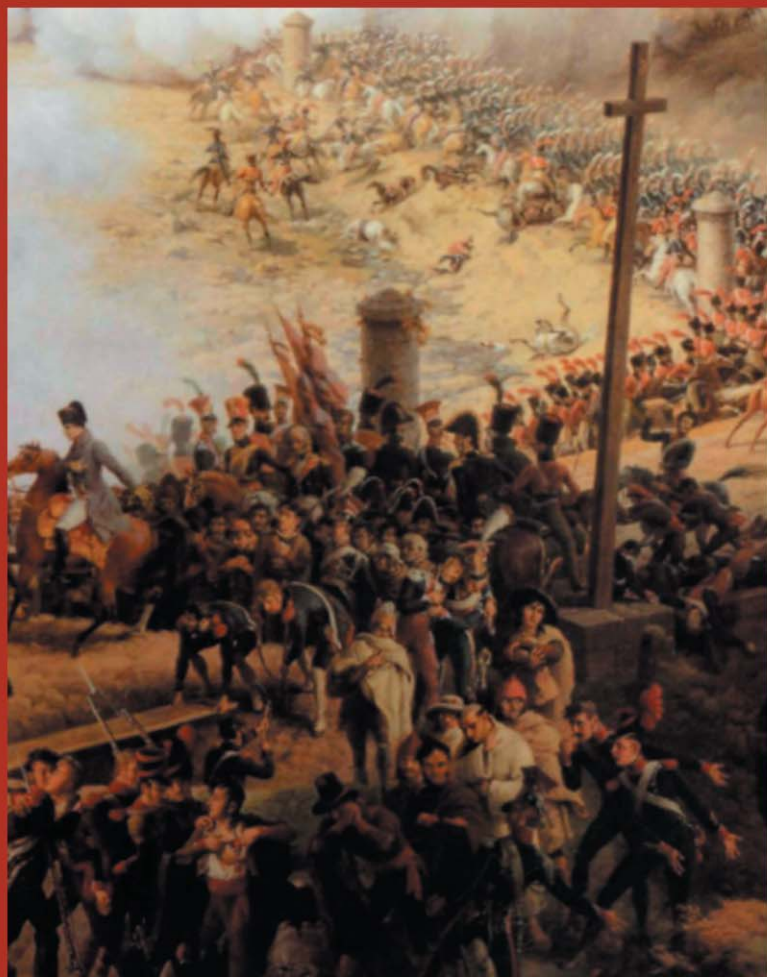
Эпилог войны: кампания 1814 г. 85

Потрясения в Испании и Португалии 89

Потери, уроки и наследие 89

Цена войны 90

Составляющие успеха союзников 91

Захват Наполеоном Пиренейского полуострова вовлек его в затяжную и дорогостоящую войну с войсками Англии, Испании и Португалии, выступавшими под руководством одного из величайших полководцев в истории – герцога Веллингтона. Также эта война открыла новую страницу в военной истории, ведь «испанская затея» Наполеона обернулась тяжелейшей семилетней схваткой с людьми, охваченными пламенем патриотизма. Пока Веллингтон одерживал победу за победой во главе регулярной армии, шедшая параллельно партизанская война собирала щедрую дань с захватчиков. Внешне играя, казалось бы, второстепенную роль в череде Наполеоновских войн, война на Пиренейском полуострове внесла огромный вклад в окончательное низвержение Наполеона.

ГРЕГОРИ ФРИМОНТ-БАРНС

ВОЙНА НА ПИРЕНЕЙСКОМ ПОЛУОСТРОВЕ
1807-1814

СЕРИЯ “НАПОЛЕОНОВСКИЕ ВОЙНЫ”